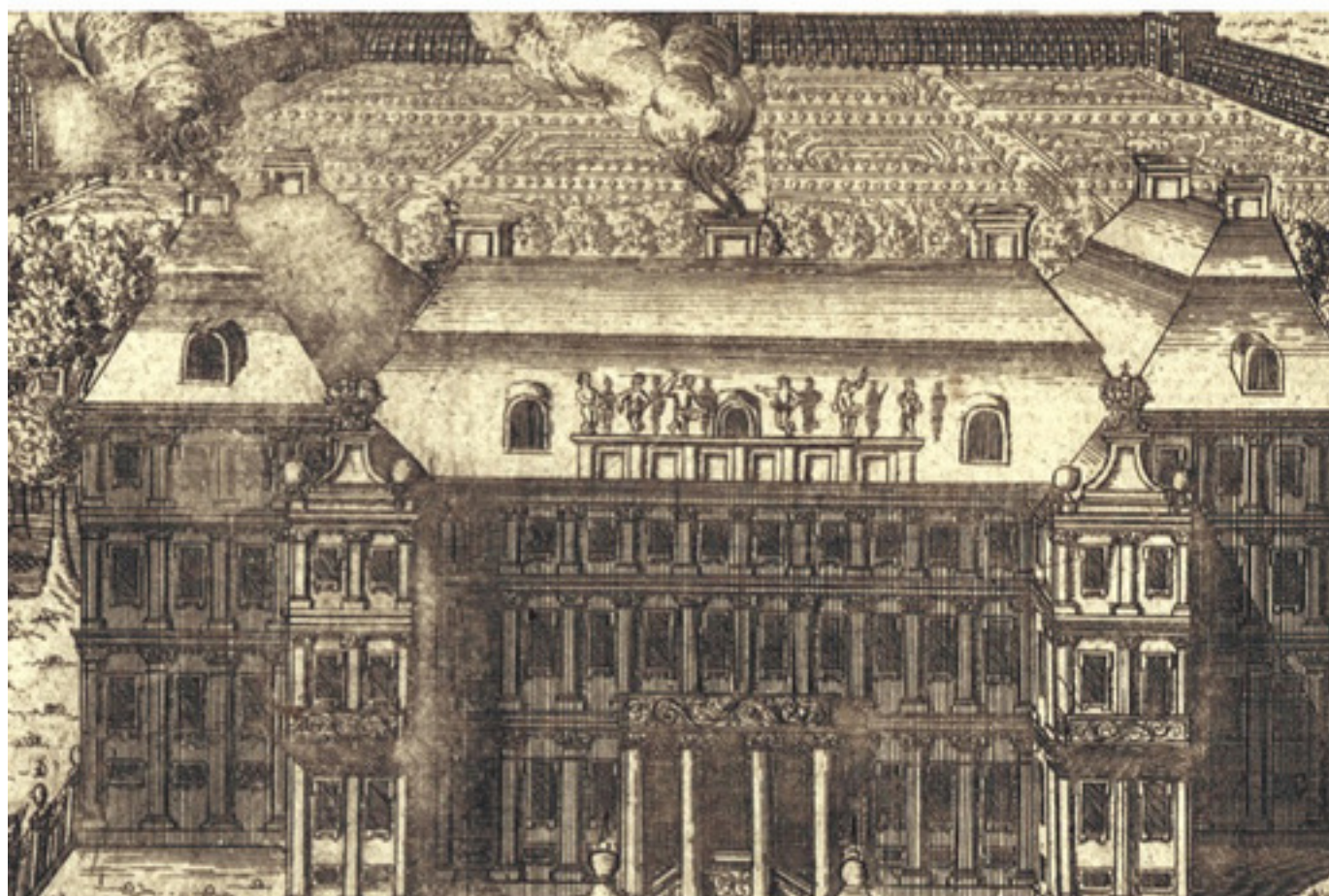

новые материалы
и исследования
по истории
русской культуры

11

ая академия
будет...»
сельные
России
половине
1

«Регулярная академия
учреждена будет...»
Образовательные
проекты в России
в первой половине
XVIII века

**Майя Лавринович
Игорь Федюкин**

**«Регулярная академия учреждена
будет...». Образовательные проекты
в России в первой половине XVIII века**

Серия «Новые материалы и исследования
по истории русской культуры», книга 11

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9002699
«Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой
половине XVIII века.: Новое издательство; Москва; 2015
ISBN 978-5-98379-189-3*

Аннотация

Сборник статей и архивных материалов «Регулярная академия учреждена будет...» открывает новые стороны становления системы образования в России в первой половине XVIII века – одного из ключевых процессов в истории петровской модернизации. Публикуемые в книге ранее неизвестные или малодоступные источники различного происхождения – личные, делопроизводственные, законодательные – содержат проекты создания или реформирования образовательных институций, учебные и методические программы, предлагавшиеся академиками, чиновниками, преподавателями и даже авантюристами. Опираясь на эти источники, авторы вошедших в сборник статей показывают, что становление школы западного образца в России в петровскую и послепетровскую эпоху было делом рук не столько государства, сколько административных предпринимателей – «проекторов», использовавших государственные ресурсы для достижения собственных целей.

Содержание

Введение	5
«Прожектеры» как административные предприниматели: становление раннемодерных государственных институтов и индивидуальная инициатива	8
Основание Морской академии: документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723	24
1.1. Проект для сочинения Морской академии (1715)	36
1.2. Проект строительства кораблей на Адриатике (1715)	40
1.3. Капитуляция Сент-Илера (1715)	43
1.4. «Представление» Сент-Илера Петру I (1715)	45
1.5. [Письмо Сент-Илера Петру I (1715)]	48
1.6. «Правила» для Морской академии (1716)	49
1.7. «Пункты» Г.Г. Скорнякова-Писарева (1719)	51
1.8. «Пункты» Г.Г. Скорнякова-Писарева комиссару М. Таптыкову (1719)	53
1.9. «Пункты в доклад» М. Таптыкова А.Л. Нарышкину с резолуциями (1722)	55
1.10. «Мемория» А.Л. Нарышкину (1722)	56
1.11. «Объявление» А.Л. Нарышкина (1722)	57
1.12. «Мемория» А.Л. Нарышкину (1723)	58
Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века	59
2.1 Реляция, каким образом молодая графы, бароны, и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают (1721)	78
«Харьковский коллегиум» / «Харьковская академия»: воплощенный проект белгородского епископа Епифания Тихорского	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

«Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века

Составители Игорь Федюкин, Майя Лавринович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Школа актуальных гуманитарных исследований

Сборник научных статей и архивных документов подготовлен в рамках научно-исследовательской программы Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Издание осуществлено при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве

Научные редакторы и составители Игорь Федюкин, Майя Лавринович

Рецензенты:

доктор исторических наук,

профессор Игорь Владимирович Курукин,

доктор исторических наук, профессор Николай Николаевич Петрухинцев

В оформлении обложки использована гравюра Алексея Ростовцева «Дом светлейшего князя Меншикова» (1716; ГМИИ им. А.С. Пушкина)

Введение

Игорь Федюкин

Возникновение и развитие новых форм образования, как секулярного, так и духовного, новых образовательных институций различных типов составляло один из важнейших элементов российской модернизации в XVIII веке. С одной стороны, трансформация образовательных моделей в значительной мере определяла сам характер коренной социальной и культурной перестройки, произошедшей в стране в результате петровских реформ, ее содержание. С другой, устойчивость и необратимость этой трансформации были не в последнюю очередь обусловлены именно тем, что общество в достаточной степени усвоило новые культурные навыки, поведенческие нормы и модели социальных отношений, распространявшиеся во многом именно через образовательные каналы. Это, как кажется, верно и для других модернизационных эпизодов, в том числе и за пределами России: усилия по радикальной перестройке по «западному» образцу, предпринимавшиеся в XVIII–XIX веках в целом ряде стран, от Египта и Османской империи до Китая и Японии, неизбежно сопровождались попытками создать новую школу и на ее основе – новую национальную элиту¹. Петровские преобразования задали архетип таких реформ, а опыт России прямо изучался реформаторами как свидетельство способности незападной страны быстро освоить западные технологии и общественные институты².

В этом смысле история становления образовательной системы в России раннего Нового времени заслуживает пристального внимания не только со стороны историков, специально изучающих образование в послепетровской России и российскую историю XVIII века в целом, но и со стороны более широкого круга исследователей, интересующихся механикой реформ и модернизационных процессов. Традиционно история становления школы в России на рубеже Нового времени пишется как история реформ «сверху», как история правительственных планов и руководящих импульсов со стороны просвещенных монархов-реформаторов. Данная картина едва ли может считаться удовлетворительной.

Во-первых, за ее рамками остаются всевозможные формы неинституционализированного и негосударственного обучения, где роль правительства была минимальной или даже отсутствовала вовсе, включая как домашнее образование в разных его вариантах и частные школы, так и другие каналы получения знаний, в том числе через социальные сети. Изучение этих форм образования только начинается: отчасти оно сдерживается и сравнительной скудостью источников (разумеется, институционализированное обучение, особенно деятельность государственных школ, значительно лучше документировано), но во многом и общей недооценкой в отечественной исторической литературе неформальных каналов распространения информации. Практически не изучены и формы организуемого государством в XVIII веке прикладного обучения на службе, через наставничество (служба в гвардии как форма подготовки офицеров, обучение так называемых юнкеров в Сенате и коллегиях и др.). Во-вторых, не получает должного внимания со стороны исследователей и история наиболее массовых государственных школ послепетровской эпохи, включая разветвленную сеть гарнизонных (и слившихся с ними впоследствии цифирных и адмиралтейских) школ. Охват этих форм обучения был на порядок больше, чем у тех столичных учебных заведений, которые обычно фигурируют в работах по истории русского образования XVIII века: фактически в них мы имеем своего рода первую общеимперскую сеть школ, просуществовавшую несколько десятилетий.

В-третьих, устоявшаяся парадигма оставляет мало места для инициатив «снизу» и вообще для деятельности каких бы то ни было акторов. Между тем при более внимательном рассмотрении целого ряда государственных новаций, образовательных и не только, выясняется, что своим появлением и обликом они обязаны не «государству» и «государственной политике», а как раз усилиям вполне конкретных «дельцов», развивавших соответствующие инициативы в своих собственных целях (пусть даже и пользуясь для этого своим официальным положением государственного чиновника и государственными ресурсами). Цели эти могли быть разными: от религиозно– или культурно-миссионерских до карьерных и придворно-конъюнктурных, – а чаще всего, разумеется, имело место сочетание разных целей. Однако объединяло все эти случаи то обстоятельство, что «государственная политика» в данной области (если она вообще существовала) была, как кажется, не столько самостоятельным источником и двигателем проектов, сколько лишь общей рамкой для реализации индивидуальных – и зачастую, весьма разнонаправленных – амбиций.

В данном сборнике мы сосредоточимся именно на вкладе в образовательные новации петровской и послепетровской поры индивидуальных акторов: на их мотивациях и методах деятельности, на их влиянии на формирование государственной политики и институционального ландшафта в сфере образования. В самом деле не секрет, что за период от начала реформ Петра до воцарения Екатерины II ландшафт этот изменился довольно радикально. Первые петровские школы были, по сути своей, домодерными учреждениями, обучение в них носило «цеховой», ремесленный характер. «Школа» мыслилась как совокупность учеников, собирающихся вокруг «мастера»-ремесленника и его подмастерьев: неслучайно в документах того времени Навигацкая школа обычно именуется во множественном числе – «школы», по числу учителей. К моменту же воцарения Екатерины II Россия обладала уже целым рядом узнаваемо современных училищ, мало отличавшихся по своей структуре от классических школ XIX века. Деятельность этих учреждений определялась регламентами и инструкциями, предполагавшими в том числе иерархическую организацию персонала, четкое разделение функций, регламентацию и учебного процесса, и повседневного поведения учеников и учителей, более формализованные процедуры оценки знаний и поведения учащихся; училища эти нацелены не просто на обучение, но на «воспитание» ученика, на интериоризацию им предписанных норм поведения и мышления, достигаемую подробным моделированием его поступков и особой организацией школьного пространства, предполагающей изоляцию от внешнего мира и постоянное «надзирание». Построение таких образовательных институций в России первой половины XVIII века – как и вообще любые новации, как просвещение и любой прогресс в целом – традиционно воспринимается как результат усилий государства и государя. Между тем очевидно, что в России первой половины XVIII века не было бюрократического органа, который мог бы вести такую работу и которому можно было бы приписать авторство образовательных инициатив. Если говорить о государе, то напомним, что сам Петр I, насколько на сегодня известно, не написал ни одного хоть сколько-нибудь развернутого документа, посвященного образованию (в отличие от ряда других отраслей); его непосредственных преемников и преемниц тем более сложно заподозрить в личном авторстве каких-то развернутых образовательных проектов. На практике разработка и реализация этих инициатив были делом рук отдельных административных предпринимателей, или «прожектеров», как их тогда называли, что не мешало, конечно, этим инициативам представляться в качестве мер государственной политики и даже составлять самое ее содержание.

Соответственно, представленные в данном сборнике работы ставят своей целью, во-первых, ввести в научный оборот ряд ранее не публиковавшихся или малодоступных исследований текстов (меморандумов-доношений, регламентов и инструкций, проектов нормативных актов и связанных с ними протокольных решений, писем и др.) первой половины

XVIII века, в рамках которых формулировались и предлагались подобные новации, а во-вторых, на примере этих документов показать роль, игравшуюся индивидуальными акторами в их создании и реализации, показать разные типы и формы «прожектерства», понимаемого в максимально широком смысле: не обязательно как создание текстов в особом, легко узнаваемом жанре обращений к монарху или крупному вельможе, но как все многообразие документов и действий, связанных с целенаправленным конструированием новых институтов и организационных форм. Соответственно, действующими лицами в публикуемых исследованиях становятся как прожектеры в устоявшемся смысле слова, вроде барона де Сент-Илера, так и государственные деятели и министры, чиновники, педагоги, архиереи. Наша задача состоит именно в том, чтобы в самом первом приближении раскрыть общие механизмы реформ, показать роль «административного предпринимательства» в определении облика формирующихся институтов в России раннего Нового времени, в данном случае – образовательных институтов.

Русский текст публикуемых документов воспроизведен в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Орфография оригиналов сохранена за исключением мягкого и твердого знака, а также буквы *й*. В немецкоязычных текстах прописные и строчные буквы употребляются в соответствии с современной орфографией. Пометы канцеляристов приводятся в хронологической последовательности их написания. Пунктуационные знаки расставлены в соответствии с современными правилами, за исключением тех случаев, когда в оригинале употреблен другой знак.

примечания

¹ Сравнительная история таких реформ изучена недостаточно. Наиболее общий сравнительный обзор см.: *Ralston D.* Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European World, 1600–1914. Chicago, 1990. См. также: *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 47–77.

² См., например: *Ekhtiar M.* An Encounter with the Russian Czar: The Image of Peter the Great in Early Qajar Historical Writings // *Iranian Studies*. 1996. Vol. 29. P. 57–70, здесь p. 1–2; *Dale S.F.* The Muslim Empires of the Ottomans, Safavids, and Mughals. Cambridge, 2011. P. 277; *Hillsborough R.* Samurai Revolution: The Dawn of Modern Japan Seen Through the Eyes of the Shogun's Last Samurai. Tokyo; Rutland (Vermont); Singapore, 2014. P. 37.

«Прожектеры» как административные предприниматели: становление раннемодерных государственных институтов и индивидуальная инициатива

Игорь Федюкин

Фигура «прожектера» и феномен «прожектерства» знакомы любому, кто интересовался историей петровских реформ – и за понятиями этими в историографии и научно-популярной литературе устойчиво закрепились вполне негативные коннотации. Такое отношение хорошо считывается, в частности, в известном замечании М.М. Богословского о Петре I, вокруг которого «жужжала целая толпа политических прожектеров, представлявших ему различные „пропозиции“, „изъявления“, „доношения“, „мемориалы“, содержавшие самые разнообразные реформационные планы»¹. «Прожектер» в таком устоявшемся понимании – заведомо авантюрист, в лучшем случае фантазер-энтузиаст, а то и прямо самозванец-мошенник, злоупотребляющий искренним интересом царя и его сподвижников ко всему новому, иностранному, «регулярному». «Прожектер» предлагает наивные, заведомо нереалистичные, а то и прямо вредные «прожекты», руководствуясь собственными корыстными интересами, – и в этом отношении противопоставляется «настоящему» государственному деятелю, формулирующему не «прожекты», но «проекты» реформ, исходя из подлинных государственных нужд.

Хотя в российской историографии прожектерство как явление прочно ассоциируется именно с петровскими преобразованиями, с эпохой увлечения Западом и появлением новых возможностей для амбициозных выскочков, в действительности «долгий» XVIII век, и в особенности десятилетия на рубеже XVII–XVIII веков, был «эпохой прожектерства» по всей Европе, не только в России²: современникам казалось, что их захлестывает вал предложений, обещающих (при помощи свежеизобретенных технических и организационных новшеств) моментальное решение той иной стоящей перед человечеством проблемы и, разумеется, сулящих обогащение авторам-прожектерам. Собственно, термин *Projecting Age*, «век прожектерства», для обозначения той эпохи ввел не кто иной, как Даниэль Дефо. В эссе 1697 года, своем первом значимом прозаическом произведении, писатель предложил реформы, касавшиеся самых разнообразных сюжетов: от улучшения дорог и исправления законодательства о банкротстве до создания благотворительных обществ и просвещения женщин и солдат³. Эссе проникнуто духом оптимизма тем более примечательного, что за плечами у его автора к тому времени уже были закончившиеся провалом предприятия по разведению виверр и подъему затонувших сокровищ с помощью водолазного колокола. Дефо оставался прожектером всю свою жизнь, обнародовав незадолго до смерти «эффективную схему для немедленного прекращения уличных грабежей», но собственное увлеченное прожектерство не мешало ему печатно же обличать прожектеров как «хищников», противопоставляя их добропорядочным предпринимателям⁴. Дефо, однако, интересен тем, что стоит на переломе эпох: наряду со скептицизмом века предыдущего, его сочинения отражают и дух зарождающейся новой эпохи с ее первыми научными и технологическими прорывами, новобретаемую европейцами веру в то, что человеческая мысль и целенаправленные человеческие действия могут и должны преобразовывать общество. Именно этот нарастающий пафос сознательного преобразования, пафос рационального обновления и преднамеренного

новаторства мы видим и в меняющемся на протяжении XVII века отношении к государственной деятельности вообще – в отходе от ее представления и легитимации как реставрации старого, как возврата к исконным порядкам и устранения накопившихся искажений и переходе к государственной деятельности как к «реформам», к изобретению нового (рационального) порядка, к открытому обновлению⁵. Одним из важнейших символов такой возможности целенаправленного преобразования, способности правителя побороть и природу, и человека (своих подданных), побороть, по словам Вольтера, «с тем, чтобы ее украсить», для многих европейцев становится Петр I. Сэмюэль Джонсон в своей апологии прожектёрства прямо относит Петра к числу «венценосных прожекторов» (royal projectors) наряду с Цезарем, Александром Македонским и иными⁶.

Как представляется, подобное обостренное внимание к прожектёрству со стороны современников неслучайно: рефлексия по поводу прожектёрства со стороны европейских интеллектуалов отражает ключевую роль, которую прожектёрство в широком понимании играло в построении институтов раннемодерного государства. В данной статье мы предлагаем предварительные соображения о механике прожектёрства как формы государственной деятельности и его соотношении с феноменом реформ вообще, о том, почему именно в Петровскую и послепетровскую эпоху прожектёрство оказалось особенно востребованным и особенно заметным для современников. Публикуемые в сборнике образовательные проекты первой половины XVIII века представляют в этом отношении весьма наглядный иллюстративный материал.

Хотя термин «проект» впервые фиксируется в русских источниках в 1705 году (и в варианте «прожект» в 1724 году), само понятие «прожектор» в России XVIII века, насколько можно судить, не употребляется⁷. Не подвергался феномен прожектёрства в России и сколько-нибудь системному изучению: фактически единственным специальным исследованием прожекторов Петровской эпохи остается работа Н.П. Павлова-Сильванского, имеющая скорее обзорный характер и вышедшая уже более ста лет назад⁸. Опубликовав целый ряд важнейших проектов той эпохи и дав очерки деятельности некоторых наиболее заметных прожекторов, Павлов-Сильванский, однако, рассматривал их значение достаточно узко. Появление проектов-«доношений» для него важно постольку, поскольку указывает, что Петр «не был так одинок» в своем реформаторстве, что он «опирался на сочувствие общества, на готовность большинства к сближению с западом», а сами прожекторы – это носители «прогрессивных стремлений», движимые «крайним увлечением западной культурой»⁹. Проекты, рассмотренные Павловым-Сильванским, представляли интерес для него лишь потому, что предвосхищали или повторяли реализованные Петром реформы; расхождения же между предложениями прожекторов и последующими действиями царя зачастую трактуется ученым как проявления наивности, непрактичности излишне увлекающихся авторов. В то же время из работы Павлова-Сильванского видно, что невозможно провести четкую грань между «прожектёрством» и серьезной государственной деятельностью. Для самого Петра не существовало принципиальной разницы между меморандумами того же Федора Салтыкова (более всего из рассмотренных Павловым-Сильванским персонажей приближавшегося к чистому типу прожектора), написанными с очевидной целью привлечь внимание государя и вернуть себе его расположение, и документами, которые готовились ключевыми сотрудниками царя, в том числе по его прямому указанию: и те, и другие подлежали анализу и рассмотрению, прорабатывались профильными ведомствами, сопоставлялись с альтернативными проектами.

Обзорный характер носит и посвященный «прибыльщикам и доносителям» небольшой очерк М.В. Ключкова. Среди его наблюдений представляет ценность указание на обращения «снизу» как на один из устойчивых источников законодательной инициативы, беру-

щий свое начало в давней традиции обращений к государю от частных лиц или групп населения (например, челобитная белозерцев 1539 года с просьбой об установлении земских учреждений). Исходя из этого, Ключков подчеркивает существование весьма широкого круга доносителей и прожектеров, в который он включает в том числе и князя Михаила Григорьевича Ромодановского, но одновременно противопоставляет «прожектеров» и «правительство», настаивая, что «правительство Петра Великого... было довольно самостоятельным» в отношении получаемых им проектов¹⁰.

Наиболее наглядно искусственность границы между прожектерами и «настоящими» государственными деятелями видна в недавних работах С.В. Андрияйна, подробно изучившего прожектерскую деятельность Петра Ивановича Шувалова в ее и интеллектуальном, и придворно-политическом контексте¹¹, и Я.И. Лариной, посвященной деятельности Генриха Фика, составлявшего многочисленные проекты в силу своих прямых должностных обязанностей¹². С.В. Андрияйн (следуя здесь В.Н. Строеву), придерживается определения проекта как особого вида публицистического произведения XVIII века, содержащего план преобразований, «адресованный императрице и/или высшим руководителям государства. Проекты писались особым языком, со своим комплексом риторических приемов, применявшихся для достижения поставленной цели»¹³. Исследователь видит несколько причин, обусловивших всплеск прожектерства в России в эпоху Петра: это активная реформаторская деятельность самого царя, дававшая подданным возможность реализовывать свой творческий потенциал; карьерные соображения – стремление привлечь внимание монарха, получить награду или повышение; наконец, социально-экономический кризис – денежные затруднения короны и обнищание подданных, побуждавших современников к поиску рецептов финансового и фискального оздоровления. Андрияйн выделяет два типа проектов: проекты универсальные и проекты узкоспециальные («о развитии какой-либо одной идеи, способной принести государству пользу»); дает обзор прожектерства первой половины XVIII столетия; рассматривает особенности проектов как жанра, выявляя характерную структуру текстов и используемые авторами риторические приемы¹⁴.

Этим, однако, перечень работ, в которых предпринимается попытка комплексного изучения феномена прожектерства как формы государственной деятельности в России, по сути, и исчерпывается. Как можно видеть, в них прожектерство до некоторой степени описывается, но не объясняется: не ясны ни его механика, ни факторы, делающие тот или иной «проект» возможным и успешным или, наоборот, провальным. Соответственно, не раскрывается и место прожектерства в осуществлении реформ, в построении раннемодерного государства в целом: в работах, посвященных преобразованиям той эпохи, доминирует макроподход, где предметом рассмотрения являются скорее широкие волны реформаторства и «контрреформаторства», но механизмы, определяющие содержание этих волн, конкретное наполнение институциональных преобразований, системно не рассматриваются. Не объясняются и движущие силы этих процессов: реформы во многом просто «происходят»¹⁵. Ярким исключением в этом смысле является недавно вышедший сборник, посвященный именно детальному изучению конкретных примеров реформаторства в Европе XVI–XVIII веков, многие из которых весьма близки к прожектерству в чистом виде¹⁶. Однако общей рамкой для рассматриваемых кейсов выступает именно культурный сдвиг, легитимация сознательного обновления: вопрос о том, почему реализуются именно те или иные анализируемые в сборнике проекты (а не какие-то иные), авторами не ставится.

Как представляется, если рассматривать прожектерство именно в контексте политической механики раннемодерных преобразований вообще и петровских в частности, то прожектеры оказываются *частным случаем агентов изменений*, определяющих динамику

институционального строительства. При таком подходе изучение прожектеров и прожектерства может задать структурную рамку для рассмотрения механизмов и движущих сил преобразований. Если, выражаясь словами Дугласа Норта, «институты... создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»¹⁷, то при изучении факторов, определяющих конфигурацию и траекторию реформ, причин успехов или неудач тех или иных преобразований, имеет смысл отойти от обсуждения «реформ» вообще как абстрактных конструкций и рассматривать в качестве базовой единицы анализа конкретные институциональные изменения. В самом деле, у каждого из таких «квантов» изменений неизбежно есть свой автор, есть противники, в результате каждого из таких изменений появляются свои бенефициары и свои проигравшие – и, соответственно, реализация каждого из этих изменений требует вложения определенных усилий и ресурсов. Очевидно, что для того, чтобы изменение состоялось, его сторонники (потенциальные бенефициары) должны вложить достаточно ресурсов и усилий, чтобы преодолеть сопротивление тех, кто в результате такого изменения проиграет. Во главу угла, таким образом, становится изучение самих агентов изменений, обстоятельств возникновения коалиций, необходимых для осуществления изменений, и способов привлечения ими необходимых и достаточных ресурсов.

Подобная проблематика все активнее рассматривается исследователями в области экономики и прикладной политологии, интересующимися движущими силами изменений и новаций в бюрократических системах. На первый взгляд такие системы по самой своей природе, описанной еще Максом Вебером, должны были бы ориентировать чиновника на действия исключительно в рамках существующих правил и регламентов, на выполнение рутинных функций – как же тогда они могут порождать новации, изменения? В поисках ответа на этот вопрос исследователи прибегают к аналогиям с процессами изменения и обновления в экономике. И если в экономике движущей силой изменений и новаций полагается предприниматель, которого толкает к постоянному поиску нового рыночная конкуренция, то в бюрократических системах выделяется фигура «институциональных/административных/бюрократических предпринимателей» – акторов, которые заинтересованы в тех или иных институциональных условиях и которые мобилизуют ресурсы (организационные, политические, финансовые и иные) для создания новых институций или трансформации существующих¹⁸. Формы такого предпринимательства, факторы, объясняющие возникновение таких предпринимателей и успех (или неудачу) их проектов, рассматриваются в последнее время в целом ряде специальных работ¹⁹.

Удачным примером осмысления *modus operandi* таких агентов на конкретно-историческом материале Нового времени может служить модель институциональных новаций в науке, предлагаемая Сергеем Козловым в его работах, посвященных становлению Практической школы высших исследований (ПШВИ) в Париже²⁰. Задаваясь вопросом о том, как вообще возможны были научные новации во Франции Нового и Новейшего времени, в условиях мощнейших институциональных блокировок, осуществляемых монополистом в лице университетской корпорации, автор приходит к выводу о ключевой роли операций по «институциональному шунтированию» – построению боковых каналов, позволяющих обходить эту институциональную блокировку. ПШВИ оказывается одним из примеров такого шунтирования, и именно с ней связаны едва ли не все ключевые прорывы во французских гуманитарных и социальных науках с середины XIX по середину XX века. Как полагает С.Л. Козлов, построение таких институций – в обход университетов-монополистов – становится возможным именно как результат «интеллектуального предпринимательства». Опираясь на давнюю работу Джозефа Бен-Дэвида «Роль ученого в обществе»²¹, автор описывает такое предпринимательство, как «„вертикальное“ сложение усилий отдельных научных

„антрепренеров“ или научных клик (обычно соотносимых с теми или иными политическими тенденциями) с одного конца вертикали и усилий отдельно взятых администраторов и политиков с другого ее конца». Автор предлагает схему распределения ролей в рамках таких клик, в общем виде включающих «администратора», собственно реализующего проект; «*прикрывающего*» («политическая фигура или политическая сила, обеспечивающая проекту политическое прикрытие»), и «*исполнителей*»-экспертов, на мнение которых опирается администратор. Возникновение такого «вертикального сговора» основывается на «слабо институционализированных социальных взаимодействиях», где «формальная коммуникация между институтами» заменяется «неформальной коммуникацией между отдельными реформаторами-индивидами». Как поясняет Козлов, «для формирования подобного рода констелляций решающее значение приобретают факторы, так сказать, микроисторические: стечение обстоятельств, личные связи, личностные особенности». Ключевую роль здесь играют «выскочки» – акторы, которые не вписаны в существующие корпорации и потому не могут самореализоваться в их рамках и которые одновременно не связаны устоявшимися в корпорациях системами отношений. Способность таких акторов – как полагает С.Л. Козлов, именно в силу случайного сложения обстоятельств – выстроить коалицию с теми или иными лицами, принимающими решения, и является ключом к успеху; как видно из его изложения, это происходит в том числе, если «выскачка» обещает «патрону» возможность осуществить некоторую идею, проект, которые идут вразрез с интересами доминирующих корпораций. И хотя сам Бен-Дэвид полагал такой способ новаций уникальным именно для французской модели организации науки, как справедливо отмечает С.Л.Козлов, он выглядит до боли знакомым и специалистам по российской истории: вероятно, речь тут может идти о более широко применимой модели.

Подобная оптика, как кажется, была бы уместна и при изучении реформ в России раннего Нового времени, где ключевую роль в планировании и реализации институциональных изменений и играли именно такие «административные предприниматели». При этом рассматривая прожектерство и вообще реформаторство Петровской эпохи как административное предпринимательство, можно говорить о двух его измерениях: об общей логике поведения административных предпринимателей, действующей, видимо, в рамках любых современных институтов, и о специфических особенностях именно Петровской эпохи, создававших особенно благоприятные условия для административного предпринимательства.

административное предпринимательство как модель

Административный предприниматель действует в рамках государственного аппарата или с опорой на него и с использованием государственных ресурсов – административных, символических, кадровых, финансовых и так далее – для достижения собственных целей (то есть целей, которые не вытекают напрямую из его должностных обязанностей или указаний его начальников), заключающихся в создании или трансформации административных структур или правил их функционирования. При таком подходе *любое институциональное изменение, любой эпизод преобразований представляет собой перераспределение ресурсов*, в том числе изменение правил их распределения или изъятия, правил доступа в те или иные корпорации, к той или иной информации и тем или иным центрам принятия решений, изменение иерархической соотнесенности индивидуумов и целых организаций и так далее; с этой точки зрения нет никакой разницы между «реформами» и «контрреформами», и точно так же нет разницы между «реформированием» или созданием новых институтов, поскольку введение современного регулирования той или иной традиционной сферы также предполагает перераспределение ресурсов (в известном смысле экспроприацию их агентами современного государства). Соответственно, у любой реформы неизбежно есть свои

проигравшие и выигравшие, а любое институциональное изменение следует рассматривать как конкурентный процесс, в рамках которого участники-«предприниматели» инвестируют доступные ему ресурсы для достижения благоприятного для них результата. В этом смысле не могут признаваться удовлетворительными, конечно, «стерильные» описания петровских реформ, где текстуальный анализ различных версий реформаторских документов не сопровождается и анализом той политической борьбы, которая велась вокруг различных версий каждого закона и регламента, выявлением выигравших или проигравших. Невозможно представить себе, что петровские деятели не осознавали, как то или иное нововведение, та или иная правка предлагаемых регуляций увеличит или сократит имеющиеся у них полномочия, финансовые ресурсы, возможность доступа к государю.

При таком подходе можно говорить о том, что именно прожектерство, административное предпринимательство, и формировало в значительной степени и микродинамику институциональных изменений в России того времени. И действительно, при более внимательном изучении за тем или иным институциональным изменением нередко просматривается заинтересованный «предприниматель», который надеется в результате этих изменений получить полномочия, ресурсы, доступ к монарху или возможность заслужить его благосклонность. При таком подходе изучение реформ и преобразований невозможно без изучения административных предпринимателей и их усилий. С одной стороны, нас должен интересовать набор ресурсов, которые были доступны тому или иному конкретному предпринимателю и которые, по всей видимости, определяли его предпринимательскую стратегию и тактику. Речь может идти о наличии связей (особенно важен прямой канал коммуникации с монархом или хотя бы возможность периодически напрямую выходить на монарха), наличии команды соратников, экспертной репутации (придающей легитимность проекту), возможности мобилизовать финансовые или административные ресурсы для поддержки проекта. С другой стороны, нас должна интересовать существующая конкурентная среда, а именно потенциальное влияние данного проекта на интересы (ресурсы, полномочия) других игроков и доступные этим игрокам способы защиты своих интересов, а также наличие других предпринимателей, выступающих на этом же поле с альтернативными проектами. Очевидно, что при таком подходе между прожектерами и «настоящими» государственными деятелями, а также между сановниками и рядовыми чиновниками или экспертами не может быть принципиальной разницы: и те, и другие действуют в качестве административных предпринимателей. Различия между ними могут быть лишь в тактике предпринимательства – в наборе доступных им ресурсов, методах конкурентной борьбы с другими предпринимателями, их непосредственных целях.

Устойчивость же конкретного изменения в этом случае зависит от способности этого предпринимателя привлечь необходимые ресурсы разного рода для его реализации, в том числе сформировать коалицию заинтересованных игроков, готовых поддержать новый статус-кво и активно использовать внедренную институциональную норму в своих целях и имеющих для ее использования необходимые ресурсы. В отсутствие же таких «пользователей», нуждающихся в данной норме для регулярного отстаивания и продвижения своих интересов, фиксации своих отношений с другим акторами, норма оказывается неработающей, даже если она была утверждена на высочайшем уровне; примеры таких норм мы находим в том числе и в публикуемых ниже материалах.

А что же в этом случае государь? Как кажется, в такой модели по отношению к реформам, новациям и изменениям он может выступать в двух ипостасях. Во-первых, – и это особенно хорошо видно именно в случае Петра – государь в некоторых (но далеко не во всех) случаях и сам выступает «первым прожектером государства», лично инвестируя время, средства, кадры в тот или иной проект, реализует его собственными руками. Во-вторых, он определяет общий вектор предпринимательства-прожектерства и границы возможного. Задача

предпринимателя в таком случае – сформулировать невысказанную и, возможно, еще не осознанную даже государем интенцию, в конкуренции с другими предпринимателями наиболее удачно попасть в тон размышлениям государя. Как указывает Михаил Долбилов, «единоличная воля монарха уже на ранней стадии „конфигурировалась“ ожиданиями и запросами узкого, но активного круга элиты», а обсуждение государственной политики выливалось в борьбу в среде высшей бюрократии за истолкование этой самой высочайшей воли²². Как мы уже подчеркивали, это, конечно, делало возможность прямого доступа или хотя бы личного письменного обращения к государю ключевым ресурсом. Формирование же государственной политики в той или иной области неизбежно становилось площадкой для реализации административных и придворных амбиций и связанного с этим соперничества, в том числе борьбы за административные полномочия, символические и материальные ресурсы²³.

Следует подчеркнуть, что изучение индивидуальных реформ как предпринимательских проектов ни в коем случае не противопоставляется изучению их идеологической, содержательной составляющей: одно совершенно не противоречит другому и не исключает его. Реализация даже самой «прогрессивной» и благонамеренной реформы все равно предполагает перераспределение ресурсов и полномочий, формирование коалиций заинтересованных игроков, а идеологические, концептуальные конструкции структурируют процесс предпринимательства, дают материал для формирования проектов. Более того, «идеологическая» компонента реформ на практике также является важным ресурсом: она может быть использована для обоснования и легитимации проекта, может открывать доступ к сетям единомышленников и сотрудников (в том числе международным), а также к влиятельным патронам. При таком подходе снимается сама оппозиция между, с одной стороны, риторикой «общего блага» и регулярного государства, и с другой, карьерными амбициями сподвижников Петра и их склонностью действовать в рамках неформальных моделей отношений, где грань между «традиционной» поддержкой клиентов и прямой коррупцией трудноразличима. Наконец, особый интерес представляют те нередкие случаи, когда «идейная» сторона проектов вступает в прямое противоречие с окружающей политической конъюнктурой, с задаваемой монархом общей рамкой государственной политики. В одних случаях подобные противоречия означают, что проект терпит крах или остается на бумаге; но в других мы видим, как административные предприниматели – даже в условиях петровской и послепетровской монархии – изыскивают организационные и финансовые ресурсы для реализации проектов, весьма мало смыкающихся с предпочтениями или интересами монарха.

административное предпринимательство и становление раннемодерного государства

В той или иной степени модель «административного предпринимательства» может быть применима для изучения механизма реформ и шире – строительства государственных институций в любую эпоху, но как представляется, особенно актуальна она при осмыслении именно раннемодерного периода. В самом деле, институциональные реформы проходили здесь в условиях крайней слабости административной инфраструктуры. С одной стороны, для государства раннего Нового времени было характерно бурное расширение сферы его деятельности: если раньше государство и государственный аппарат занимались едва ли не исключительно войной, сбором налогов и отправлением правосудия, то в рассматриваемую нами эпоху в поле его зрения попадают практически все области человеческой деятельности. Образование и здравоохранение, науки и искусства, промышленность и транспортная инфраструктура, сельское хозяйство и религия, призрение бедных и воспитание сирот – все эти сферы на протяжении XVIII века оказываются предметом приложения государствен-

ных усилий, объектом регламентации, администрирования и «развития». С другой стороны, государство раннего Нового времени – даже самое передовое – обладало довольно рудиментарным государственным аппаратом. В этих условиях приращение государства не могло не происходить как результат индивидуальной инициативы, то есть усилий предприимчивых индивидуумов или корпораций, которые обосновывали необходимость такого приращения, а затем брались обеспечить выполнение вновь появляющейся государственной функции и создать для этого необходимую организационную структуру. Далеко не всегда инициативы эти формулировались в ответ на прямой запрос со стороны «государства»: зачастую новые функции нужно было сначала изобрести. И если сегодня существуют целые «министерства реформ», специализированные бюрократические подразделения по выработке планов преобразований (в рамках которых обычно и трудятся административные предприниматели), то у Петра и его современников в Западной Европе таких подразделений не было. Удачный пример здесь – как раз образовательная сфера: понятно, что никакого «министерства просвещения», которое могло бы выработать план создания новых школ и реализовать его, могло бы генерировать идеи и предложения «по должности», не существовало: соответствующую функцию государства – как и многие другие – предстояло в буквальном смысле придумать и обосновать, создать с нуля.

Неудивительно, что на первый план здесь выходят именно административные предприниматели в наиболее чистом виде – прожектеры, являющиеся характерной приметой той эпохи. В последнее время в целом ряде работ исследователи обращают наше внимание именно на различные социальные структуры, которые сыграли ключевую роль при переходе к раннемодерному государству, подменяя собой несуществующие или неокрепшие пока бюрократические институты, и поглощались этими институтами по мере того, как централизованное государство оформлялось и набирало силу. Гай Роулэндс и Сара Чапмен указывают на роль династических интересов и аристократических кланов в формировании раннемодерного государства и управлении им во Франции эпохи Людовика XIV на той стадии, когда только возникающие централизованные административные структуры еще не были способны справиться с мобилизацией финансовых и политических ресурсов, с поддержанием политического баланса, необходимых для ведения войн нового типа и нового масштаба. Пол Бушкович использует близкий подход для анализа петровского царствования, указывая, что первый император правил, фактически опираясь на соперничающие аристократические кланы, а Павел Седов использует близкий по смыслу подход при анализе позднемосковского периода. Джулия Адамс указывает на роль верхушки нидерландского купечества, взаимопереплетенных семей торгового патрициата, в поддержании институциональной и политической стабильности нидерландской колониальной империи и в управлении ею. Дэвид Пэрротт наконец демонстрирует, что «военное предпринимательство» было не случайным явлением, не тупиковой, малозначительной ветвью в формировании современной армии и военной организации, но сыграло в нем ключевую роль, вновь фактически подменяя собой инфраструктурные элементы раннемодерного государства на этапе его становления²⁴.

В Петровскую эпоху, когда строительство новых институтов и разрушение старых, разлом устоявших корпораций идет крайне бурно, данные соображения приобретают, разумеется, особое значение. Мы видим повышение доступности государя, ослабление некоторых социальных и культурных ограничений на участие в государственной деятельности как раз для тех самых «выскачков», о которых пишет С.Л.Козлов, и одновременно обвальную деинституционализацию 1700-х годов, когда, разрушив или маргинализовав существовавшие структуры, государь зачастую может реализовать свои замыслы, только опираясь на этих самых «выскачков» и на клиентские сети своих сподвижников. Прорывной с точки зрения осмысления петровского институционального строительства, в том числе и как результата административного предпринимательства «снизу», является недавняя фундамен-

тальная статья Анны Жуковской²⁵. Опираясь на уже закрепившееся в литературе мнение, согласно которому формирование приказов, а за ними и многих петровских учреждений, имеет смысл рассматривать как процесс институционализации индивидуального поручения монарха тому или иному сановнику²⁶, Жуковская детально реконструирует становление «приказа крепостных дел» и роль в этом процессе известного «прибыльщика», административного предпринимателя-прожектера Алексея Александровича Курбатова (1663–1721)²⁷. Траектория образования приказа, его трансформации «из поручения в учреждение» прочитывается сквозь призму индивидуальных карьерных устремлений и усилий Курбатова, действовавшего с опорой на реконструируемую исследовательницей сеть собственных клиентов и в интересах этой сети. В результате, хотя сам автор не употребляет этого термина, история данного приказа под руководством «прибыльщика» оказывается весьма показательным примером как раз «административного предпринимательства». К аналогичным результатам мы приходим и оценивая роль Курбатова в становлении такого хрестоматийного петровского учреждения, как Навигацкая школа. История этого легендарного проекта при ближайшем рассмотрении оказывается историей именно предпринимательских усилий «прибыльщика» и группировавшегося вокруг него кружка позднемосковских книжников, реализовывавших культурную программу, которая совпадала с петровской лишь на очень узком временном отрезке и в силу скорее тактических соображений. Одновременно видно, как школа и ее деятельность давали повод для продвижения материальных и карьерных интересов участников процесса. Непосредственный же вклад самого Петра в становление школы по источникам прямо не просматривается, за исключением самого первого эпизода найма учителей-британцев, давшего толчок последующему прожектерству²⁸.

Наши соображения о роли прожектеров и прожектерства вписываются в эту традицию: сквозные темы нашего сборника – это стратегии и тактики административного предпринимательства, методы привлечения административными предпринимателями необходимых ресурсов, соотношение прагматических и идейных мотивов в административном предпринимательстве петровской и послепетровской поры на примере сферы образования. Среди героев сборника наиболее очевидным классическим образчиком прожектера является, конечно, барон де Сент-Илер, оказывающийся на поверку авантюристом и самозванцем. На его примере хорошо видно, как важно для успешного предпринимателя умение выявлять перспективные направления проектирования, определять интересующие потенциального патрона темы. Уже в самом начале 1715 года, буквально через пару месяцев после прибытия в Санкт-Петербург, барон представляет Петру сразу несколько совершенно разнонаправленных проектов. Примечательно, что при этом каждый из них в основе своей опирается на вполне реальные, актуальные на тот момент интересы и потребности Петра: проект Морской академии основан на том же самом французском адмиралтейском ордонансе, который Петр за несколько месяцев до того поручил переводить Конону Никитичу Зотову, а проект постройки кораблей на Адриатике тесно смыкается с действительно предпринимавшимися Петром в это время усилиями по постройке и покупке кораблей в Западной Европе и привлечению в Россию иностранных ремесленников. Мы не знаем в точности, как именно мнимому барону удалось получать необходимую информацию о текущих планах царя, однако очевидно, что он, во-первых, старался подстраховаться, предлагая столь разные проекты, а во-вторых, разрабатывал свои предложения, сообразуясь с местной обстановкой. Так или иначе, целью создания всех этих проектных текстов является получение ресурсов – как материальных, так и статусных, – а если возможно, то и должности. При этом мы видим, что со временем фокус проектирования меняется: если вначале Сент-Илер в первую очередь стремится привлечь внимание монарха, то в дальнейшем он работает над

созданием административной ниши для себя, обозначением и закреплением связанных с ней полномочий и статуса, а затем защиты этой ниши от враждебных действий со стороны графа Андрея Артамоновича Матвеева. Предлагавшиеся им новации в области педагогики, организации школы, дисциплинарных практик несомненно были достаточно передовыми для того времени и соответствовали магистральному направлению развития школы в XVIII столетии. Однако содержательная их направленность такова, что, говоря прагматически, все они «работают» на Сент-Илера, обосновывая его претензии на полномочия и ресурсы.

Хорошо просматриваются и те ресурсы, на которые опирается в своей деятельности Сент-Илер. С одной стороны, это ссылки на его собственную – предполагаемую – экспертизу и личные связи. Характерно, что в проекте адриатической экспедиции речь идет именно о тех частях Европы, в которых мнимому барону действительно довелось побывать, где у него, судя по всему, оставались контакты: о Северной Адриатике, Италии, южном побережье Франции, об испанских и португальских портах. С другой стороны, по прибытии в Санкт-Петербург он молниеносно находит доступ ко двору через фрейлину крон-принцессы Шарлотты, поддержка со стороны которой становится ключевым фактором успеха бароновых начинаний. Создание Морской академии и назначение барона ее директором прямо увязано с женитьбой последнего на фрейлине крон-принцессы, причем свадьбу праздновали при дворе принцессы в присутствии всей царской фамилии; соответствующее решение Петра едва ли не следует считать свадебным подарком барону. И наоборот, смерть крон-принцессы в конце 1715 года ознаменовала собой и начало заката его карьеры.

Наконец, на примере Сент-Илера хорошо видно, что для современников различия между «прожектором» в привычном нам негативном смысле и «настоящим государственным деятелем» не существовало. Увольнение Сент-Илера было связано не с «разоблачением» его как самозванца, не с претензиями к его работе и не с несостоятельностью его предложений по устройству Академии, а с его аппаратным проигрышем в соперничестве с графом Матвеевым. Выговорив себе директорскую должность и генеральский чин, барон попытался вести себя как сановник и неизбежно проиграл в конкуренции с настоящим сановником Матвеевым: не пойдя он на конфликт при заведомо неравном соотношении сил, согласись на роль «эксперта» при «сановнике» Матвееве, Сент-Илер вполне мог остаться в истории российского образования как успешный технический специалист, подобный многим другим иностранцам на русской службе.

Как на практике функционировало административное предпринимательство, хорошо видно и на примере Харьковского коллегиума. Как показывает в своей статье Людмила Посохова, такое уникальное образовательное учреждение, как Харьковский коллегиум, могло возникнуть исключительно благодаря активным действиям его основателя, епископа Епифания Тихорского. Епифаний конечно же действовал в рамках мандата, предоставленного ему Духовным регламентом 1721 года, задавшим общую идеологию и конструкцию системы духовных школ в империи. Однако практически все детали устройства тех школ, которые, согласно Регламенту, должны были создавать у себя в епархиях архиереи, оставлялись на усмотрение самих епископов. Синод же, несмотря на регулярные призывы к архипастырям создавать такие училища, никак не помогал им, но и не наказывал тех, кто эти школы так и не создал. Более того, указом 1722 года требования к организуемым епископами школам были снижены, а в 1723 году Синод позволил сокращать численность учеников в школе, после чего многие из них (в Ростове, Ярославле, Суздале) просто закрылись.

Никакого прямого активного участия центральной власти – ни светской, ни духовной – в создании Харьковского коллегиума также не просматривается. Очевидно, что само возникновение Харьковского коллегиума как одного из крупнейших учебных заведений своего времени, уже через несколько лет после создания насчитывавшего более 400 учеников (привлекавшихся, впрочем, принудительно), следует связывать именно с усилиями Епифа-

ния. Почему среди всех российских епископов усилия эти приложил именно Епифаний тоже понятно, учитывая его личный опыт в качестве одного из администраторов Киево-Могилянской академии. Успех же этих усилий объясняется в том числе и с его способностью мобилизовать для развития своего предприятия существенные административные ресурсы. Посохова указывает на поддержку, и административную, и материальную, которую оказывал училищу князь Михаил Михайлович Голицын, командовавший войсками на Слобожанщине. Традиционно считается, что именно он инициировал перевод училища из Белгорода в Харьков, где находилась его штаб-квартира: хотя документальных подтверждений нет, считается, что Голицын (а впоследствии и другие представители этой семьи) делал коллегиуму щедрые пожертвования, а также защищал его от произвола со стороны администрации и воинского начальства, фактически выдав училищу охранную грамоту. Недостаточно исследованным остается еще и вопрос о возможной поддержке коллегиума со стороны Феофана Прокоповича, бывшего патроном Епифания еще с киевских времен, в частности, о его возможной роли в получении коллегиумом 16 марта 1731 года жалованной грамоты от Анны Иоанновны – грамоты, текстологически близкой к аналогичному документу Киево-Могилянской академии.

Дело, однако, не только в том, что коллегиум возник исключительно благодаря предприимчивости Епифания, но и в том, что сам его итоговый облик был определен не государственным замыслом, но представлениями и предшествующим опытом епископа, выливающимися, как пишет Посохова, в достаточно четкий план действий. Духовный регламент задавал лишь максимально общие рамки для его действий – настолько общие, что в них без видимого напряжения равно вмещались и Харьковский коллегиум, и примитивные школы, которыми ограничилось дело в большинстве других епархий. Фактически мы видим, что российский епископ в начале XVIII века имел достаточно полномочий для реализации в границах этих рамок собственного, довольно радикального образовательного проекта. По словам Посоховой, «несмотря на указания Духовного регламента об основании архиерейских школ, в данном случае возникло учебное заведение иного образца – православный коллегиум. Эта модель была связана не столько с реализацией государственных инициатив петровского времени, сколько опиралась на достаточно глубокую местную образовательную традицию». Можно сказать, что, по сути, Епифаний использовал государственные инициативы лишь как предлог, причем весьма формальный, для реализации собственной культурной программы. Следует, конечно, учитывать и укорененность этой программы в местном культурно-историческом и социальном контексте: именно этой укорененностью объясняется устойчивость предложенной Епифанием модели, которая пережила своего создателя (скончавшегося в 1731 году) и сохраняла свою самобытность вплоть до централизаторских реформ конца XVIII – начала XIX века.

Уникальный в своем роде пример, разбираемый Яной Лариной, представлял собой Генрих Фик²⁹. Как известно, составление проектов входило в его должностные обязанности: Фик по поручению царя добывал тексты зарубежных (в первую очередь шведских) нормативных актов и на их основе вырабатывал предложения по организации системы государственного управления в России. С одной стороны, в силу институционализации и рутинизации его прожектерских функций Петром термин «прожектер» оказывается парадоксальным образом неприменимым к Фику. С другой стороны, анализируя «Реляцию, каким образом молодые графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают» и другие документы Фика, посвященные образованию, Я.И. Ларина показывает наличие у прожектера вполне определенной последовательной точки зрения на организацию службы и обучение дворянства, не совпадавшей в своей базовой идеологии с представлениями Петра и последовательно проталкивавшейся Фиком в его записках. Однако если у Епифания Тихорского, А.А. Курбатова или у еще одного известного обра-

зовательного предпринимателя Магнуса Вильгельма фон Нирота³⁰ были в распоряжении ресурсы как частные, так и государственные, для реализации образовательных проектов, то у Фика их не было и быть не могло. Немаловажно и то, что предлагавшиеся им подходы носили системный характер и не могли быть реализованы в рамках отдельно взятого института.

Особую главу в истории образовательного прожектёрства послепетровской эпохи представляет собой деятельность Андрея Ивановича Остермана, фигурирующего в нашем сборнике сразу в нескольких работах. Надо сказать, что роль этого ведущего государственного деятеля Петровской и особенно послепетровской эпохи в выработке содержательных предложений по внутривластным вопросам вообще изучена мало: прежде всего в литературе за Остерманом закрепились репутация опытного придворного и аппаратчика, признаётся его роль в формировании внешней политики. Между тем не секрет, что его перу или перу его сотрудников принадлежат и многочисленные, но пока недостаточно изученные предложения по самому широкому кругу вопросов и проблем внутреннего благоустройства государства³¹. Образование было одной из тем, которой Остерман последовательно и активно интересовался. Известно, что именно он на исходе царствования императрицы Екатерины I был назначен руководить образованием Петра II, и в публикуемой ниже работе Галина Смагина и Майя Лавринович показывают, что назначение это не было простой формальностью. Мы видим, что Остерман глубоко погружался в работу по подготовке учебного плана и учебных пособий для юного императора и что конфигурация и содержание этих материалов, ход их создания определились в первую очередь именно пересечением и взаимным наложением интересов и конъюнктур министра и привлекавшихся к этой работе академиков.

Особенно важен для понимания как этих интересов, так и антропологических основ политики, проводившейся Остерманом и аннинским правительством в целом, публикуемый в нашем сборнике проект реформы Морской академии, разработанный или самим министром, или по его поручению. Как представляется, именно в этом документе наиболее ёмко отразился комплекс представлений о педагогике, организации службы и природе человека, характерный для немецкого круга правящей элиты аннинского царствования³². Бросается в глаза, что представления эти смыкаются в том числе и с представлениями Фика, и наоборот, как кажется, плохо стыкуются с петровской антропологической парадигмой. С этой точки зрения требует более пристального внимания деятельность Остермана при Петре: возможно, следы формулируемых им в 1730-е годы представлений обнаружатся и в более ранних документах, к выработке которых он имел отношение. В этом случае мы могли бы увидеть за монолитным фасадом петровского реформаторства многоголосие идей и представлений, позволяющее отойти от восприятия сподвижников Петра как безгласных исполнителей его воли. Характерно, что в педагогическом отношении проект реформы Морской академии отражает прежде всего именно теоретические воззрения Остермана и мало соотносится с практическими потребностями флота и видением современных ему моряков: достаточно сравнить его, например, с более поздним проектом Римского-Корсакова.

Наконец, анализируя эволюцию подходов к вопросу об образовании дворянства в елизаветинской Уложенной комиссии 1754–1761 годов, Михаил Киселев показывает определяющую роль, которую сыграл в этом процессе Иван Иванович Шувалов, опиравшийся в своей деятельности на клан Шуваловых и в целом на ту группировку сановников, которая пришла к власти результате «бюрократического переворота» 1760 года. Первоначальный состав Комиссии, утверждённый в 1754 году, ограничился сугубо кодификаторской ролью, сведя воедино существующие на тот момент нормы, регулировавшие обучение и поступление на службу молодых дворян, и не предлагая никаких новаций. Не получила Комиссия

никаких указаний и «сверху»: ни со стороны правительства в лице высших государственных органов, ни со стороны императрицы. Ситуация изменилась после назначения фактическим главой Комиссии Романа Илларионовича Воронцова, получившего, как он сам хвалился, полномочия переформировать ее состав. Назначение Воронцова сенатором и членом Комиссии было прямым следствием «бюрократического переворота», одним из организаторов которого был как раз И.И.Шувалов: если Воронцов включился в работу Комиссии 29 сентября 1760 года, то уже 3 ноября того же года Шувалов подал в Сенат доношение, в котором довольно резко критиковал образовательный уровень и моральные качества современного ему дворянства. Неудивительно, что, начав работу в новом составе, Комиссия решила пересмотреть ранее подготовленный проект соответствующей главы и подготовить новый, уже на основании меморандума Шувалова, что и было сделано уже к концу 1761 года.

М.А.Киселев отмечает, что в целом И.И.Шувалову не было свойственно стремление к богатству или занятию должностей в официальной иерархии, а «своеобразная посредническая функция фаворита делала его положение устойчивым и без „прожектерской“ деятельности, в отличие от П.И. Шувалова». Вместе с тем к этому времени Шувалов уже выступил в качестве патрона при создании Московского университета и Академии художеств, обеспечив их создание и возглавив их. Можно сказать, что здесь речь об особой стратегии: вместо того чтобы вступать в конфликт с ведущими сановниками за место в существующей иерархии государственной службы и отвоевывать у кого-то из них контроль над одной из имеющих отраслей управления, Шувалов использует свой фавор для конструирования, фактически создания с нуля особой сферы деятельности для себя – культурно-образовательной. Эта стратегия позволяла ему избежать аппаратных конфликтов с другими сановниками и занять особое место в иерархии власти: контролировавшиеся им учреждения не были вписаны в устоявшуюся систему управления, но стояли как будто особняком, имели исключительный характер, что позволяло Шувалову как их руководителю оставаться вне непосредственного политического контроля со стороны высших органов государственной власти и, опираясь на свое положение фаворита, контактировать напрямую с императрицей. Таким образом, подача

Шуваловым меморандума о дворянском образовании в 1760 году и предполагавшееся закрепление заложенных в нем принципов в готовившемся Уложении, с одной стороны, была, как отмечает Киселев, попыткой использовать особое положение, занимаемое фаворитом в 1760–1761 годах, для реализации его идеалов в области образования, а с другой – означала установление Шуваловым законодательных рамок для выбранной им для себя сферы государственного проектирования.

Публикуемые в данном сборнике источники и научные работы не могут, конечно, претендовать на исчерпывающее раскрытие роли прожектерства в становлении институтов вообще и новых образовательных учреждений в частности в России первой половины XVIII века. Нашей задачей было лишь привлечь внимание к роли прожектеров, «административных предпринимателей», в создании раннемодерного государства. Реформы Петра и его преемников традиционно описываются как результат усилий самого монарха или воплощаемого им абстрактного государства. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что ландшафт этих реформ во многом определялся именно усилиями конкретных агентов изменений, индивидуальных игроков и создаваемых ими коалиций, а пресловутые «прожектеры» представляли собой лишь частный случай таких агентов изменений. По-другому и быть не могло: несмотря на миф о всемогущем и вездесущем Петре, собственноручно создающем, подобно Пигмалиону, новую Галатею – Россию, любой раннемодерный монарх, а не только Петр, обладал весьма и весьма рудиментарным государственным аппаратом. В этих условиях централизованное государство в определенном смысле росло и строилось именно

посредством прожектерства: прожекты служили теми кирпичами, а то и целыми секциями, из которых составлялось его здание.

Примечания

Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность А.Б. Каменскому, Д.О. Серову, И.А. Христофорову, А.В. Жуковской, Т.В. Костиной, М.А. Киселеву, Л.Ю. Посоховой за ценные замечания и комментарии к ранним вариантам этой статьи. При написании настоящей статьи использованы ранее опубликованные автором материалы: *Федюкин И.И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // *Российская история*. 2014. № 4. С. 80–101.

¹ *Богословский М.М.* Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства // *Российский XVIII век: Избранные труды*. М., 2008. С. 32–33.

² См.: *Novak M.E.* Introduction // *The Age of Projects* / Ed. by M.E. Novak. Toronto, 2008. P. 3–28.

³ *Defoe D.* An Essay upon Projects. London, 1697.

⁴ *Myers J.* Defoe and the Project of “Neighbours Fare” // *Restoration*. 2011. Vol. 35. № 2. Fall. P. 1–19. Впрочем, негативное отношение к «прожектерам-изобретателям» к тому времени было вполне устоявшимся: в английской драматургии образ прожектера как недобросовестного хищника устойчиво фиксируется на протяжении всего XVII века. См., напр.: *Ratcliff J.* Art to Cheat the Common-Weale: Inventors, Projectors, and Patentees in English Satire, ca.1630–70 // *Technology and Culture*. 2012. Vol. 53. № 2. P. 337–365. С другой стороны, прожектеров подозревали в неуместном энтузиазме – неуместном потому, что на определенном этапе европейской истории «энтузиазм» в религии, политике, других сферах начал восприниматься как проявление неумеренности и опасной увлеченности, разрушительной для социума и политического общежития, сродни «фанатизму», которого еще в конце XVIII века так боялась Екатерина II. См.: *Гриффиц Д.М.* Злодеи, фанатики, адвокаты: взгляды Екатерины II на Французскую революцию // Он же. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет / Пер. с англ. Е. Лемановой, А. Митрофанова; ред. – сост. М. Лавринович, И. Федюкин. М., 2013. С. 119–148, здесь с. 129; *Jones W.G.* “C’est un fanatique”: Catherine II’s Judgment on Novikov // *Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter*. 1979. Vol. 7. P. 32–33.

⁵ *Novak M.E.* Op. cit.; *Кром М.М., Пименова Л.А.* Феномен реформ в Европе раннего Нового времени // *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сб. ст. / Под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой*. СПб., 2013. С. 7–16.

⁶ Другое дело, что венценосные прожектеры вроде Петра, который «развлекался, копая каналы и строя города; убивая своих подданных невыносимыми трудами и переселяя народы с одного конца своей империи на другой, не жалея о тысячах, погибающих по дороге», хотя и почитаются теперь «полубогами», вызывают у Самюэля Джонсона отвращение. Им он противопоставляет «другой вид прожектеров»: тех, кто «ищет новые возможности природы или задумывает новые произведения искусства», кто «изобретает искусства, которых еще не хватает для благополучного устройства жизни» (*Johnson S.* Projectors injudiciously censured and applauded // *The Adventurer*. 1753. № 99. October 16).

⁷ *Биржакова К.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века Л., 1972. С. 389.

⁸ *Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897; переизд.: М., 2000.

⁹ Там же. С. 16–17.

¹⁰ *Клочков М.В.* Прибыльщики и доносители петровского времени // Записки Императорского Харьковского университета. 1915. Кн. 3. С. 1–16.

¹¹ *Андрюайнен С.В.* Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб., 2011; Петр Иванович Шувалов. Иван Иванович Шувалов. Избранные труды. М., 2010. См. также: *Оточкин В.В.* Граф П.И. Шувалов: реформатор или прожектор? // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 78–81.

¹² *Прокопенко Я.И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы. С. 323–337. Обсуждение сборника см.: Российская история. 2014. № 4. С. 3–36.

¹³ *Андрюайнен С.В.* Указ. соч. С. 5–6.

¹⁴ Там же. С. 13–23, 171–203.

¹⁵ О реформах в России XVIII века см. в первую очередь: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 1999. Среди работ последних лет, посвященных феномену реформаторства в России той эпохи, см.: *Коришнова Н.В.* Проекты реформ в России: (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.). Челябинск, 2009.

¹⁶ См.: Феномен реформ на западе и востоке Европы.

¹⁷ *North D.* Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge, 1990.

¹⁸ *DiMaggio P.* Interest and agency in institutional theory // Institutional patterns and organizations: Culture and Environment / Ed. by L. Zucker. Cambridge, MA, 1988. P. 3–22.

¹⁹ *Roberts N.C., King P.J.* Policy Entrepreneurs: Their Activity Structure and Function in the Policy Process // Journal of Public Administration Research and Theory. 1991. Vol. 1. № 2. P. 147–175; *Mintrom M.* Policy Entrepreneurs and School Choice. Washington, DC, 2000; *Teodoro M.P.* Bureaucratic Ambition: Careers, Motives, and the Innovative Administrator. Baltimore, 2011; *Battilana J., Casciaro T.* Change Agents, Networks, and Institutions: A Contingency Theory of Organizational Change // Academy of Management Journal. 2012. Vol. 55. № 2. P. 381–398; *Battilana J., Leca B., Boxenbaum E.* How Actors Change Institutions: Towards a Theory of Institutional Entrepreneurship // Academy of Management Annals. 2009. P. 65–107.

²⁰ *Козлов С.Л.* Из истории интеллектуального предпринимательства во Франции: как была создана Практическая школа высших исследований // Пермский сборник: Сб. науч. трудов / Под ред. Н.Н. Мазур. М., 2010. Ч. 2. С. 400–442; *Он же.* Сообщество выскочек: «Субъективный фактор» реформы высшего образования во Франции эпохи Второй империи // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 583–606.

²¹ *Ben-David J.* The Scientist's Role in Society: A Comparative Study. Chicago; London, 1984. P. 105.

²² *Долбилов М.Д.* Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. М., 2006. Вып. 9. С. 5–48.

²³ Некоторые наблюдения на этот счет нами уже формулировались в работе: *Fedyukin I., Zitser E.* For Love and Fatherland. Political clientage and the origins of Russia's first female order of chivalry // Cahiers du monde russe. 2011. Vol. 52. № 1. P. 5–44.

²⁴ *Rowlands G.* The Dynastic State and the Army under Louis XIV: Royal Service and Private Interest, 1661–1791. Cambridge, 2002; *Chapman S.E.* Private Ambition and Political Alliances

the Phélypeaux de Pontchartrain Family and Louis XVI's Government, 1650–1715. Rochester, N.Y., 2004; *Bushkovitch P.* Peter the Great. Oxford, 2001; *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; *Adams J.* Familial State: Ruling Families and Merchant Capitalism in Early Modern Europe. Ithaca, 2005; *Parrot D.* The Business of War. Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe. Cambridge, 2012.

²⁵ Жуковская А.В. От поручения к учреждению: А.А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // Очерки феодальной России. М., 2009. Вып. 13. С. 314–376.

²⁶ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 46–47; *Седов П.В.* Указ. соч. С. 30–33.

²⁷ Наиболее подробный биографический очерк Курбатова см.: *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2008. С. 172–214, здесь с. 172–178. О его прожектерской деятельности, включая его предложения о развитии академий и школ, см.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Указ. соч. С. 80–90.

²⁸ См.: *Федюкин И.И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах...

²⁹ См. также другие работы автора: *Прокопенко Я.И.* Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Ред. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 149–177; *Она же.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I.

³⁰ Деятельность барона Нирота изучена пока недостаточно; см., однако: *Азизбаева Р.Е.* Барон Магнус Вильгельм фон Нирот и замысел сиротского дома // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 58: Петровское время в лицах: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011): Материалы научной конференции. СПб., 2011. С. 5–11.

³¹ См., напр.: *Joukovskaïa-Lecerf A.* Le conseil du tsar dans la culture politique de l'époque pétroviennne: La genèse du Conseil suprême secret, fin XVIIe siècle–1726 // Cahiers du monde russe. 2003. Vol. 44. № 4. P. 577–604.

³² Подробнее об этом см. в моей статье: *Федюкин И.И.* «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского: Сб. ст. / Сост. Е.В. Акельев, В.Е. Борисов; отв. ред. Е.Б. Смилянская. М., 2014. С. 83–142.

Основание Морской академии: документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723

Игорь Федюкин

Основанная в 1715 году в Санкт-Петербурге Морская академия имеет все основания претендовать на звание первого «регулярного» учебного заведения России. Существовавшие ранее Навигацкая школа Фаркварсона и мало изученные небольшие артиллерийские и инженерные школы¹ были довольно традиционными с точки зрения своей организации: по сути, они представляли собой просто группы учеников, собиравшихся вокруг учителя. В силу высокой степени аморфности, неформальности своего внутреннего устройства они гораздо ближе стоят к традиционной средневековой школе, даже если программа обучения в них и кажется нам «современной» из-за преобладания ней математики. Морская же академия, как она предстает в проектах ее первого директора, известного нам под именем барона де Сент-Илера, должна была стать радикально современным для своего времени учебным заведением. Устройство школы и действия ее руководителей должны были регулироваться правилами и инструкциями, подробно регламентировать предполагалось и повседневное поведение учеников; фиксировалась – пусть и в самом общем виде – программа обучения; функции директора регламентировались и отделялись от функций учителя; и так далее. В этом отношении проекты Сент-Илера следует считать прямыми предшественниками современных регламентов и проектов, появившихся в 1730-х годах, таких как регламенты кадетского корпуса² и публикуемые в настоящем сборнике проекты нового регламента Морской академии и регламента Академической гимназии. Поэтому не только сами проекты Сент-Илера, но и обстоятельства их создания, и личность барона достаточно показательны с точки зрения того, как на практике происходила модернизация России и какова была в действительности роль в этом процессе «государства» и самого Петра.

Введенные в последнее время в научный оборот источники, в том числе из французских архивов, ясно показывают, что Сент-Илер был самозванцем и, называя вещи своими именами, международным авантюристом.

По данным французского военно-морского ведомства, достаточно внимательно следившего за похождениями барона, он родился в Тулоне, в мещанской семье и носил фамилию Аллер (Allaire), был негоциантом в Байонне, пока не попался на мошенничестве со страховкой. Аллер был арестован и приговорен к галерам, но ему удалось сбежать и перебраться в Испанию, где в это время шли военные действия между франко-испанской и англопортугальской армиями в рамках Войны за испанское наследство³. В Испании Аллер к концу 1710 года каким-то образом вошел в доверие к французскому военачальнику маркизу де Бею (Alexandre Maotre, marquis de Bay, 1650–1715). Как раз в ноябре 1710 года англичане и португальцы начали отступление из ненадолго оккупированного ими Мадрида, а 8–9 декабря потерпели серьезное поражение у местечка Бриуэга, что фактически поставило крест на их надеждах вернуть испанский престол Габсбургам. Одновременно летом 1710 года в Англии пал кабинет Годолфина, и пришедшие к власти тори через неофициального посредника, аббата Франсуа Голтье, начали прощупывать почву для сепаратных переговоров о мире с Францией. К декабрю в Париже знали, что тори не будут настаивать на восстановлении Габсбургов в Испании. В январе 1711 года Голтье привез в Лондон устные предложения от маркиза де Торси, в марте он вернулся в Версаль с английскими контрпредложениями, в

апреле 1711 года Версаль направил в Лондон уже письменные предложения об условиях мира, которые были представлены английскому кабинету, а затем и союзникам-голландцам⁴.

В этом-то контексте и разворачивались испанские похождения Сент-Илера (как мы продолжим его именовать во избежание путаницы). Став в октябре 1710 года по одним данным – агентом, по другим – курьером маркиза де Бея в сепаратных переговорах о мире с Португалией, Сент-Илер до марта 1711 года курсировал с тайными посланиями между штаб-квартирой де Бея и Лиссабоном, а затем переметнулся вместе с доверенными ему депешами на сторону англичан. Французское военно-морское ведомство считало его предателем⁵, хотя сам барон позднее пытался убедить французские власти, будто известить англичан о готовности Португалии на сепаратный мир с Бурбонами ему поручил сам де Бей: этот шаг был якобы частью дипломатической игры⁶. В объяснительной же на имя Петра Сент-Илер, наоборот, утверждал, что с самого начала был тайным агентом на службе у англичан⁷. Так или иначе, но в итоге он оказался в Лондоне, получил от английского правительства 500 фунтов в награду, но затем из-за его «подозрительного» поведения был под благовидным предлогом выслан на континент. Именно после этого он и превратился из мещанина Аллера в барона де Сент-Илера: в награду за срыв переговоров между Португалией и Бурбонами император якобы возвел его в достоинство барона Священной Римской империи и назначил на должность морского интенданта в Неаполе. После этого барон принял участие то ли в реальном, то ли в вымышленном заговоре с целью сжечь королевский флот и арсенал в Тулоне и как минимум дважды побывал в тюрьме. В итоге к 1714 году у венского правительства накопилось достаточно подозрений в его адрес, чтобы вынудить его покинуть империю⁸.

В августе 1714 года Сент-Илер прибывает в Берлин, где впервые сталкивается с Анри Лави (Henry Lavie). В прусской столице оба находятся проездом: Лави должен занять пост французского морского комиссара в Санкт-Петербурге, а Сент-Илер направляется в Москву, поскольку господин Матвеев, посланник русского царя, (то есть граф Андрей Артамонович Матвеев) пообещал ему изрядную должность («employ considerable») на русской службе⁹. О том же писал позднее и сам Сент-Илер, признавая, впрочем, что документального подтверждения такого приглашения у него нет: зимой 1715 года он уверял Петра, что приехал в Россию «по простому обещанию, которое господин Матвеев, посол ваш, мне учинил»¹⁰. Как и где пересеклись пути Матвеева и Сент-Илера, мы не знаем, но сообщение это весьма правдоподобно: в этот период Петр настойчиво требует от своих представителей за рубежом рекрутировать на российскую службу иностранных специалистов¹¹. Сам Матвеев, впрочем, в их позднейшей переписке нигде об этом своем приглашении не вспоминал, а наоборот, намекал, что ему известно о темном прошлом барона – причем узнал он о нем именно во время пребывания за границей: «Я во Франции и в Вене был и гораздо знаю ваши славные такие дела, которые можно разве в сумерках, а не пред солнцем объявлять», пишет он барону в разгар конфликта между ними осенью 1716 года¹². В марте 1717 года Лави также доносил, будто бы барон «три года тому назад (то есть как раз в 1714 году. – *И.Ф.*)... сознался в том, что будучи обвинен в злоупотреблениях и в преступных сношениях, пробыл шесть месяцев в тюрьме...»¹³.

В любом случае барон появился в Санкт-Петербурге, судя по всему, в начале января 1715 года (то есть как раз одновременно с Лави): «Уже два месяца есть, как здесь обретаюсь с великим повседневным иждивением», жалуется он в письме Петру от 2 марта¹⁴. Оказавшись в Санкт-Петербурге, барон буквально за пару месяцев становится своим человеком в придворном обществе. В донесениях Лави Сент-Илер впервые фиксируется в Петербурге в письме от 19 марта, а уже неделю спустя Лави сообщает о помолвке барона с придвор-

ной дамой принцессы Шарлотты, супруги цесаревича¹⁵. Избранница Сент-Илера была не только любимой фрейлиной крон-принцессы, но и племянницей барона Ганса-Христофора фон Шлейница, обер-гофмейстера Шарлотты, вскоре ставшего русским посланником в Ганновере, а затем, в 1717–1720 годах, во Франции. Лави, воспринимавший барона как прямого конкурента, уверял Париж, что последний якобы не пользуется доверием русских вельмож и не получит никакой должности в силу своего плохого характера¹⁶. Однако уже в середине мая он же пишет о *nouptiales*¹ барона, прошедших во дворце Шарлотты в присутствии Петра, Екатерины, царевен, вдовствующих цариц, герцогини Курляндской и «всего двора». Царь, по сообщению Лави, одобрял этот брак и обещал предоставить барону на 5 лет особняк («la belle maison») сосланного Кикина, 12 солдат для несения караула и жалованье в 2000 рублей. Решен был к этому моменту и вопрос о создании корпуса морской гвардии численностью в 200 человек под командой барона¹⁷.

Именно к этому периоду и относятся публикуемые ниже документы, хранящиеся в РГАДА под заголовком «Дело об учреждении в С. Петербурге Морской академии под надзором барона Сент-Гиля-ра. Тут же и прошение его об увольнении из России. 1715 февр. 12 – 1717»¹⁸. В этом же деле находится еще несколько писем Сент-Илера Петру, а также черновые переводы некоторых из этих документов на русский язык. Первый из известных нам проектов создания Морской академии барон, видимо, составил в середине февраля 1715 года. Именно этим «Проектом для сочинения Морской академии»¹⁹ и открывается данная подборка (документ 1.1): хотя этот документ был опубликован Феодосием Федоровичем Веселаго в качестве приложения к его «Очерку истории Морского кадетского корпуса» (где он ошибочно датирован 1713 годом)²⁰, мы сочли не лишним воспроизвести его с исправлением допущенных первыми публикаторами неточностей. Следующий документ (1.2 в нашей подборке) содержит предложение о создании особой комиссии для составления морского регламента и одновременно – об организации строительства кораблей на Адриатике, которым предстояло собрать по средиземноморскому побережью морских специалистов, ремесленников и купцов, желающих переселиться в Россию. Помимо ремесленников, корабли эти предполагалось загрузить в Марселе дешевым «горячим вином», последующая продажа которого должна была окупить всю операцию (и, видимо, принести барону прибыль): от Петра требовалось лишь предоставить гарантии по кредиту, необходимому для начала операции²¹.

Именно этот второй проект и датирован 12 февраля 1715 года – и существенно, что эти два столь разных документа были поданы бароном, можно сказать, единым пакетом. Почерки, которыми написаны беловые версии двух документов существенно разнятся, но в нашем распоряжении имеются черновики переводов этих двух текстов, выполненные одним почерком²². При этом черновик «Проекта для сочинения Морской академии» имеет в верхнем левом углу помету «№ 1», а в конце (л. 18 об.) приписку почерком переводчика: «Сему следует другое дело, которое в подлиннике *писано в одной тетради*», далее опять отчеркнуто и написано «Зри № 2». Соответственно, в левом верхнем углу черновика второго из проектов (начинающегося словами «Ежели его величеству надобно делать генеральной регламент...») имеется помета «№ 2» (л. 19).

Что эти два проекта были созданы Сент-Илером одновременно, следует и из письма барона Петру от 2 марта 1715 года:

Августейший и мочнейший кесарь, – писал Сент-Илер. – Всепочтенно представляю вашему освященному величеству, что по вашим указам

¹ Свадебных торжествах (*фр.*).

толкования двум пунктам вручил я господину Остерману тому две недели есть. Тому 8 до 10 дней есть как имел я честь подать о том же копию господину Великому Адмиралу. Первой пункт есть толь наипаче полезнейший вашему освященному величеству, что изволите доволствие иметь усмотреть в последовании времени, что возможет ваше величество иметь из подданных своих так добрых морских оффицеров, как и протчие морские державы. Что касается до второго пункта о предложении, которое я имел честь вашему величеству учинить, для строения кораблей²³.

Очевидно, что речь здесь идет как раз о той самой «тетрати», где под номером 1 шел «Проект для сочинения Морской академии», а под номером 2 – план спекуляции французской водкой. Сходятся и даты: за две недели до 2 марта – это как раз середина февраля, указанная в беловом варианте «адриатического» проекта. Петр же как раз с 9 по 26 февраля отсутствовал в Петербурге: он вместе с Екатериной находился в Красном Селе²⁴.

Несколько обстоятельств обращают здесь на себя внимание. Вопервых, это неопределенность планов барона: на этой стадии он изучает придворный контекст и нащупывает возможные направления прожектирования. Как мы видим, уже в первые недели своего пребывания в России ему каким-то образом удается выявить интересующие царя темы, такие как строительство кораблей, в том числе за границей, или импорт иностранных специалистов. Соответственно, формулируется несколько прожектов. Представлению прожектов могло предшествовать какое-то обсуждение с царем: барон упоминает, что подготовил документы «по вашим указам». Из второго, «адриатического», «прожекта», можно понять даже, что это был не первый документ, представленный бароном царю: Сент-Илер упоминает «таких людей, которых я имел честь предложить чрез един от мемориалов моих». Поскольку, однако, «такие люди» в данном случае – это квалифицированные навигаторы, то, может быть, речь идет просто о проекте Морской академии, поскольку он как раз и позволил бы царю завести в своем государстве таких специалистов. Впрочем, уверенности в успехе прожектов нет: в марте Лави сообщал, что Сент-Илер планировал отправиться в Лондон и что его невеста раздобыла для него у крон-принцессы Шарлотты рекомендации к английскому двору²⁵. Очевидно, что барон пытается подстраховаться: если российские прожекты не увенчаются успехом, он постарается использовать матримониальный успех в Петербурге как трамплин для нового раунда прожектёрства в Англии.

В итоге, при всей своей кажущейся абсурдности, прожекты на поверку оказываются склеенными из вполне реальных фрагментов, рассмотренных наблюдательным бароном в Петербурге. Возьмем «адриатический прожект»: как известно, именно в этот период Борис Иванович Куракин по приказу Петра строит новые и покупает готовые корабли для российского флота в Голландии и Англии. Одновременно тот же Лави сообщает о миссии Лефорта-младшего, отправленного рекрутировать в Европе ремесленников на строительство Петербурга²⁶: эти планы воспринимаются французским правительством вполне серьезно и вызывают даже легкую панику в Морском совете, подогреваемую тем же самым Лави и французским консулом в Данциге²⁷. Примечательно, что один из нескольких французских торговых кораблей, добравшихся таки в 1715 году в Санкт-Петербург, был гружен именно вином и водкой: узнав о его прибытии, Петр лично прибыл на борт и продегустировал напитки²⁸. Наконец, развернуться «адриатический» проект должен был именно в том регионе, где барон отметил свои похождения и который он хорошо знал: в июле Лави доносил, что Сент-Илер переписывался с французским консулом в Мессине, которая была ключевым пунктом в предприятии²⁹. Кажется, даже идея жениться на придворной даме могла быть «подсмотрена» бароном: 28 января, буквально через несколько недель после его прибытия в Петер-

бург, там состоялась свадьба другого француза, Никиты Петровича (Франца) Вильбоа, с русской придворной дамой, внешняя непривлекательность которой, по словам Лави, компенсировалась ее обширными поместьями в Ливонии и Эстляндии³⁰.

Одновременно мы видим достаточно последовательный интерес со стороны Петра к устройству французского флота и флотской администрации. Еще за год до описываемых событий Б.И. Куракину было поручено раздобыть копии всех уставов и регуляций французского флота, и уже в марте 1714 года «ордонанция французская адмиралтейству» была направлена Петру. Видимо эта «ордонанция» – как раз тот устав «*Ordonnance de Louis XIV pour les armées navales et arsenaux de marine*» от 15 апреля 1689 года, который в сентябре того же года Петр поручил переводить Конону Зотову. Перевод был закончен уже к концу ноября того же года, а 24 января 1715 года, то есть, видимо, буквально через несколько дней после первой беседы Петра с Сент-Илером, Конону Зотову велено было ехать во Францию, вступить там в морскую службу и все «присматривать» касательно адмиралтейства и флота, и «все, что ко флоту надлежит на морю и в портах, сыскать книги» и их перевести³¹. Именно на фоне этого интереса Сент-Илер и готовит свой «Проект для сочинения Морской академии», который при ближайшем рассмотрении оказывается практически дословным переводом двух разделов (раздел 1 главы 7 и раздел 1 главы 19) того самого французского устава «*Ordonnance de Louis XIV*». В первом случае в его перевод не вошли статьи 1–5 (необходимость подтверждения дворянского происхождения гардемарин и порядок зачисления в гардемарины), статьи 15–18 (запрет покидать порт, к которому они приписаны, без разрешения) и статьи 25–27 (запрет покидать корабль во время морского похода без разрешения, а также размер жалованья). Во втором случае не использованы статьи 1–2 (необходимость следовать установленному расписанию), статьи 9–11 и 19 (обучение кораблестроению, артиллерийскому делу, дворянским наукам и строевой подготовке, уже затрагивавшиеся во фрагменте, основанном на главе 7) и статья 18 (порядок рассмотрения журналов, которые гардемарины вели в походе). В целом из всего проекта не являются прямым переводом глав 7 и 19 ордонанса лишь первые три абзаца, устанавливающие возрастные ограничения для гардемарин, структуру корпуса и должность «комманданта». Примечательно, однако, что Сент-Илер, судя по всему, не пользовался переводом Конона Зотова. Текстуальное сравнение показывает, что, хотя в основе обоих текстов лежит один и тот же оригинал, стилистика переводов различается:

«Проект для сочинения Морской Академии» Сент-Илера (РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–7 об.)

«Устав Людовика 14, короля французского» в переводе К. Зотова (РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 49. Л. 74 об. «Устав Людовика 14, короля французского», Гл. 7)

[л. 2] Два часа после полдень да найдутся они в назначенном месте в арсенале, для мушкетного учения;

[л. 74] ...Повинны прийти в час пополудни к месту, [л. 74 об.] назначенному в арсенале для обучения артикулу с мушкетом и иных обращений воинских, яко баталион каре и прот., а отправляться сие должно замкнув ворота и без барабану.

9. Потом повинны пойти в полату, где карабельные мастера и иные искусные офицеры будут им по правилам толковать состроение кораблей, и пропорции о всех частях в карабле; откуда поведутся в школу к пушкарям и учатся пушечной стрельбе.

Оставя ружье свое, да идут они в салу строения где карабельные мастера, и искуснейшие офицеры будут им толковать чрез правило маниру, как корабли строить, и пропор-

ции всех штук, которые те карабли составляют, оттоль да ведут их в пушечную школу для обучения.

[л. 2 об.] Бригадир и подбригадир, входя в школы, имеют свои бригады смотреть, и радеть, чтоб молчание было, також чтоб всякой поочередно дело свое делал...

10. Брегадиры и подбрегадиры, приходя в школы, повинны собрать свои брегады и смотреть, дабы была тихость между ими, и чтоб всякой принимал учение от мастеров з добрым порядком, то есть один после другаго...

Так или иначе, февральский проект академии, очевидно, в целом устроил Петра. Во всяком случае уже в середине апреля Сент-Илер составляет и направляет царю свой контракт-«капитуляцию» (документ 1.3)³², а из письма барона Петру от 12 мая следует, что «капитуляция» к этому времени уже получила одобрение и была им подписана³³. В последующей переписке Сент-Илер неоднократно ссылается на свой генеральский чин, и ни Петр, ни русские сановники этих претензий не оспаривают. Из документов также видно, что где-то с середины 1715 года барон действительно начинает получать жалованье. В начале лета 1715 года назначение Сент-Илера директором академии становится общеизвестным фактом³⁴.

В конце лета работа по созданию Морской академии активизируется, 31 июля царь отдает распоряжение о переводе всех учеников и учителей Навигацкой школы из Москвы в Санкт-Петербург к 1 октября. Однако перевозка 600 с лишним человек, тем более по осенней распутице, оказалась неразрешимой логистической задачей, и к началу октября принимается решение перевести в новую столицу лишь 300 учеников, а прочих оставить в Москве³⁵. Сент-Илеру, однако, уже к 18 сентября стало известно от Апраксина, что Академия будет насчитывать именно 300 человек, и в связи с этим он пишет царю письмо «представление», а по сути, новый проект (см. документ 1.4)³⁶. В преамбуле Сент-Илер ссылается на свой предыдущий план («учреждение, которое он имел честь вашему кесарскому в[еличеству].представить»), но почему-то указывает, что план этот не может быть реализован при такой численности учеников «без великого смущения». Это довольно удивительно: ведь «Проектом для сочинения Морской академии» в ней как и предполагалось иметь 200–300 шляхтичей. Теперь же оказывается, что при такой численности учащихся невозможно будет разместить в Кикином доме, так что требуется строительство специального помещения и увеличение штата преподавателей до 60 человек. Проект этот попал в руки Петру лишь 30 сентября и вызвал острые комментарии со стороны царя³⁷.

Тем временем, судя по всему, Сент-Илер продолжал работу над своими проектами, результатом которой стала «Инструкция Морской академии» (далее – «Инструкция»), опубликованная в «Полном собрании законов» (далее – ПСЗ) под датой 1 октября 1715 года³⁸. Как легко заметить, документ этот имеет мало общего с предыдущими текстами, что заставило, например, Веселаго прямо заявить, что Сент-Илер не имел к созданию этого проекта никакого отношения³⁹. Это, очевидно, не так. В «Деле об учреждении в С. Петербурге Морской академии» содержится черновик этой инструкции⁴⁰: он не подписан и не датирован, однако выполнен тем же почерком, что и переводы более ранних проектов. Из правки в документе также видно, что именно в ходе работы над ним и появился в окончательном виде текст, опубликованный в ПСЗ⁴¹. Таким образом, с большой вероятностью перед нами текст, появившийся в процессе перевода первоначальной, иноязычной версии «Инструкции морской академии» на русский язык.

Эту версию подтверждает и другое, недатированное письмо Сент-Илера Петру, перевод которого содержится в той же подборке документов (документ 1.5)⁴². Здесь Сент-Илер

просит царя утвердить ранее сочиненные им «29 артикулов, которые во учреждение служить имеют корпусу морской гвардии». Опубликованная в ПСЗ «Инструкция» от 1 октября 1715 года как раз и насчитывает 29 пунктов. Существенна и еще одна деталь: барон также просит Петра «под каждым артикулом назначить штраф как ваше величество за благо разсудит»: таким образом, опубликованные в ПСЗ дополнения к тексту «Инструкции» были сделаны царем не по собственной инициативе, а по просьбе барона.

«Инструкция» не пересекается с предыдущими текстами Сент-Илера, но и не противоречит им. Скорее они описывают разные стороны жизни создаваемой Академии. Если «Проект» задает программу обучения и структуру учебного процесса, то «Инструкция» регламентирует вопросы внутреннего распорядка: поведения, несения караульной службы, подчинения и иерархии и так далее. Можно предположить, что «Инструкция» создана в развитие «Проекта»: в своей капитуляции барон запрашивал совершенную «мочь политично их [гардемаринов] наказывать, когда они дела своего исправлять не будут, и того что им предписано будет для обучения их о житии и учении их», и теперь задавал нормативную основу для реализации полученных полномочий. Зарубежный прообраз «Инструкции» (если он существовал) нам выявить пока не удалось.

В октябре, судя по всему, началась практическая деятельность Академии⁴³. Из документов мы видим, что барон действительно принимает участие в академических делах: он докладывает в Адмиралтейство, что многие недоросли неграмотны, инициирует отправку таких неграмотных в Новгород в школу при тамошнем епископском доме, выявляет совершенно неспособных, по его мнению, недорослей («во учении быть невозможно») и так далее⁴⁴. 8 октября в Академии, похоже, побывал Петр (в тот день «Его Величество был в Адмиралтействе, и в школах»), визит повторился 3 ноября («Его Величество был во Академии, срисовали человека»)⁴⁵. Это единственные известные нам случаи, когда источники фиксируют визит Петра в Морскую академию. В промежутке между этими двумя визитами произошло событие, которое не могло не оказать серьезного влияния на положение Сент-Илера: скончалась кронпринцесса Шарлотта. Одновременно барон разругался с переехавшим в Санкт-Петербург из Москвы Андреем Фархварсоном, который напрочь отказался подчиняться Сент-Илеру и в итоге был вместе с геометрическим классом выведен Апраксиным из подчинения барону⁴⁶.

Наконец, в январе 1716 года президентом Академии был назначен граф А.А. Матвеев, что являлось прямым нарушением заключенной с Сент-Илером капитуляции, прямо устанавливавшей, что директор Морской академии напрямую подчиняется царю и генерал-адмиралу. Последовавшее за этим противостояние между бароном и графом, вылившееся к концу 1716 года в открытый скандал, и стало контекстом для дальнейшего прожектерства Сент-Илера. По его собственным словам, на протяжении первых месяцев 1716 года он направлял царю «многие мемориалы» и о нуждах Академии «стократно предлагал и просил»⁴⁷. До нас дошел один из этих мемориалов (документ 1.6): в отличие от более ранних документов, он, возможно, даже не был переведен на русский – у нас есть лишь французский оригинал. Если раньше целью проектов было привлечь внимание Петра к фигуре прожектера и выторговать для него те или иные звания и привилегии, то теперь содержание прожекта определяется другой задачей: он призван отстоять прерогативы барона в его конфликте с Матвеевым. Речь, как мы видим, идет о попытке ограничить полномочия графа (интересно, что он ни разу не именуется в тексте «президентом» Академии – Сент-Илер оспаривал его право на этот титул) и одновременно зафиксировать контроль барона над внутренним управлением в Академии⁴⁸.

Подобные попытки Сент-Илера отстоять свою административную самостоятельность и ограничить вмешательство Матвеева в дела Академии не могли не вылиться в обостре-

ние конфликта между графом и бароном, хроника которого зафиксирована в переписке двух соперников с адмиралом Апраксиным. Детальная хроника этого конфликта, перешедшего в острую фазу после тривиального эпизода с наказанием бароном в начале августа 1716 года группы учеников за якобы написанное ими на классной доске непотребное слово, приводится в работе Лидии Балакиревой, и потому повторять их здесь нет необходимости⁴⁹. Весьма красочные обвинения и упреки, которыми осыпали друг друга Матвеев и Сент-Илер в язвительных письмах, занимают десятки страниц архивных документов. В итоге, однако, Матвеев показал себя гораздо более искусным тактиком аппаратной борьбы – хотя силы, конечно, были неравны с самого начала: граф пользовался неизмеримо более высоким уровнем поддержки со стороны и Апраксина, и Меншикова. В итоге к концу 1716 года оба соперника просили или освободить их от руководства

Академией, или предоставить им полную власть в учебном заведении. В январе 1717 года Апраксин донес царю, что конфликт между Матвеевым и Сент-Илером достиг такого накала, что наносит урон Академии: адмирал предложил или «развести» соперников (видимо, четко зафиксировав их полномочия и сферы ответственности), или прекратить двоевластие, уволив одного из них, – и ставку в этом случае предлагалось сделать на Матвеева. К марту Петр одобрил это решение. Сент-Илер попытался отыграть назад и помириться с Матвеевым, но было поздно⁵⁰.

Обстоятельства как создания публикуемых здесь проектов, так и увольнения Сент-Илера во многом объясняют, конечно, почему подготовленные бароном правила и регламенты не были востребованы его преемниками. Мы видим, что роль Петра в их разработке была минимальной и совершенно пассивной. Он не инициировал их создания, не давал каких-то установок касательно их содержания и не участвовал в их редактировании. Нельзя сказать, конечно, что документы эти создавались помимо воли Петра: мы видим, что он знакомился с ними и в целом одобрял их. Однако официальное утверждение инструкции 1715 года произошло именно по запросу Сент-Илера. Неудивительно, что Матвеев, насколько мы знаем, ни разу не ссылался на эти документы – в том числе, и на инструкцию, несмотря на ее статус высочайше утвержденного документа. Когда в начале 1719 года Матвеева сменил Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (1675 – после 1752)⁵¹, Адмиралтейство направляет ему эту «Инструкцию»: характерна уже сама необходимость привлечь таким образом внимание нового академического начальства к этому, казалось бы, основополагающему документу. Однако Адмиралтейство хотя и отмечало, что «пункты» эти «состоялись за собственною Его Царского Величества рукою», Скорняков тем не менее счел возможным подвергнуть их собственному «рассмотрению», объявив, что многие из них нуждаются в корректировке, и предложить в результате собственную версию⁵². В итоге Скорняков произвел 10 собственных пунктов, частью позаимствованных у Сент-Илера, а частью разработанных заново (документ 1.7). В основном, пункты эти посвящены вопросам дисциплины, но в военном ее аспекте – где размещать часовых, кто должен запирает на ночь ворота, напоминание о необходимости гасить на ночь огни, чтобы избежать пожара. По вопросу о размещении студентов, столь важному для Сент-Илера, позиция Скорнякова не вполне ясна: с одной стороны, он настаивает, что учащиеся должны проводить ночь исключительно в своих «каморах», а с другой, отменяет некоторые пункты «Инструкции» барона как потерявшие релевантность именно потому, что учащиеся в действительности расквартированы в городе. Вопросы же академической дисциплины и организации учебного процесса в целом Скорняковым не затрагиваются совершенно.

В дальнейшем мы не встречаем в документах отсылок к «Инструкции» 1715 года. Более того, мы видим что преемники Сент-Илера и не ощущают практической потребно-

сти в системных регламентирующих документах. Правда, почти одновременно с переработкой «Инструкции» Скорняков-Писарев выпускает и «пункты» комиссару (администратору) московской школы Марку Таптыкову (документ 1.8), но попытки организовать и упорядочить внутреннюю жизнь школы мы здесь не видим. В документе лишь фиксируется численность учащихся, устанавливаются размеры жалования персоналу школы, а также порядок взимания взносов на содержание школы с московских «царедворцев». Из него также следует, что одновременно отдельные «пункты» с указаниями о порядке обучения школьников в Москве были направлены Леонтию Магницкому, но ни оригинала этих пунктов, ни каких бы то ни было ссылок на них в последующей переписке обнаружить пока не удалось – следует признать, что с большой вероятностью они так и остались на бумаге. Сменивший Скорнякова в 1722 году молодой кузен Петра Александр Львович Нарышкин (1694(?) – 1746)⁵³, обучавшийся, кстати, морскому делу во Франции, как мы видим из документов (1.9–1.12) еще менее был склонен к регламентации внутреннего устройства вверенных ему школ. Контраст здесь достаточно яркий: насколько можно судить, Нарышкин в основном реагирует на вопросы школьных администраторов, но даже и тут старается воздерживаться от системных решений, откладывая определение «на потом» и запрашивая предложения «снизу». Не видим мы при преемниках Сент-Илера и попыток вмешаться в деятельность Академии со стороны и устроить ее на регулярный манер. Все такие попытки, как мы видим, были связаны с прожектерской активностью мнимого барона; с устранением Сент-Илера Академия была в целом предоставлена самой себе.

Примечания

¹ Бенда В.Н. Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских кадров в XVIII веке. СПб., 2009; Федюкин И.И. Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101.

² ПСЗ РИ I. Т. VIII. № 5881. Устав Кадетского Корпуса (18 ноября 1731 г.). С. 557–559.

³ Детальная биографическая справка добавлена чиновниками французского морского ведомства на полях донесения Лави в Совет по морским делам (Conseil de Marine) от 6 января 1716. См.: Archives Nationales, Париж (далее – AN). Marine. В⁷ 28. F. 129–130 (примечания на полях).

⁴ Frey L., Frey M. The treaties of the War of the Spanish Succession: an historical and critical dictionary. Westport, Conn.; London, 1995. P. 177–179.

⁵ Донесение Лави в Совет по морским делам от 6 января 1716 г. см.: AN. Marine. В⁷ 28. F. 129 verso–130 (примечания на полях).

⁶ Archives Diplomatiques (Париж). Correspondance politique. Russie. Supplement 2. F. 274–275 verso.

⁷ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Дело об учреждении в С. Петербурге Морской академии под надзором барона Сент-Гиляра. Тут же и прошение его об увольнении из России. 1715 февр. 12 – 1717. Л. 59–60.

⁸ Подробнее об этом этапе карьеры Сент-Илера см.: Федюкин И.И. Сент-Илер, барон // Французы при дворе Петра Великого: биографический словарь / Сост. В. Ржеуцкий (готовится к изданию).

- ⁹ Донесение Лави в Совет по морским делам от 26 августа 1714 г.: AN. Marine B⁷ 24. F. 131 verso.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.
- ¹¹ См., напр., переписку Петра с князем Б.И. Куракиным за соответствующий период в «Письмах и бумагах Петра Великого».
- ¹² Письмо А.А. Матвеева Сент-Илеру от 15 ноября 1716 г. см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 808.
- ¹³ См.: [Донесение] От г. Лави [С.-Петербург, 19 марта 1717.] // СИРИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 117–120, цитата – с. 119 (оригинал на фр. яз., перевод в примеч.).
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. д. 7. Л. 28.
- ¹⁵ Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Petersbourg, 1713–1792: Inventaire Analitique des articles AE B1 982 à 989, du fonds dit Affaires йtrangieres. Paris, 2009.
- ¹⁶ AN. AE BI 982. F. 47 verso.
- ¹⁷ AN. Marine B7 28. F. 163–163 verso.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7.
- ¹⁹ Там же. Л. 1–7 об.
- ²⁰ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. Приложение III. Проект Морской Академии, представленный Бароном Сент-Илером, в 1713 году. С. 121–125 втор. паг.
- ²¹ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–11; проект этот пересказывается вкратце: Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 38.
- ²² РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 12–23.
- ²³ Там же. Л. 24–29.
- ²⁴ [Петр I.] Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 10.
- ²⁵ AN. AE BI 982. F. 49.
- ²⁶ Mézin A. Op. cit. P. 11.
- ²⁷ Ожеро К. Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 г. // Россия и Франция. XVIII–XX века: Сб. статей / Под ред. П.П. Черкасова. М., 2008. Вып. 8. С. 9–30, здесь с. 24.
- ²⁸ Там же. С. 21.
- ²⁹ Mézin A. Op. cit. P. 11.
- ³⁰ [Петр I.] Походный журнал 1715 года. СПб., 1755. С. 48; Ожеро К. Указ. соч. С. 23.
- ³¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 20. Л. 484; 736. [Louis XIV.] Ordonnance de Louis XIV. Pour les Armées navales et Arcenaux de Marine. Paris, 1689. В дальнейшем именно этот текст широко использовался Петром и его сотрудниками при подготовке «Устава Морского». См.: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997. С. 158; Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский. М., 1945. С. 42–43. Подлинник см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 62. Л. 378; Кн. 49.
- ³² РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 30–31 об.

³³ Там же. Л. 36.

³⁴ Mézin A. Op. cit. P. 11.

³⁵ См. об этом: Материалы для истории русского флота. СПб., 1866. Ч. III. С. 326–328.

³⁶ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–43 об.

³⁷ Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 40.

³⁸ ПСЗ РИ I. Т. 5. № 2937. Инструкция Морской Академии, в Санктпетербурге. С. 173–176 (1 октября 1715 г.).

³⁹ Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 40.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 45–50 об.

⁴¹ Например, первоначально в пункте 22 было написано «не будут после бою тапты», но эта фраза была зачеркнута и заменена на формулировку «когда тапту пробьют», которая и вошла в ПСЗ. В пункте 11 фразы «того задержит» и «онных за арест взять» заменены автором на обороты «того за арест возьмет» и «онных за караул взять», как это и осталось в итоговом тексте.

⁴² РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 44–44 об.

⁴³ См. упоминание И.И. Неплюева о том, что его в числе других учеников Нарвской школы 1 октября 1715 г. перевели «в школу в Санкт-Петербург, которой школы был содержателем *француз Баро* (курсив мой: имеется в виду, конечно, барон де Сент-Илер. – И.Ф.); она была под ведением адмирала Федора Матвеевича Апраксина и генерал-майора и обер-штер-кригс-комиссара Григорья Петровича Чернышева; потом она поручена была Андрею Артамоновичу Матвееву. В той школе было нас обучающихся 300 человек» (*Неплюев И.И. Записки // Империя после Петра. М., 1998. С. 385–448, здесь с. 387–388*).

⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 100. Л. 4, 7, 13, 19, 41, 47.

⁴⁵ [*Петр I.*] Походный журнал 1715 года. С. 71, 74.

⁴⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 326–328.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 802.

⁴⁸ Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 51–52 об.

⁴⁹ Балакирева Л.М. А.А. Матвеев во главе Морской академии (1716–1718 гг.) // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2006. С. 18–25.

⁵⁰ См. письмо Апраксина Петру I: Извлечение из письма графа Апраксина Государю из С. Петербурга, 1717 года января 7 // Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 336. См. об этом: Балакирева Л.М. Указ. соч. С. 24.

⁵¹ Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 70–71.

⁵² РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 82–91 об.

⁵³ Серов Д.О. Указ. соч. С. 59–60.

Список архивных материалов, использованных при подготовке публикации:

РГА ВМФ РГАДА

Ф. 146. Военная морская комиссия. Санкт-Петербург (1732–1752) Оп. 1. Д. 48. Столп о академии и школах.

Ф. 176. Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии. Санкт-Петербург (1707–1732) Оп. 1. Д. 100. Документы и переписка по управлению Морской академией.

Ф. 212. Государственная Адмиралтейств-коллегия (1717–1872) Оп. 11. Дела «по годам» и по канцелярии. Т. 1. 1725 год. Д. 25. Об учреждении в Москве школы математических и навигацких наук и об организации обучения в ней.

РГАДА

Ф. 9. Кабинет Петра I. Отделение II.

Кн. 20. Опись книге входящим в кабинет письмам от разных персон 1714 году. Кн. 28. Опись книге входящим в кабинет письмам от разных персон 1716 году.

Ф. 370. Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений. Оп. 1. Д. 7. Дело об учреждении в С. Петербурге Морской академии под надзором барона Сент-Гиляра. Тут же и прошение его об увольнении из России. 1715 февр. 12 – 1717.

Archives Nationales (Национальный архив, Париж). Marine. В⁷ 28.

АЕ. ВІ 982.

Archives Diplomatiques (Дипломатический архив, Париж). Correspondance politique. Russie. Supplement 2.

1.1. Проект для сочинения Морской академии (1715)

[л. 1] Е

го ц[а]рское величество имеет сочинить корпус двух или трех сот молодых шляхтичев выбранныхⁱ лет: 15ти и до: 24х, велеть их одеть всех одноцветно, и учредить их в 10ти бригадах равным числом, дать им бригадира, и подбригадира.

Бригадир имеет быть искусной карабельной капитан порутчик, а подбригадир порутчик, и надобно им дать команданта [правителя]ⁱⁱ дабы он во всем том имел генеральное правление: Его величество имеет именовать такого господина, которого заблаго разсудит, и которой бы искуснейший был в навигации.

Надобно иметь одного или двух [л. 1 об.] мастеров математических и гидрографических [водоучение]ⁱⁱⁱ, тако ж рисовального мастера. Поставить дом, в котором бы были многие большие покои, и надобно, чтоб оной дом был в арсенале^{iv}, ежели возможно, или неподалеку от него, чтоб всякой мастер имел свой покой для учения кадет [в том что до него надлежит]^v. Сие есть имя, которое надобно, чтоб имели те, которые сочинят выше реченной предложенной корпус.

Когда все то учинено и уставлено будет, то надобно, чтобы кадетов к нему водил бригадир и подбригадир по вся утра в 6 м часу летом, а зимой в 7 м: и да идут они в салы, уставленные для экзерцией, и [л. 2] где найдутся мастера для письма, рисования, математические, от фортификации и гидрографии, побыв два часа в той экзерциции, да идут они в иную где будут мастера танцования, фехтования и копейного учения, от которых они будут учиться два ж часа, всему, что может послужить учинить их досужими.

Два часа после полдень да найдутся они в назначенном месте в арсенале, для мушкетного учения. Оставя ружье свое, да идут они в салу строения, где карабельные мастера и искуснейшие офицеры будут им толковать чрез правило маниру, как корабли строить, и пропорции всех штук, которые те корабли составляют, оттоль да ведут их в пушечную школу для обучения.

[л. 2 об.]

Бригадир, и подбригадир, входя в школы, имеют свои бригады смотреть, и радеть, чтоб молчание было, тако ж чтоб всякой поочередно дело свое делал. Да поставят они часового у дверей всякой школы, дабы никто вон не выходил без позволения, которое не надобно давать, разве для добрых раций. А которое время останется им после школы, то да употребят к тому, чтоб они были при делах, которые будут делатца в арсенале. Тако ж к тому, чтоб они учились знать добрые и худые качества товаров, служащих ко оснащению караблей:

Адмирал, командант их, и арсенальный интендант [л. 3] [надзиратель]^{vi} да выбирают с согласия с радеющими о учении кадетов, тех, которые будут взрослее, и охотнее вынженерах быть и да велят им чертить планы [подошвы]^{vii} [или местоположении]^{viii} разных мест, без плану. Ниже карт тем местам и как они то дело зделают и доношение о том учинят, да идут они на экзамен [досмотрение]^{ix} в присутствия, помянутых адмирала и протчих к инженеру от пристани, которой в то время да дает им надобные советы, дабы им трудиться в своем деле правильнее.

Да будут их роздавать по караблям, когда учинят какое либо вооружение, и да служат они на оных как салдаты, и будут делать все факции [дела]^x [л.3 об.] без отмены, яко чиня часть салдатцких рот, в то время как они будут на море, тогда для содержания и приращения

знаний [наук]^{xi}, которые они поняли в пристани, комендант их с согласия с капитаном от карабля, да назначат четыре часа определения для разных экзерциций их.

Первой час на пилотаж [или навигацию]^{xii}, и на гидрографию, или водоучение, чему да учит их пилот штурман сущей на карабле; офицер радеющий о кадетах да присутствует, и смотрит, дабы пилот имеющий оных учинить исправлял свою должность, и тщился научать их всему что он сам знает в деле своем.

Второй да будет определен [л. 4] на мушкетную науку и на воинские учения, сею экзерцицию да будет командовать офицер ими командующий.

Третьей да будет употреблен на пушечную экзерцицию, толико в теории, которую да будет учить карабельной первой канстапель^{xiii}, как в практике, которая возмозжет чиниться с деку^{xiv} или между двух палубов, как лутче разсудят.

Четвертой да употребится на карабельные морские дела или экзерциции, когда время на то позволит, и да будет тою экзерцициею командовать главной капитан, или капитан секунд, ежели первому дело случитца для службы. Оной капитан да велит ту карабельную экзерцицию делать кадетам, всякому по очереди, да учит их над всяким делом, и толкует им случаи, в которых надобно те экзерциции употреблять по возвращении [л. 4 об.] из всякой кампании, да делают роспись кадетам, которые служили; на стороне той росписи да значат как всякой из них поступал, какой успех они учинили, и какое радение они имели в учении, ту же роспись да подпишут и свидетельствуют комендант от эскадры, капитаны от всякого карабля, и офицеры приставленные к кадетам; Гидрографической мастер да разделит свои школы на ровные классы [чины]^{xv} для роздавания своих лекций [учения]^{xvi} смотря по склонности, и по[н]ятности оных кадет, которые только начнут, и никакого начала иметь не будут, тех да учит он арифметики для надобных счетов и начальным дефинициям [окончениям]^{xvii} геометрических терминов, которые употребляют в навигации и карабельном ходу.

А которые нечто уже знают, тем да даст [л. 5] он описание о свере^{xviii} [глобусе]^{xix}, и да будет им толковать розные карты, и вразумит им употребление оных в навигации; тако ж да будет он их учить разделению времен, числу златому^{xx}, эпаку^{xxi} [то есть: 11: дней, которые солнечной год больше имеет, нежели лунной год]^{xxii}, течениям, прибавлениям и убавлениям моря, употреблению циркуля и морского компаса.

Потом да учит он их как знать инструменты служащие смотрит на Астры [телеса небесные]^{xxiii}, как те инструменты делаются, и как они употребляются; еще да будет он их учить способу, как иметь доброе разсуждение о карабельном дериве, вариация^{xxiv} преме[не]ние компаса.

[л. 5 об.]

Тако ж да учит он их способу, как на бусол [или компас]^{xxv} смотреть, и как его поправлять. Учинившие наиболее успеху да будут обучены в ходе карабельном.

Два штурмана из флота да присутствуют всегда при гидрографическом учении, и да учит школьников не гораздо обученных, как делать арифметические правила и как им употреблять инструменты, касающиеся до их дела.

Порутчики и прапорщики да присутствуют регулярно по вся дни в школах при экзерцициях, дабы практику делать того, что они выучили.

[л. 6]

По вся м[еся]цы да чинятся две конференции в присутствии Его величества, или адмирала, коменданта от кадет и арсенального интенданта. Тако ж в присутствии мастеров от

школ и экзерцией; и да будет одна от тех конференций для экзамену [расспрашивания и смотрения]^{xxvi} порутчиков и прапорщиков, а другая ради кадет.

Ежели в том экзамене найдутся такие, чтоб значил все, что потребно есть в деле их, то таковые да будут свободены присудствовать в школах и при экзерцициях: однако ж да будут их вопрошивать о всем по вся три м[еся]цы к тому определенные мастера при вышеименованных офицерах, [л. 6 об.] а которые не будут ответствовать так, как надобно, на вопросы которые им учинятся, да будут те принуждены паки присудствовать в школах их при экзерцициях.

Экзамен имеет быть чинен с равною правдою без всякой льготы, ниже отмены, во всем что доброй навигатор должен знать.

Морские офицеры, которые будут на караблях, да держат всякой особливо журнал о навигации своей; и да чинят они сами потребные при смотре в пути своем, а при возвращении из кампании [л. 7] да будут они принуждены о всем том донести во академии, дабы то рассмотрено было от гидрографического мастера при адмирале, или каком ином офицере, для того дела определенном.

Да изберут с согласия со офицеры командующим кадетов место на берегу при воде, которое б могло быть атаковано и оборонено, где да сделают редут, а то для того, чтоб кадетов обучать одна или двжды в м[еся]ц во атаке и обороне, того редута, для сей экзерциции, да дадут им ружье и порох потребной, також несколько снастей для случая, ежели их заставят транжамент отворять, [л. 7 об.] [раскапывать,]^{xxvii} а в доношении, которое имеет чиниться его величеству о поступке кадетов, да упомянут о с[е]рдце, храбрости, и досуге, которой они в той экзерциции покажут.

Из того корпуса да берут во офицеры для флота, повышая их от градуса до градуса, по старости и по успехам, которые всякой может учинить, а то без кривды, ниже похлебства и не смотрят ни на кого.

Когда кого из оногo корпуса возьмут в чин, да будет его место на полнено другим, чтоб число, которое кадетом постаноят, всегда было полное и постоянное.

ⁱ Вписано над строкой.

ⁱⁱ Вписано в тексте оригинала.

ⁱⁱⁱ Фраза вписана в тексте оригинала.

^{iv} То есть в Адмиралтействе.

^v Фраза вписана в тексте оригинала.

^{vi} Вписано в тексте оригинала.

^{vii} Вписано в тексте оригинала.

^{viii} Приписано на левом поле.

^{ix} Вписано в тексте оригинала.

^x Вписано в тексте оригинала.

^{xi} Вписано в тексте оригинала.

^{xii} Вписано в тексте оригинала.

^{xiii} Констапель – один из нижних офицерских чинов во флоте. См.: ПСЗ РИ I. Т. 6. № 3485: Устав морской (1720). С. 40.

^{xiv} Дека – пространство между палубами.

^{xv} Вписано в тексте оригинала.

^{xvi} Вписано в тексте оригинала.

^{xvii} Вписано в тексте оригинала.

^{xviii} То есть сфере.

^{xix} Вписано в тексте оригинала.

^{xx} Золотое число – в цикле Метона (лежавшего в основе древнегреческого календаря) положение каждого года, состоящего из 19 лет по 12 месяцев и 7 добавочных месяцев и показывающего соотношение лунного месяца и солнечного года.

^{xxi} Эпакт – возраст Луны от новолуния в сутках на 1 января любого года. Эпакт позволяет определить дату новолуний и полнолуний по возрасту Луны на 1 января, не рассчитывая лунные фазы на весь год.

^{xxii} Приписано на левом поле рукописи.

^{xxiii} Вписано в тексте оригинала.

^{xxiv} У Ф.Ф. Веселаго также под сомнением – «в станции (?)» (см.: *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. Приложение III. Проект Морской Академии, представленный Бароном Сент-Илером, в 1713 году. С. 124).

^{xxv} Вписано в тексте оригинала.

^{xxvi} Вписано в тексте оригинала.

^{xxvii} Вписано в тексте оригинала.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–7 об.

1.2. Проект строительства кораблей на Адриатике (1715)ⁱ

[л. 8]

Ежели его величеству надобно сделать Генеральной регламент для арсеналов своего флота, дабы все делалось порядком и без конфузии [инакоже надобно опасатца, чтоб]ⁱⁱ, ежели злощастливо его величество заплатит пошлину, которую все человеки должны натуре, чего не дай боже во многия лета, [то] достохвальное установление, которое его величество учинило в морских делах великими деньгами, радениями и трудами, не исчезло вдруг. То, конечно, потребно есть таковой регламент учинить, дабы то служило не токмо ныне, но и вопредки, яко основателный камень.

Есть у его величества во флоте ученые и искусные навигаторы, и так надобно бы созвать собрание искуснейших навигаторов для сочинения артикулов из всякого пункта надлежащего до всех употребленных в чинех, или работающих в морских делах, чтоб то служило яко ордонанция [указ]ⁱⁱⁱ, в которой повинность, правило и порядок имеет быть хранено, [л. 8 об.] как то есть у всех протчих морских европейских держав. Я предлагаю такой регламент дать, в котором его величество может повелеть рассмотреть искуснейшим морским офицерам, дабы они убавили, чему они почаят непотребну быть, или б прибавили, что они заблаго разсудят для службы.

Ежели его величество изволит иметь таких людей, которых я имел честь предложить чрез един от мемориалов моих, то надобно чтоб его величество повелело соорудить два или три карабля в Фиуме [пристань, лежащая на истринском берегу в море Адриатическом, или в Венецыйской проливе за 40 миль в сторону ост сюд ост от города Венеции]^{iv}, оное пристанище надлежит Римскому цесарю. Дубу и иного годного леса к карабельному строению там изобильно, и все то дешево. Тако ж все что потребно к строению и вооружению караблей: так что мочно построить карабль от 40 до 50 пушек железных со всею принадлежностью, со всем его оснащением, чтоб [л. 9] шесть месяцев могли на море быть, тако ж с воинскою и съестною аммунициею, на содержание 3х[сот]^v или 400 человек и з платою жалованья на 40[000]^{vi} до 50000 рублей.

Мастеры строители венецыйские приезжают туда для строения караблей, когда они надобны, которые обязуются карабли построить за такую сумму, как в том согласятца, и поставят их в готовности к вооружению в назначенное время. Его величество может, ежели заблаго разсудит, дать или повелеть дать тем караблям рисунок, которой велят исправить со всяким тщанием.

Возьмут на карабли матросов словян, италианцов и французов, которых зело много есть в Венеции, Ливурне^{vii} и в Генне^{viii}, которые поедут безо всякого затруднения и сами собою, дабы иметь честь вашему величеству служить.

Что касатца до экипажмейстеров и годных людей для навигации и галер, и до иных людей всякого дела, то [л. 9 об.] надобно с вышепомянутыми караблями ехать в Марсель, где оные карабли нагрузят французского горячего вина, которое коштует^{ix} только 2¹/₂ рублей квинтан [100 фунтов]^x или 45 до 50 рублей бочка в 2000 фунтов весом. В оном городе и в Тулоне могу я получить такое число экипажмейстеров и иных людей, годных к навигации галерной, какое его величество повелит.

Что касается до людей всякого мастерства, то потребно будет, чтоб его величество изволило дать тем людям, которые для сего исправления посланы будут, полную мочь для дозво-

ления на прерогативы [вольности]^{xi} всем тем, которые будут знать какое мастерство, и похотят ехать установится здесь. Тако ж надобно будет им дать проезд и корм на оных караблях даром.

С помянутыми караблями заедут в Мессину, Неаполь, Ливурну, Генну, в Барселонну, Аликант^{xii}, Малага, в Кадикс [л. 10] и Лисбон. Сии города наполнены иностранными людьми всякого мастерства, которых бедность или малодельствие понудит сюды ехать, как скоро дадут им знать о доброте земли и о аванжах, которые они найдут.

Я сомневаюсь, чтоб 2 или 3 карабля могли в себе содержать всех тех, которые похотят сюды ехать.

В таковом случае надобно, чтоб его величество изволило дать число людям и мастерствам, которые его величеству угоднейшие будут.

Я найду купцов в Италии, которые будут давать потребные деньги, толико на строение караблей и на вооружение, по 4 до 5 на сто в год, с тою кондициею, чтоб им дали вексели на Галандию, или Гамбург, на знатных купцов, дабы они те вексели акцептовали. Его величеству не надобно будет д[е]н[е]г выдавать, ибо возможет заплатить карабли и нагужении из прибылью^{xiii}, которая будет из горячего [л. 10 об.] вина, которое они привезут, от которого прибыток будет великой. Ежели его величество изволит желать, то мочно для лучшей надежности в том вине велеть в Галандии асекуровать для страху^{xiv} на море.

Я прошу толко кредиту в Галандии и Гамбурге, для трех или четырех ч[е]л[о]в[е]к, которых я хочу с собой иметь. А верность бы их и искусство в делах была его величеству ведома, чтоб они имели правление в расходе и покупках.

Я обещаю, что в 12 или 15 м[еся]ц[о]в буду здесь с 2 или 3 караблями предложенными, и с числом людей, которых его величество повелит вывезть. Надобно будет смотреть, чтоб в Балтийское море не входить прежде начала весны, но прежде нежели шведы на море выдут, чтоб надежнее ехать.

Покажу свободной способ, что ваше величество может платить суммы, которая [л. 11] взаймы взяты будут таварами здешняго г[осу]д[а]рства, по которым купцы будут присылать сюды в Санкт Питер бург или к архангельскому городу. Я обещаю найти в Галандии кредит, которой потребен будет к предложенному делу на помянутых кондициях так, что ваше величество не принужден будет наличные денги держать.

Учинено в С.П. бурге февр. 12. 1715

ⁱ В оригинале заголовка нет.

ⁱⁱ Вписано в тексте оригинала.

ⁱⁱⁱ Вписано в тексте оригинала.

^{iv} Вписано в тексте оригинала.

^v Вписано в тексте оригинала.

^{vi} Вписано в тексте оригинала.

^{vii} То есть в Ливорно.

^{viii} То есть в Генуе.

^{ix} То есть стоит (от нем. *kosten* – стоить).

^x Вписано в тексте оригинала.

^{xi} Вписано в тексте оригинала.

^{xii} Город-порт на юго-восточном побережье Испании (Валенсия).

^{xiii} Так в тексте.

^{xiv} То есть застраховать.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–11.

1.3. Капитуляцияⁱ Сент-Илера (1715)

[л. 30]

Во имя божие и пресвятой троицы,

1.)

Его цесарское величество великой и малой России и прочая; изволяет мне иметь по своей милости чин генерала директора от академии гидрографической, геометрической, фортификации, и иных. Для навигации, потребных обучении, которую Академию изволит Его Величество устроить и установить в Санкт Питерсбурхском своем арсенале, ради учения корпуса молодых дворян, такого числа, какое его цесарское величество изволит, и тех будут называть гвардиею морскою:

2.)

Команда над тем корпусом гвардеи морской будет мне одному дана, под повелением же Его Цесарского Величества, и м[и]л[о]стивого г[о]с[у]д[а]ря моего адмиралаⁱⁱ, чтоб мне велеть им исправлять их должность во всех экзерцициях, против того проекту, которой [л.30 об.] я имел честь поднести о том Его Величеству; еще будет мне дана совершенная мочь политично их наказывать, когда они дела своего исправлять не будут, и того, что им предписано будет для обучения их о житии и учении их, тако ж и о моем правлении, не должен я буду ответ давать иному, разве его цесарскому величеству, и м[и]л[о]ст[и]вому моему г[о]с[у]д[а]рю адмиралу, и не будет мною повелевать никто ж иной ни прямо ни посторонне.

3.)

Дадут мне из адмиралтейской канцелярии патент Его Величества, карактеризуя меня генералом директором помянутой академии, и комендантом главным над корпусом, составляющим оную; и то под повелением Его Величества м[и]л[о]ст[и]вого моего г[о]с[у]д[а]ря адмирала, тот патент даст мне ранг контр адмирала и генерала маеора во армиях Его Величества.

4.)

Зделан будет дом в таком месте, где Его Величество укажет;и оной будет употреблен на Академию, где стоять оной гвардии морской, такожде для моего, и фамилии моей жития то по плану, которой [л. 31] учинит архитектор Его Величества г[о]сп[о]д[и]н Трезин по чертежу, которой я ему о том дам; такожде от Его Цесарского Величества дано будет дрова, свечи, и бумага сколько потребно будет, для затопления горничных печей той академии и моего ложаменту, и ради письма и свету, в котором морская гвардия, и я нужду будем иметь, будут даваться от Его Величества.

5.)

Дастся мне драгоманⁱⁱⁱ, которой б умел говорить и писать по русски, и италиански, или по русски и французски. Такожде дадутся мне б мужиков, которые б служили, как слуги в черной работе той академии, и моего домостроения; а содержаны б они были от его величества: как те, которых по обычаю дают морским офицерам. Квартира, которую г[о]сп[о]д[и]н генерал Чернышев^{iv} велел г[о]сп[о]д[и]ну Фентену мне дать, будет ему заплачена, как и та, на которой я теперь стою: [покамест академия построена будет, и я в ней жить буду]^v, ис казны его величества.

6.)

Жалованье мое будет мне заплачено от начала сего году, а имянно: в первой год 1200 рублей, во второй 1800 рублей, а третей 2400 рублей будут мне платить наперед по кварталу: а после закрепы сей капитуляции заплатят мне за прошлое время от 1го дня сего году и

за квартал наперед. Еже мне надобно для экипажу моего, також дастся мне шлюпка со 8ю гребцами и с кормщиком для службы моей.

7.)

После тех трех лет службы [л. 31 об.] позволено мне будет ехать в такое место Европы, куды похочю, хотя морем или сухим путем, и дастся мне паспорт Его Величества, или от того министра, которой в том управление имеет, без всякого препятства под каким видом ни буди.

8.)

По силе сей капитуляции я, Иосиф барон де Сант Гиллер, обещаюсь служить добре и верно Его Величеству, в сем распространении моего чина пролить последнюю каплю крови моей, ежели в том нужда будет, для службы Его Величеству, а то под штрафом наказания, по случаю смотря. Я же обещаю не иметь ни прямо, ни посторонним образом корреспонденции ни с каким ч[е]л[о]в[е]ком, то есть противно интересом Его Величества, ниже с неприятеля г[осу]д[а]рства Его Величества. В таковом случае принужден буду все приобщить Его Величеству, или министром Его под штрафом наказания по требованию случая.

9.)

Его Цесарское Величество обещает по своей августейшей милости, и праводушию ему, барону Иосифу з десант галеры^v, повелеть своим министром, и начальным своим, и нижним офицером содержание сей капитуляции исполнить, которую подписал и повелел приложить свою цесарскую печать. Учинено в Санкт Питербурге 14 м[е]с[я]ца апреля 1715 г.

ⁱ Капитуляция – в России в XVII – начале XVIII в. – договор о приеме на службу иностранцев.

ⁱⁱ То есть генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина (1661–1728).

ⁱⁱⁱ Драгоман (фр., устар. *dragoman*, из арабского) – переводчик при европейском посольстве или консульстве в странах Востока.

^{iv} Чернышев Григорий Петрович (1672–1745).

^v Вписано в тексте оригинала.

^{vi} Так в оригинале.

1.4. «Представление» Сент-Илера Петру I (1715)

[л. 40]

Присноприбавительнейший и пресильный кесарь всея России &, &, &.

Освященное и Присноприбавительнейшее Величество,

Нижайший и вернейший слуга барон С.Гиллер всепочтенно представляет вашему кесарскому величеству, что его превосходительство Великий Адмиралⁱ дал ему знать, что ваше кесарское в[еличество]. изволит, дабы морской корпус был в числе трех сот молодых дворян, которых нельзя учить всем экзерцициям, упомянутым в учреждении, которое он имел честь вашему кесарскому в[еличеству].представить без [л.40 об.] великого смущения, и ежели смею сказать, и невозможно, по трем рациям.

Первая [рация] сия, что надобно, чтоб все молодые люди были поставлены и кормлены в Академии, из которой они не выходили, кроме нужных дел, и чтоб они там были повседневно в те часы, которые им предписаны будут для учения их, что они не возмогут исправить, ежли они будут стоять и есть инде.

Вторая рация сия есть, что надобно будет шесть мастеров проффессоров всякого учения, и то учинить числом шестидесяти мастеров проффессоров.

А третья рация сия есть, что не возможно найти такое число искусных проффессоров в вашем г[о]с[у]д[а]рстве.

Я нашел способ, как достигнуть до намерения, которое я представил,[л.41] и чтоб установить все дела в порядке, которые б были тверды, вашему кесарскому величеству полезны, а мне славны.

(1:

Надобно, чтобы В[аше]. К[есарское]. В[еличество]. немедленно повелел построить подворье или и двор, ради академии, а то по рисунку, которой я имею честь В[а]шему В[еличеству].представлятьⁱⁱ, для того что Кикинов домⁱⁱⁱ ни мало к такому делу не годен.

(2:

Для бесхлопотности В[а]шему К[есарскому]. В[еличеству]. министром В[а]шим, и трех стах морских стражей^{iv}, которых в.[а]ше В[еличество]. изволит установить; я возьму на себя весь расход оной Академии, кроме снастей, инструментов, и потребной бумаги всем мастерам проффессорам и школьникам ради экзерцицей их.

(3:

Буду я их кормить по вся вечера и утра [л.41 об.] честно. Буду я платить всем домашним людям, так поваренным, как и другим ради домостроения, и поставлю я на мои д[е]ньги всю посуду поваренную и столовую.

(4:

Выпишу я из Голандии или из иных немецких краев самых искуснейших проффессоров, которых здесь нельзя будет найти, и которые потребны будут, и ту плату я сам платить буду, против договору которой они с приятелями моими учинят, которым приятелям велю я оных принимать. А покамест оная Академия не построена будет, и я тех трех сот стражей⁵² на мои руки не приму, то помянутым мастерам проффессорам реченую плату, также и за дорогу их чрез море, до сего места В[аше].К[есарское].В[еличество].платить будет. Однако ж в ожидании того зделаю я [л. 42] сему делу начало в Кикином доме, и употреблю тех мастеров проффессоров, которые найдутся здесь и на Москве.

(5:

Шестидесять мастеров проффессоров будут на меньшей конец требовать всякой 600 рублев на год, что всего учинит _____ 36000 р.

На прокормление тех трех сот морских стражей, по 16 копеек за всякого, чинить совсем 17280 р.

На плату поваров и иных высоких и нижних домовых людей по сту рублей на м[е]с[я]ц – 1200 р.

За мытье и на столовое белье 1000 р.

На топление 200х печей по 6 р. на печь 1200 р.

За свечи, по одной всякому морскому стражу, за 8 м[е]с[я]цов в году 1000 р.

Со всем 57680 р.

[л. 42 об.]

(6:

За весь помянутой расход его кесарское В[еличество]. повелит, всякому морскому стражу, платить мне на м[е]с[я]ц по шестнадцати рублей. Кроме того, В[еличество]. пожалует мне деревню около сего города, где б я мог держать домашнюю мою потребность, как быков, коров, баранов, телят, и домашних птиц, также огородное сажение. Кроме всего сего дастся мне пятьдесят мужиков для потребной черной работы. А жалование, которое в[а]ше В[еличество]. мне дает, также даваться мне будет. Однако ж когда все установлено будет предписанным образом, и разсудит за благо в[а]ше Величество тот расход из своей казны держать, то я буду получать только одно мое жалованье.

(7:

Ежели в[а]ше В[еличество]. примет сие предложение, [л. 43] то надобно будет указать в[а]шим Министрам, пребывающим в Голландии и Гамбурге, чтоб они помогали и подтверждали те обязательства, которые приятели мои учинят с потребными профессорами.

8;

Никто в здешней земли не знает честной чин, которым в[а]ше в[еличество]. м[и]л[ос]тиво изволили меня пожаловать, для того что мало меня почитают. Такой чин имеет во Франции генерал поручик королевских морских войск. В дацкой земле вице адмирал тот же самой, которой такую Академию установил противу образца, которой он о том снял во Франции, которой образец ровен с тем, которой я хочу в[а]шему величеству установить.

9;

Все экзерциции будут делать и учить на голландском и немецком языках, для того что [л. 43 об.] морское установление учреждено будет против порядку сих земель.

10;

Нижайше прошу в[а]шего в[еличества].м[и]л[ос]тиво мне позволить, чтоб я все установил против того, что я имел честь в[ашему]. в[еличеству].предложить регламентом моим, или чин мой с меня снять. Легче мне сей чести лишиться, нежели не имея того довольства, чтоб в[а]шему величеству устроить такое установление, какое я намеревался и которое было б в[а]шему в[еличеству]. и поданным в[а]шим полезно, а мне самому славно честным, и протч.

В С.Петербурге 18го Сентября 1715.

Барон С. Гиллер

ⁱ То есть Ф.М. Апраксин.

ⁱⁱ Рисунок обнаружить не удалось.

ⁱⁱⁱ То есть Кикины палаты – дом адмиралтейств-советника Александра Васильевича Кикина (казнен в 1718 г.) в Санкт-Петербурге. Впервые упоминается в 1714 г.

^{iv} Вверху над словом «стражей» надписано «гвардии».

^v Вверху приписано: морских.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–43 об.

1.5. [Письмо Сент-Илера Петру I (1715)]

[л. 44]

Всепресветлейший и державнейший император

Барон де St. Гилер, директор морской академии в[а]шего освященного цесарского величества, должности своей быти разсудил изобразить 29 артикулов, которые во учреждение служить имеют корпусу морской гвардии, над которою в[а]ше освященное цесарское величество [нрзб] учинили поверить команду во всех экзерцициях, как в академии, так и вне оной, такожде над учител[я]ми и профессорами.

Того ради он всепокорнейше просит в[а]ше освященное цесарское величество за благо принять оныя пункты, или все как в[а]ше величество за потребно разсудит к своей августейшей службе, и под каждым артикулом назначить штраф, как в[а]ше величество за благо разсудит [нрзб] всем оным, которые в том погрешат, и сие учреждение подписать, и печать ~~приложить~~ ^и августейшаго и государственную печать в[а]шего величества приложить повелеть, дабы оной артикул был в канцелярии адмиралтейства, чтоб оной [л.44 об.] всегда смотреть возможно было, когда нужда, и указать копии с онаго прибить в каждо[й] сале академии служащей к экзерциции морской гвардии, дабы содержание онаго им ведомо было.

Барон де St. Гилер

ⁱ Зачеркнуто в оригинале.

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 44–44 об.

1.6. «Правила» для Морской академии (1716)ⁱ

[л. 51] Правила, которые должны соблюдаться всеми, кто состоит в Морской академии, устроенной в Санкт-Петербурге.

1. Всякий отряд, образуемый из кадет для отправки на кораблях Его Царского Величества, будет составлен генерал-директоромⁱⁱ, который будет выбирать тех, кто добился наибольших успехов, без всякого пристрастия.

2. Благочиниеⁱⁱⁱ и дисциплина, которую следует наблюдать в Академии, должны исполняться генерал-директором, который должен иметь полную власть наказывать кадетов, когда те не выполняют своих обязанностей. Без всякого пристрастия или различий, за исключением разве некоторых чрезвычайных случаев, когда совершенное преступление требует сурового наказания, о которых случаях генерал-директор сообщит графу Матвееву. Последний вместе с командующим над флотом, который будет в Санкт-Петербурге, и генерал-директором определят наказание в соответствии с законами, установленными воинскими уставами.

3. Да не обратятся кадеты ни к кому, кроме Генерал-Директора, за разрешением покинуть Академию для какой бы то ни было надобности в Санкт-Петербурге, который даст такое лишь когда довольно сведает о имеющейся надобности.

4. Если же надобно покинуть Санкт-Петербург, то в таком случае господин граф Матвеев даст на то письменное разрешение тем кадетам, которым оно требуется для некоторых необходимых дел, следуя полученным сведениям, и во всех случаях любой кадет, получив паспорт от сказанного господина графа Матвеева, не отбудет [из Санкт-Петербурга],[л.51 об.] не записавшись в ведомости в канцелярии, устроенной в Академии по приказу Генерал-Директора.

5. Да не будет ничего изменено ни в Академии, ни в залах, которые служат для обучения морских кадет, без прямого приказанья от генерал-директора.

6. Караулы, которые будут определены в Академии, будут расставляться и сменяться по приказу генерал-директора.

7. Корпус морских кадетов должен быть устроен и представлен в полном числе генерал-директору, и не [должно] давать никаких отпусков кадетам без прямого приказа Его Царского Величества. Когда кадеты будут зачислены в Академию, они должны быть отделены навсегда от флота, как это принято везде. И по мере того, как кто-то из них добьется успеха в теории и наберется опыта в морской практике, они смогут стать офицерами. И это обязанность генерал-директора сообщать об этом Его Величеству или [генерал-]адмиралу.

Всем кадетам должно лезть вон из кожи чтобы стать офицерами, и если некоторым из них случится умереть, на его место должно взять другого, чтобы их число было неизменным.

Все кадеты должны быть из лучших семей страны^{iv}, и люди с достатком, потому что они должны в будущем стать морскими офицерами, как это обыкновенно повсюду, где есть подобные заведения.

Во всех странах, где есть морские корпуса, корпус морских кадет должен иметь первенство среди всех других воинских корпусов

[л. 52]; в Дании и во Франции у них есть такое преимущество.

8. Графу Матвееву не должно вмешиваться [в дела Академии], кроме как распределять деньги, которые Его Царское Величество определил на нужды Академии, и обращать внимание на представления, которые ему делает генеральный директор для нужд школьников, не вмешиваясь прямо или косвенно во внутренние дела Академии и не давая никаких приказаний.

Но если же, напротив, он получит некоторый приказ от Его Царского Величества или господина адмирала, ему должно в таком случае их сообщить генерал-директору, дабы в согласии с последним их исполнить.

9. Все жалобы в Академии должны приноситься генерал-директору, который сам должен восстанавливать порядок. Но если, напротив, кто-то в Академии возымеет повод жаловаться о некоторой совершенной несправедливости, или о некотором пристрастии к одним перед другими, или же о некоторых прегрешениях против интересу Его Царского Величества и Его приказаний, следует подать жалобу сказанному графу Матвееву, который известит Его Величество и получит указания, чтобы подвергнуть их тому наказанию, которого они заслуживают, как это обычно установлено в Академиях во всем мире.

В Санкт-Петербурге 11 мая 1716 г.

Барон де Сент-Илер.

ⁱ Оригинал на французском. Перевод И. Федюкина при участии А. Евстратова, В. Ржеуцкого и В. Береловича.

ⁱⁱ В оригинале *general directeur*.

ⁱⁱⁱ В оригинале *la police*.

^{iv} В оригинале *l'elite du pays*.

РГАДА. Ф. 370. Он. 1. Д. 7. Л. 51–52 об.

1.7. «Пункты» Г.Г. Скорнякова-Писарева (1719)

[л.90] Пункты предложенные к прежним в пополнение, которые по рассмотрению господина полковника и лейб гвардии маэора и от бомбардир капитана порутчика и академии президента Григорья Григорьевича Скорнякова Писарева выбраны ис присланных во академию ис коллегии адмиралтейской пунктов 719 году февраля 7 дня, тако же и вновь прибавленные по которым чинить во академии офицером и сержантом, капралу и салдатом, учителям и школьником так, как ниже сего объявлено.

1. Такожде Его царское величество повелевает учителям профессорам быть во академии в те вышеозначенные часы и трудитца, обучать морскую гвардию всем[у], что к их делу принадлежит, со всяким прилежанием и лутчим разумительным образом под штрафом вычита жалованья.

Сей пункт принят ис присланных пунктов, которой написан был 5)

[л. 90 об.]

2. Его Величество повелевает всей морской гвардии из академии не отлучатца, их же экзерциций ни под каким предлогом не пренебрегать, разве за необходимыми притчинами, в котором случае оные должны те притчины командующим во академии объявить, которым о том позволение даст, ежели случай то требовать будет, а которые в том противно поступят, те наказаны будут.

[л. 90 об.]

Сей пункт принят ис присланных пунктов, которой написан был 7)

3. Командующему офицеру над гвардиєю чинить смотр три четверти часа после бою тапты¹, а в начале первого на десять часа по полудни осматривать караульному сержанту с капралом, дабы во всех покоях огонь погашен был, и огня б от того часа не было, а от шестаго часу пополуночи осматривать же оному ж караульному сержанту, и кого не явится в квартире или какое [Л. 91] безчинство кто чинить будет, брать за караул и объявлять командующему афицеру.

Сей пункт определен вновь вместо присланных 19 и 21 пунктов

4. Его Величество повелевает всей морской гвардии, чтоб оные ж сколь скоро тапту пробьют, из академии и с камор своих, когда они тамо жить будут, не отлучались под наказанием академическим.

[л. 91] *Сей пункт принят ис присланных пунктов, которой написан был 22)*

5. Его Величество повелевает оным не отлучатца по начам ис камор своих, ниже начевать в каморе других под наказанием академическим.

Сей пункт принят ис присланных пунктов, которой написан был 23)

6. Всем учеником збиратца [л.91 об.] к учению поутру в шестом часу и быть в учении до двенатцати часов, а как двенатцать часов пройдет, распускать на квартиры до третьяго часа, а в третьем часу паки збиратца для учению и учитца в зимнее время до 5го, а в летнее до седьмаго часов.

[л. 91 об.] *Сей пункт вновь определен*

7. Учителям всем приходиться во академию к учению в те ж вышеозначенные часы и обучать школьников по своей должности со всяким прилежанием, под штрафом.

Сей пункт вновь определен

8. Караулом быть во академии первой в сенях передних, второй в канцелярии у денежной казны [л. 92], третьей у колодников, четвертой на дворе академическом у ворот, пятой в сенях у мазанков у средних дверей, а быть в смене в сутки по дватцати человек, а как тапту пробьют, запирают на дворе академическом ворота, да в мазанках средние двери и замыкать замком, а ключи брать сержанту, а поутру отпирать, как тапту пробьют, для нужных случаев такожде одному салдату на каждую ночь взять четырех человек ефрейтуров с собою и чинить осмотр круг всей академии, дабы не явилось каких шалостей и тайно б ис камор своих не отлучались, а которые ис камор своих в ночное время отлучатца будут, и тех ефрейтуром, которые к тому будут определены, об[ъ]являть помянутому салдату, а ему бы [л. 92 об.] об[ъ]являть сержанту, которым чинено будет от командующаго афицера наказание, а ежели кто из ефрейтуров не объявит о том салдату, или оной салдат не объявить сержанту, и за то будут жестоко наказаны.

[л. 92] сей пункт вновь определен

9. Школьников отпускать из академии на квартиры свои в субботу пополудни, а в воскресенье б на ночь сходились по прежнему в каморы свои, а которой в каморе своей на понедельник при академии не начует, таких из академии не выпускать за первую ночь месяц, за другую два, за третью ночь полгода.

[л. 92 об.] сей пункт вновь определен

[л. 93]

10. такожде всем школьником во академии в каморах своих зернью, в карты и в кости отнюдь не играть и безчинства никакова, ни шуму не чинить под жестоким наказанием

[л. 93] Сей пункт вновь определен

У подлинной подписано Григорей Скорняков Писарев

ⁱ Тапта – вечерняя заря, сигнал отбоя.

РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 90–93.

1.8. «Пункты» Г.Г. Скорнякова-Писарева комиссару М. Таптыкову (1719)

[л. 11] Копия

Пункты по которым надлежит чинить бл[а]городному господину камисару Таптыкову будучи в Москве, который даны здесь от г[оспо]дина генерала маэора и обор прокурора Григорья Григорьевича Скорнякова-Писарева,

1. Школу на Сухоревской башне содержать в компле[к]те в пяти стах персонах, абучать арифметики и геометрии, а как их обучать, о том подлинно написано в пунктах учителю Магницкому, а какие скончат геометрию, тех присылать в Санкт-Петербургскую Академию на ямских подводах, дав на 4 ч[е]л[о]века подводу и прогонные деньги на те подводы давать по указу. А на их места вко...ⁱ прибирать из всяких чинов кроме дворянских детей.

2. В ученье их надсматривать, чтоб они учились неленостно, а которые обучаца будут лениво и другие всякие продерзости чинить будут, таким наказ[ание] батоги, а которые явятца в разбоях и в убивствах и в других важных в[оро]вствах, таких отдавать к гражданскому [л. 11 об.] суду куды надлежит, а которые учиники в школу которые дни ходить не будут, тех потому ж бить батоги и вычитать из жалованья за каждой день против их жалованья втрое, а которые от школы збежали, тех сыскивать как возможно, потом писать в губернии, а движимое их и недвижимое имение отписывать на великого г[осу]д[а]ря. А которые сысканы будут и тем учинить наказание и собрав по ним поручные записи велеть быть по прежнему в учении. А ежели кто по себе поручной записи не даст, тех присылать за караулом в Санкт-Петербург.

А июля с 15 дня до 15 дня августа отпускать гулять.

3. Жалованье давать учителю Леонтью Магницкому по 260 рублей в год, [л. 12] а которые для споможения в учении ему Магницкому оставлены, давать на день:

Афонасью Селезневу по два алтына;

По пяти копеек: Ивану Бардакову, Ивану Познякову, Логину Вяткину, Григорью Болговскому, Максиму Есипову;

Которые в арифметике, по четыре деньги человеку на день;

[Которые] в геометрии, [давать] по 7ми [копеек] на день, а за инструменты вычитать против прежнего;

А которые из дворян многопоместные свыше 5ти [дворов], тем [жалованья] не давать;

А тебе брать на свою персону жалованья сто рублей в год.

Подъячим в год:

Петру Симанскому по 30 рублей, Василью Вишневу по 20 рублей;

Сторожа по 12 рублей 4 м человеком;

А на дачю жалованья принимать деньги з денежных дворов по дватцети по две тысячи по четыре ста по пятидесяти [л. 12 об.] по девяти рублей по ш[ес]ти алтын по полпята деньги;

Да с царедворцов положенных денег генваря с 1го числа 1719 году збирать на каждой год:

С князь Михаила княж Юрьева сына Одоевского 360 рублей;

Да с сына ево князь Петра 40 рублей;

С князь Ивана княж Андреева сына Голицына 360 рублей.

По 200 рублей с человека:

С князь Семена княж Михайлова сына Козловского;

С Василья Петрова сына Головина;

С Семена Петрова сына Бестужева;
С Ивана Петрова сына Матюшкина;
С князь Ивана княж Иванова сына Долгорукова;
С князь Василья княж Михайлова сына Долгорукова.

Триста рублей:

[л. 13]

С порутчика Федора Левашова;

Двести шестьдесят рублей: с князь Александра княж Яковлева сына Урусова.

По сту рублей:

С князь Анисима княж Иванова сына Хот...товскогоⁱⁱ;

С князь Ивана княж Федорова сына Козловского.

Итого две тысячи семь сот дватцать рублей.

Всего дватцать пять тысяч сто семьдесят девять рублей шесть алтын полпята деньги.

И ис тех оставлять в Москве на дачу вышеобъявленным чинам жалованье, и на дрова, и на бумагу, и на свечи по пять тысяч по ш[ес]ти сот рублей на год. А достальные девятнадцать тысяч пять сот семьдесят девять рублей шесть алтын полпята деньги присылать в Санкт питербургскую академию [л. 13 об.] по третям на ямских подводах, а прогоны имать с денежных дворов, а по нужде из вышеписанной же суммы, дабать же с ызб и с лавки оброчные денги, о которой ж в ведомости из адмиралтейской канцелярии написаны.

4. На караулах стоять в школе у казны из школьников по 12 ч[е]л[о]век;

Да у тебя по 3 ч[е]л[о]века;

Да у учителя по 2 ч[е]л[о]века.

5. Приход и расход денежной записывать в приходные и расходные книги, которые даны за моею рукою.

А роздаточные книги иметь за своею рукою и присылать те роздаточные книги в треть года, а табели и ведомости по вся м[еся]цы, а каковы указы о взятъе казны и о содержании школы в адмиралтейском приказе, и тем указом [л. 14] при сем предлагаю копию.

6. На вычетные деньги за инструменты и на штрафныя делать царкули треножные и простые и транц партитрыⁱⁱⁱ. А что почем ценою, о том присылать ведение каких инструментов, по которое время зделано.

На подлинных пишет тако: Григорей Скорняков Писарев.

Марта в 10 день 1719 году

ⁱ Лист рукописи оборван.

ⁱⁱ То же.

ⁱⁱⁱ То есть транспортиры.

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1725 год. Д. 25. Л. 11–14.

1.9. «Пункты в доклад» М. Таптыкова А.Л. Нарышкину с резолюциями (1722)

[л. 20] Пункты в доклад

1. Определены к академии 68 квартир в разных слободах, которые имеютца в дальном разстоянии от академии, в том числе весьма плохих 3 части. Того ради надлежит прибавить к помянутой академии толикое число квартир в близости академии.

Предложить во академии, много ли поставлено школьников на всякой квартире и где оные квартир обретаются

2. Просят вновь многие из разных чинов для определения в школу на упалыя места в ученики.

Таким повелеть явитца во академии нам, а без нас никого не принимать

3. Книги приходную и расходную его императорского величества денежной казны [Л. 20 об.] надлежит закрепить рукою вашего высокоблагородия, в чем имею немалую нужду и бес которых обойтитца невозможно.

[л. 20 об.] Предложить оные книги нам, которые будут закреплены

4. По должности моей, как содержать московскую академию, того ради надлежит мне за рукою вашего высокоблагородия дать инструкцию.

Инструкция будет дана, однако ж в чем есть вам нужда, извольте предложить пунктами на что мы будем отвечать.

По вышеписанном[у] требую вашего высокоблагородия решения Маия в 9 день 1722 году

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. II. Т. I. 1725 год. Д. 25. Л. 20–20 об.

1.10. «Мемория» А.Л. Нарышкину (1722)

[л. 18] Мемория в доклад На той мемории подписано рукою морского флота господина ка-

1. Школьников, которые будут записыватца безграмотные для науки во академию, из таких принимать ли.

Не принимать

2. Каких чинов людей дети будут просит для учения в школу на время, принимать ли.

Никого к академии и для науки не принимать бес подписания моей руки

3. Надлежит следовать по делу школьника Василья Тяпкина в краже его императорского величества денежной казны 200 рублей, школьников же Алексея Арбузова, Семена Сукова, которые приличили и держатца под караулом.

Исследовать и зделать отписку, предложить в академию

4. В том же деле держитца под караулом [л. 18 об.] школьник Михайла Лабодинской, у которого на часах помянутой Василей Тяпкин збежал.

Исследовать, предложить в академии

5. Держитца под караулом школьник Борис Аргамаков, которой грамоте не умеет, а прислан во учение из Санкт Питербурха в 719 м году и, не явась в канцелярии, жил в деревне своей по сей 722 год.

Подать доношение во академии нам

Да держитца ж под караулом за побег из Санкт питербурхской академии школьник Степан [нрзб]ⁱ, которой сего 722 году апреля м[еся]ца в канцелярии собою явился.

Подать так же доношение

питана и директора над академиями Александра Львовича Нарышкина тако:

Июня 20 дня 1722го году

ⁱ Возможно, Постежников.

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1725 год. Д. 25. Л. 18–18 об.

1.11. «Объявление» А.Л. Нарышкина (1722)

[л. 20 об.]

Объявление:

По указу его императорского величества повелено ведать школы благородному господину морского флота капитану Александру Львовичу Нарышкину, и по принятии оных школ от генерала маэора и обор прокурора господина [л. 21] Скорнякова Писарева по списку не явилось школьников сто шестнатцать человек, того ради объявляется всем пребывающим во учении здесь, чтоб они объявили своим сродником и свойственником, чтоб оные беглецы являлись здесь во академии немедленно, понеже будет подано доношение в сенат, дабы оные беглецы были наказаны по его императорского величества указу, кто не явитца, а которые самопроизвольно во академии явятца и оным будет облечение в наказании.

2. Объявлятца всем во академии, дабы никто ни с кого ничего не брал ни под каким видом, а естли хто с кого что возьмет, то будет доправлен оной взятк и с того хто взял и с того хто дал вдвое в казну государеву, и наказаны будут сверх оног штрафу

На том объявлении подписано рукою морского флота господина капитана и директора над академиями Александр Львовича Нарышкина тако:

[л. 21 об.] Также ежели хто будет из школы отпущен по прошению их за своими нуждами, и у таких вычитать из жалованья за те дни.

Учинить по сему

Сие объявить всем обретающимся при академии и записать в дюрнал. Июля в 1 день 722 году

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1725 год. Д. 25. Л. 20 об. – 21 об.

1.12. «Мемория» А.Л. Нарышкину (1723)

[л. 19]

Мемория в доклад

1. В прошлом 1719 году марта 10 дня каковы даны пункты бывшему камисару Марке Таптыкову за рукою генерала мазора и обор прокурора Григорья Григорьевича Скорнякова Писарева во отправление его императорского величества дел, ныне отправление чинить по тому ж ли.

Объявить оныя пункты предложить во академии

2. Да в тех же пунктах объявлено: школьникам жалованья давать не велено, за кем свыше пяти дворов крестьянских, но токмо при означенном камисаре Марке Таптыкове таким жалованье давана и ныне даетца, и о том что повелено будет.

В коллегию подать доношении

[л. 19 об.]

3. По присланному регламенту адмиралтейской должности гардемаринном запрещено женитца разве в дватцать пять лет, и о том свидетельствовать подлинно, чтоб подстави и в летах фальши не было, а во академии школьников женитца не допускать же летами против ли гардемариннов, и о том что повелено будет.

Чинить по указу

4. Когда случитца камисару отъезд в деревню, хотя не на великое время, а в небытность ево при академии, во отправление дел кому смотреть повелено будет.

Объявлено будет в инструкции

5. Понеже когда будут в небытность президента кто ис каких чинов в школу записыватца, из скольких лет принимать повелено будет.

В какие лета и с каких чинов принимать, будет дана инструкция по указы

Также по указам и по пунктам школьников велено уволить от учения июля с 15го числа августа по 15 число, а ныне в небытность президента на толикое ль время отпускать повелено будет.

Чинить по указу и отпускать

Также которыя будут сверх [л. 20] указанного числа проситца в дома для своих необходимых нужд, отпускать ли.

Будет дана инструкция

На той мемории подписано рукою морского флота капитана и директора над академиями Александра Львовича Нарышкина тако:

Марта 8 дня 723 году

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 1. 1725 год. Д. 25. Л. 19–20.

Осмысление роли образования в государственном строительстве: проекты Генриха Фика первой четверти XVIII века

Яна Ларина

Эпоха преобразований Петра I традиционно оценивается как поворотный пункт российской истории. Перестройке подверглось все «здание государства»: изменился порядок судопроизводства и административного управления страной, был создан флот, организована регулярная армия, новыми явлениями российской действительности стали многие институты и учреждения. Изменение и законодательное оформление новой структуры, внешней формы государственных институтов представляет собой лишь одну из сторон широкомасштабной реформаторской деятельности царя: государственный аппарат невозможно представить без людей – «строителей и постоянных обитателей здания государства»¹. Перед Петром I стоял сложный вопрос поиска и подготовки квалифицированных кадров, сотрудников, способных обеспечить слаженную работу государственной машины и содействовать таким образом утверждению «общего блага» для всех подданных².

Острота кадрового вопроса была обусловлена в том числе тем, что реформы проводились на основе иностранного опыта. Прообразом для многих преобразовательных решений Петра I послужили западноевропейские (в первую очередь шведские) образцы³. Создание коллегий, канцелярий и других учреждений нового типа требовало знания иностранного делопроизводства, права, бухгалтерии, иностранных языков, финансовых вопросов («коммерции») и других специфических для российского служилого сословия навыков. Процесс приобретения, накопления, усвоения и последующей передачи знания в различных отраслях первоначально осуществлялся в ходе заграничного обучения и за счет привлечения иностранцев. Подобно специалистам в области фортификации, кораблестроения и навигации, военного, горного, ювелирного дела и медицины в Россию привлекались и знатоки государственного устройства, права и делопроизводства учреждений западноевропейских стран⁴. Однако властью осознавалась и необходимость создания собственной системы светского обучения, образования и подготовки квалифицированных подданных.

Отношение к образованию в России в рассматриваемый период во многом определялось тем, что сам Петр I понимал и образование, и науку как сугубо практические общественные институты, стремясь с их помощью создать отлаженную государственную машину как главный рычаг утверждения «общего блага»⁵. Это отмечали многие исследователи⁶. Понятия «образование» и «служба» находились в тесной взаимосвязи: первое было необходимо для подготовки подданных к службе государству, поэтому само обучение рассматривалось как долг и разновидность последней. Необходимость распространения просвещения в России ради «государственной пользы» обосновывалась в записках, проектах и реформационных планах «толпы политических прожектеров», окружавших Петра I⁷. Среди «прожектеров», обращавшихся к проблемам образования, был и Генрих Фик – один из самых известных и деятельных сотрудников царя в деле проведения государственных реформ.

Г. Фик (Heinrich Fick)² родился в 1678 году в Гамбурге⁸. С началом Северной войны он поступил на шведскую службу в пехотный полк, в котором первоначально был писарем

² Сам Фик, вплоть до конца 1720-х гг., подписывался либо Hinrich Fick, либо H. Fick. Позднее он стал подписываться

(1700–1704), а затем квартирмейстером (с 1704 года)⁹. В 1710 году он перешел на голштинскую службу и в 1711–1714 годах занимал пост бургомистра города Экернферде, где ему пришлось в трудных военных условиях приводить в порядок городские финансы, принимать меры по борьбе с чумой, решать другие проблемы, связанные с повседневной жизнью города (ремонт городских стен, устранение последствий наводнения и многие другие)¹⁰. В связи с изменением расстановки политических сил в регионе голштинское герцогство было оккупировано датчанами, а Фик смещен с должности бургомистра за свои «тесные связи» со Швецией¹¹. Попытки Фика найти другую должность и источники дохода не увенчались успехом, что во многом могло определить его последующее поступление на русскую службу.

К 1714 году относятся первые контакты Г. Фика с Россией, а в декабре 1715 года он приехал в Санкт-Петербург, где царь поручил ему выполнение настоящей шпионской миссии¹². Фику предстояло достать и вывезти из Швеции копии различных документов, касавшихся государственного устройства королевства. Успешно выполнив это задание (более тысячи копий тайно привезенных им документов были впоследствии использованы при подготовке реформ), Фик в декабре 1716 года приехал из Швеции в Экернферде¹³. 23 января 1717 года Петр I подписал патент Фика на чин «действительного каммеррата»¹⁴.

Первоначально Фик занимал пост советника Камер-коллегии, в 1726 году был назначен на пост вице-президента Коммерц-коллегии и пожалован титулом статского советника. Помимо деятельности, связанной с текущей работой коллегий, Фик следил за переводом привезенных шведских документов, готовил на их основе проекты регламентов и штатов новых учреждений и занимался поисками кадров для них. Он составил множество аналитических записок о работе, функциях и составе шведских властных институтов. В 1718–1720 годах Фик работал над проектом Генерального регламента и затем Регламента Главного магистрата. На основе представленных им материалов и проектов проводились губернская и судебная реформы.

В 1730 году Фик оказался вовлечен в сложную политическую ситуацию, связанную с воцарением Анны Иоанновны. Со смертью Петра II пресеклась мужская линия династии Романовых и встал вопрос о кандидате на престол. Как известно, влиятельнейший член Верховного тайного совета князь Дмитрий Михайлович Голицын предложил кандидатуру герцогини Курляндской, племянницы Петра I Анны Иоанновны, которая вынуждена была подписать «кондиции», ограничивавшие ее самодержавие. Предполагаемое участие Фика в составлении «кондиций» и близость к Голицыну послужили причиной ареста и последующей ссылки Фика в Якутию. После смерти императрицы он был помилован Анной Леопольдовной, но вернулся из ссылки уже в правление Елизаветы Петровны, возвратившей ему конфискованное имение Оберпален близ Дерпта, где он и скончался в 1750 году¹⁵. Положение Фика менялось на протяжении всего периода его службы в России и зависело от того, кто был на троне и около него. Однако вплоть до последних лет своей жизни он продолжал составлять различные проекты «к государственной пользе», стремясь закрепиться в составе политической элиты России.

В целом ряде работ, посвященных проведению петровских реформ в сфере государственного управления и процессу адаптации шведских образцов, традиционно отводится важное место проектам Г. Фика и его работе по введению новых учреждений и институтов. Однако высказанные им идеи и предложения по созданию системы образования в России не подвергались специальному изучению. Между тем комплексный анализ содержания проектов Фика позволяет пролить свет на следующие вопросы: какова совокупность представлений Фика о функциях и роли образования и каким образом он предлагает выстра-

ивать систему образования в России? В какой степени его предложения коррелировали с российской действительностью? Как на практике соотносились в петровское время иностранные образцы (в частности, предложенные Фиком) с российскими условиями? Как в зеркале «образовательных» проектов Фика отражаются собственно российские реалии, система отношений власти и подданных в рассматриваемый период?

Первоначально внимание Г. Фика к проблемам организации образования в России было обусловлено его работой над «запуском» системы коллегий. Весной 1717 года, еще до своего приезда в Россию и начала работы над составлением регламентов, инструкций и штатов новых учреждений, Г. Фик отправился в Пруссию, Силезию, Мекленбург, Гамбург и «протчия места». Целью этой поездки был поиск служащих, которые могли бы «населить», наполнить проектируемое новое «здание» государственного аппарата. Как справедливо отметил Е.В. Анисимов, «написать, отредактировать и утвердить штаты еще не означало создать коллегии, которые состояли из конкретных, реальных людей»¹⁶. В ходе реформ недостаточно было создать систему центральных и областных учреждений, действовавших по одним и тем же инструкциям и имевших одинаковых по составу служащих: нужно было создать условия для нормальной работы новой системы управления, обеспечив ее необходимым количеством хорошо подготовленных служащих¹⁷.

Решение кадрового вопроса за счет привлечения иностранцев было сопряжено с целым рядом сложностей: надо было найти претендентов и склонить их к службе, определить их действительную квалификацию, обеспечить их приезд с семьями в Россию. Не способствовала быстрому и эффективному поиску иностранных кадров и продолжавшаяся Северная война. На повестке дня стояла не только проблема подбора иностранных специалистов, но и вопрос о необходимости и способах обучения «природных подданных».

Образовательно-ориентированная составляющая прослеживается в проектах Г. Фика уже в 1718 году и с тех пор не выходит из поля его зрения. Известен мемориал Фика от 9 мая 1718 года¹⁸, в котором он сообщает Петру I, что подготовил другой, особый «малый мемориал» о

нетрудном обучении и воспитании российских молодых детей, чтоб оных в малое время в такое совершенство поставить, дабы В. [ваше] В.[величество] все гражданские и воинские чины в коллегиях, губерниях, судах, канцеляриях, магистратах и протчая своими природными подданными наполнить; також и собственной своей земли из детей искусных купеческих людей, художников, ремесленников, шипаров и матросов получить могли¹⁹.

К сожалению, судьба этого «малого мемориала» на данный момент нам неизвестна. Однако среди документов Г. Фика сохранилась другая записка из 30 различных пунктов – своеобразный план, в котором он обрисовал для себя направления работы и круг вопросов, заслуживавших внимания²⁰. 29-й пункт этого документа имеет заглавие «О воспитании российского юношества» («Von Erziehung der russischen Jugendt»)²¹. Содержание этого пункта таково:

О воспитании русских молодых людей благородного и низкого звания, которое *первой своей ступенью имеет обучение на дому, второй – в школах и академиях, а третьей – в поездках* (курсив мой. – Я.Л.), как через то, без затрат для государства, последовательно их в совершенство привести, что Его величество в малое время всех служащих во всех сферах из искусных природных подданных получить могли, о том уже 1^{1/2} года назад сочинил

я малый мемориал и оставляю милостивой воле Его величества [решить], удостоить ли в будущем Его высоким вниманием этот малый, но весьма важный и государству чрезвычайно полезный мемориал или передать его святому отцу, господину архиерею Псковскому³²².

Вероятнее всего, и в мемориале от 9 мая 1718 года, и в приведенном тексте речь идет об одном и том же «малом мемориале», поскольку в обоих случаях приведенное содержание документа практически дословно совпадает.

В той же записке из 30 пунктов Фик, в отдельном 28-м пункте, названном «О церкви и школе для иностранцев, служащих в коллегиях» («Von einer Kirche und Schule vor die Auslndndische Collegien-Bediente»), оговаривает необходимость создания церкви и школы для иностранцев, особо отмечая, что в такой школе могли приобрести полезные навыки и «природные подданные» царя. Этот примечательный пункт заслуживает того, чтобы воспроизвести его целиком:

Все потентаты имеют для своих придворных и коллежских служителей особого священника и малую церковь: поскольку сейчас Его царское величество имеет иностранных служителей в основном евангелической, так называемой лютеранской, религии, то послужило бы к славе и интересу Его величества, если бы Они повелели построить наперво малую деревянную кирху на Троицком острове, малую школу и дом для священника и определили бы на церковь и школьных служителей постоянное годовое содержание всего в 400 рублей. А именно: 200 рублей для священника, 100 для искусного учителя и 100 для учителей арифметики и чистописания. Русская молодежь могла бы извлечь большую пользу из обучения немецкому языку, письму и счету, изучению бухгалтерии и получить хорошее основание наук, а такая церковь была бы названа на вечные времена в честь святого апостола и нашего милостивейшего царя, церковь Св. Петра, и в ней бы молились за благополучие Его величества, высокого царского дома и всего государства. И чтобы никому такое маленькое всеподданнейшее предложение не показалось чуждым, я сошлюсь на пример короля Пруссии, который на церкви и школы французских беженцев в своих землях ежегодно тратит 25 000 талеров, и для них установил [их] собственную власть по франкским правам и регулам²³.

Конечно, Г. Фик предполагал сообщить царю о пользе от учреждения такой школы с целью убедить его выделить на нее необходимые средства. Тем не менее и в другом мемориале он также размышлял над вопросом приглашения молодых иностранцев в Россию для обучения местного юношества²⁴. Этот мемориал состоит из 18 пунктов. Пространственный первый пункт, озаглавленный «Об улучшении гражданства» («Von der Beforderung des Civilwesens»), имел характерный, впоследствии зачеркнутый Фиком подзаголовок: «И в особенности о хорошем воспитании юношества» («In Sonderheit von guter Education der Jugend»)²⁵. Текст этого пункта также ранее не переводился на русский язык и не рассматривался в комплексе с другими представлениями Фика. В то же время в нем содержатся любопытные детали, отражающие как отношение к иноземцам и их положение в России, так и представления Фика как иноземца о «хорошем» образовании. Позволим себе привести текст этого пункта целиком:

³ То есть Феофану Прокоповичу, псковскому епископу в 1718–1720 годах. (Примеч. Я.Л.)

Более всего необходимо сделать все возможное, чтобы привить юношеству различные полезные качества, чтобы тем самым заложить в юношестве основание добродетели Божьего страха и наук. Для этого необходимы школы во всех главных городах провинций. Поскольку основы, заложенные в юности, служат к возмужанию человека. Для того было бы необходимо, без расходов для его величества, привлечь в государство некоторое число искусных студентов, которые бы наставляли во всевозможных науках и жизненных правилах юношей в благородных и богатых домах. Такие люди сами бы охотно приехали в государство, если бы было подготовлено и опубликовано постановление, которое бы обеспечило им защиту, безопасность, свободу и средства к существованию. Без таких людей будет сложно воспитать юношество; напротив, не стоит беспокоиться, как могли бы подумать глупые [люди], что эти студенты станут прививать юношеству чуждые религиозные представления, так как я имею в виду не студентов-теологов и не папистов, а студентов искусных в философии, морали, праве и различных добрых науках. Ни одной христианской религии не будет противно, если такой [учитель] станет обучать мальчиков основам всех добродетелей, а именно прежде всего страху Божьему, преданности и верности начальству, сохранению совести, свершению полезных дел для службы отечеству и общего блага, непричинению никому вреда чрез обман, зло, лицемерие, но станет обучать его старанию к соблюдению всех христианских добродетелей и порядочности. Вышепомянутые студенты, как только они освоят русский язык, могут быть назначены учителями в городские школы. Здесь следует отметить, что все европейские народы заложили основу для счастливого состояния своих потомков, в котором они сейчас и пребывают, через школы и академии; в особенности известно, что 300 лет назад в Англии, Дании и Швеции [жили] полуварварским способом и мало знали о науках и морали, в чем папство и его приспешники усердно помогали, чтобы поддерживать народы в состоянии глупости, слепоты и суеверия, чтобы они не замечали папских ухищрений. Римляне держали немцев за таких дикарей, каковыми мы сейчас почитаем дикие народы Америки. Сейчас освободившаяся от папства [часть] германской нации намного учение и утонченнее той, которая ещё пребывает под его игом. И хотя известно, что прежние славные правители России уже несколько сотен лет назад прилагали большие усилия к тому, чтобы ввести хорошие законы и порядки, это не могло принести требуемых народу плодов, поскольку не была создана [система] образования юношества из-за запрета на заграничные поездки, изучение иностранных языков, книг и так далее; через образование юношества в сердце вкладывается все естественное право и мораль, делая человека полноценным, и, в конце концов, предоставляя искусных, честных и совестливых слуг²⁶.

Итак, согласно представлениям Г. Фика, воспитание и обучение молодежи – основа «счастливого состояния» государства. Элементами образовательной системы должно стать обучение на дому, в городских школах и академиях. Важную роль в обучении могут сыграть иностранцы: как в качестве домашних, так и школьных учителей. Заграничные поездки и изучение языков – неременная составляющая эффективной образовательной системы, прежняя деятельность русского правительства в области создания такой системы не увенчалась успехом, по мнению Г. Фика, именно из-за запрета на заграничные поездки и изучение

иностранных языков. Функции и назначение такой системы – закладывание основ добродетельной жизни и обеспечение государства верными и искусными подданными для его блага.

Мысль об образовании как залоге добродетельной жизни и основе хорошей службы и, следовательно, о необходимости создания эффективной и разветвленной системы обучения проходит красной нитью через записки и проекты Г. Фика как 1710–1720-х годов, так и написанных уже в 1730 году, незадолго до начала следствия над ним и последовавшей затем ссылки. Это еще одно свидетельство того, что проблема подготовки и привлечения к службе молодых дворян продолжала существовать. Так, в ноябре 1730 года, уже при Анне Иоанновне, Фик составил и подал пространное «Подданнейшее представление о исправлении города Санкт Питербурха и размножении во оном жителей»²⁷. Один из пунктов проекта вновь посвящен проблемам создания школ, приглашения иностранных учителей и обучения «молодых людей российской нации» для дальнейшего употребления их в службы:

Також как городу Санкт Питербурху, так и российской нации великая в том нужда есть, чтоб учреждены были школы и в тех школах определены были учителя немецкой, аглинской, французской и галанской наций, которые б молодых людей в тех языках також и в арифметике и в бухгалтерском деле обучали, понеже обретающиеся здесь молодые люди российской нации в комерцыонных делах впред и во всякие службы от того получать могли б основание, а учреждение таких школ при Санкт Питербурхе и содержание учителей Ее императорскому величеству толико не стало б, сколько содержание одного профессора при академии наук становитца²⁸.

Более того, говоря о взяточничестве и волоките, Фик писал, что «подьяческой чин зело трудно исправлять», и отмечал при этом, что «оное все происходит от плохова воспитания и за неимуществом добрых школ и обучения»²⁹.

Значительный интерес представляет и другой весьма примечательный документ, составленный Г. Фиком в 1721 году: «Реляция, каким образом молодья графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают» (далее «Реляция». – Я.Л.)³⁰. Реляция отложилась в РГАДА в составе дела, озаглавленного «Разсуждение камер рата Фика о воспитании в Швеции молодых дворянских детей, и о употреблении их в службы, поданное в иностранную коллегию»³¹. В состав дела входят следующие документы:

1. Немецкоязычный оригинал «Реляции», озаглавленный «Relation auf waЯ Art die junge Grafen, Barons und Edelleute in Schweden, zu des Reiches Diensten erzogen und hernacher employet werden», датированный 6 февраля 1721 года и подписанный собственноручно Г. Фиком³².

2. Современный немецкому оригиналу беловой текст перевода на русский язык, озаглавленный «Реляция, каким образом молодья графы, бароны, и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают»³³.

3. Черновой текст перевода «Реляции» на русский язык³⁴.

4. Краткий экстракт «Реляции» на русском языке³⁵. Состоящая из 10 пунктов «Реляция» затрагивает целый спектр вопросов, однако значительная часть этого документа посвящена описанию шведской системы образования как таковой. Примечательно, что среди более чем тысячи различных документов, привезенных Фиком в 1716 году и отражавших во всей многогранности систему организации шведского государства, были и те, что касались вопросов образования³⁶. К ним относятся следующие документы: Устав Уппсальского уни-

верситета (1655)³⁷, Королевское письмо об академиях (1691)³⁸, Королевское постановление о гимназиях и школах (1693)³⁹.

Согласно «Реляции», начальное образование дети из обеспеченных дворянских семей получают дома: «Знатные и богатые шляхтичи держат искусных и ученых учителей при своих детях с младенчества, и имеют приватные школы у себя в доме», в то время как небогатые вынуждены отдавать своих детей в публичные школы, «которые школы однакож изрядно учреждены»⁴⁰. В это время через «обучение из катехизма, и из гисторических примеров первое основание христианства и добродетели полагаетца и в них вкореняетца»⁴¹. По достижении детьми

12–13 лет «начинают отцы натуру и склонность их в разсуждение принимать, и решить, какие науки они предвозприятъ и к каким службам и управлениям они употреблены быть имеют», для детей определяется дополнительный круг наук, к которым они имеют склонность⁴². В возрасте 16–17 лет для молодых людей «уже действительно самое дело начинается», и их дальнейшее поведение и обучение зависит от избранного служебного поприща, происходит, говоря современным языком, «специализация»⁴³. «Молодой шляхтич» может избрать военную, гражданскую, придворную или дипломатическую службу.

Основными ступенями шведской системы образования, описанной в «Реляции» Г.Фика, являлись обучение на дому, в школах (частных и публичных), в академиях и последующих заграничных академических поездках. Здесь уместно для сравнения вспомнить ранее приведенную нами трехступенчатую систему обучения «русских молодых людей благородного и низкого звания», которую предполагал ввести в России Фик в своих проектах 1718–1719 годов: она «первой своей ступенью имеет обучение на дому, второй – в школах и академиях, а третьей – в поездках» и, очевидно, опирается на шведские образцы, которые он последовательно использует и в «Реляции» 1721 года.

Для будущего гражданского служащего следующей ступенью образования было поступление в «академию», для военного – служба у «союзных потентатов», когда «вне его отечества война есть»⁴⁴. Неотъемлемой частью обучения были и поездки за границу⁴⁵. Обеспеченные семьи сами оплачивали пребывание молодого человека за границей. Небогатые же «от самого короля приняты и на королевском иждивении в чужестранные государства посылаемы бывают для обучения»⁴⁶. Обучение за границей, получение дополнительного образования рассматривалось в дальнейшем при приеме на службу как преимущество: «Когда оные молодые люди назад возвратились, то имеют они великое предпочтение пред прочими молодыми шляхтичами, которые недовольно обучались и в других государствах довольно не бывали, они имеют приступ при дворе и во всех знатных компаниях»⁴⁷.

В российских условиях, как подчеркивается в новейших исследованиях, далеко не все возвращавшиеся из европейских университетов юноши были затем востребованы на государственной службе. Объяснение этому видят в отношении Петра I к университетскому образованию как к не имевшему самостоятельной ценности⁴⁸. Так, отправленные в 1716 году обучаться в Кенигсберг студенты сами подняли вопрос о «государственной пользе»: в чем, с точки зрения государства, состояли смысл и задачи их образования и его связь с той службой, которая, как считалось, ждет молодых людей по возвращении в Россию. Несмотря на то, что общий итог командировки оказался положительным (вернувшиеся студенты были приняты на службу переводчиками в коллегии и дипломатические миссии), возникли как серьезные финансовые проблемы, так и вопросы о содержании самой учебы, в частности о «практической» пользе университетского образования для государственной службы России, который в петровское время решен так и не был⁴⁹.

Примечательно, что данные, опубликованные современными шведскими исследователями, изучавшими историю бюрократии, пути и способы вхождения молодых людей в состав чиновничества Швеции в период, к которому относится «Реляция», соответствуют реалиям, описанным Фиком. Согласно этим данным, обычно молодые люди учились в одном из университетов Швеции и иногда продолжали обучение за рубежом. Бедные студенты часто сопровождали в таких поездках юношей из более обеспеченных семей в качестве наставников. В поездках молодые люди приобретали опыт, необходимый для дальнейшей службы. Если же у молодого человека были связи, он мог получить и место в каком-либо из шведских дипломатических представительств за границей. Чтобы войти в систему государственного управления, многие поступали на должности *auskultanter* – шведского аналога (или прототипа) коллегии-юнкеров⁵⁰. В этом качестве молодые дворяне начинали свою карьеру при коллегиях, канцеляриях и надворных судах, непосредственно в учреждениях овладевая навыками, необходимыми на государственной службе⁵¹. Они изучали, как функционировало управление, как составлялись документы и протоколы. Несмотря на то что молодые люди первые годы часто служили без жалованья, они устанавливали связи, заводили знакомства, необходимые для дальнейшей службы. Многие молодые люди становились клиентами могущественных патронов, которые, в свою очередь, были зависимы от других лиц, стоявших еще выше по иерархической лестнице⁵².

Шведский исследователь Клэс Петерсон, указывая на соответствующие пункты «Реляции», прямо связывал с ней введение и в России института, подобного должности коллегии-юнкеров⁵³. Идея подготовки кадров в самих учреждениях отразилась в Генеральном регламенте и Табели о рангах, определявшей порядок обучения дворянских недорослей, для чего в учреждениях открывались вакансии коллегии-юнкеров: в органах государственного управления дворянским сыновьям надлежало служить в этом звании наравне с «подьячими», чтобы таким путем они смогли приобрести необходимые профессиональные навыки. Чтобы заинтересовать дворян в обучении наукам, Петр I в Табели о рангах приравнивал пребывание в коллегии-юнкерах к службе в армии⁵⁴.

Важно, что Г. Фик участвовал в создании обоих документов. В 1718–1720 годах он работал над проектом Генерального регламента (далее – ГР). В его проекте соответствующая глава имела заголовок «О воспитальщиках при канцеляриях» и содержала рекомендации к обучению молодежи в канцеляриях посредством «прилежного списывания дел в письме и арифметике», однако во второй редакции этот заголовок был уточнен следующим образом: «О молодых людях – для обучения при канцелярии»⁵⁵.

Мысль о подготовке кадров в учреждениях развивалась в Табели о рангах. По мнению С.М. Троицкого, «Реляция» Фика возникла и в дальнейшем была рассмотрена в Сенате именно в ходе работы над составлением Табели о рангах: «8 января 1722 г. в Сенате были „слушаны учиненные пункты“ к Табели о рангах. Затем сенаторы обсудили мнение, которое внесено „из иностранной коллегии о произведении и поступке шляхетских детей“, и приказали „исправля“ его, приготовить к докладу царю»⁵⁶. Троицкий отметил, что ему не удалось отыскать «Мнение» и предположил, что речь шла о «Реляции» Фика, которую тот подал в Коллегию иностранных дел 7 февраля 1721 года⁵⁷. Различные предложения Фика непосредственно коррелировали с правительственной регламентацией в сфере образования. На протяжении многих лет в своих сочинениях он обращается к проблеме создания образовательной системы и при этом параллельно работает над текстами Генерального Регламента и, очевидно, Табели о рангах. Таким образом, представляется возможным рассмотреть процесс создания системы образования в России под двумя различными углами зрения: через ана-

лиз законодательного материала как результата подготовки реформы и через проекты Фика, участвовавшего в подготовке реформы⁴.

Внимание к вопросам образования на протяжении многих лет оставалось константой в проектах Фика. «Реляция» не является исключением. Как составляющая его текущей работы, она находится в связи с целым рядом других его проектов и должна рассматриваться с ними в комплексе. Постоянное обращение к вопросу о подготовке кадров для государственной службы свидетельствует об их нехватке и, очевидно, востребованности проектов Фика.

Однако в историографии неоднократно отмечалось, что реализацию идеи обучения кадров при учреждениях трудно назвать удачной.

По оценке Троицкого, «не имела успеха» как школа подьячих, организованная в 1721 году для обучения «приказных людей детей» и определенных в коллегии молодых дворян, так и созданные впоследствии с той же целью юнкерские школы: за 30 с лишним лет своего существования они подготовили очень мало квалифицированных чиновников⁵⁸. По мнению Петерсона, существенных результатов в организации системы обучения кадров не удалось добиться⁵⁹. Наталия Владимировна Козлова, говоря о Коммерц-коллегии, отмечает, что за 1720-е годы каких-либо следов реализации постановлений о коллегии-юнкерах обнаружить не удалось, а в 1730–1740-е годы положение Табели о рангах о необходимом количестве юнкеров в коллегиях не выполнялось⁶⁰. Исследователи в целом единодушны в определении причины этой неудачи: дворяне неохотно отдавали своих детей «в учение», рассматривая его как еще одну тяжелую государственную повинность. Так же смотрело на учение и государство, что отразилось и в указах правительства, грозивших строгими карами дворянам, не желавшим отдавать своих детей в школы, поскольку учеба рассматривалась как вариант службы государству, обеспечивавшей подготовку хороших чиновников⁶¹. Да и сама служба, в свою очередь, являлась не привилегией, а повинностью, избежать которой законным путем было невозможно. Попытки обойти ее пресекались строжайшими указами, грозившими дворянам публичными наказаниями, публикацией имен «нетчиков» на специальных досках, прибиваемых к виселицам, и конфискацией имений⁶². Лоренц Эррен обратил внимание и на другой аспект этой проблемы – дворяне по-прежнему отдавали предпочтение военной карьере. По мнению исследователя, петровская система подготовки молодых кадров провалилась не оттого, что дворяне пренебрегали государственной службой как таковой, но в силу того, что последняя была несовместима с господствовавшими представлениями дворян о своем поприще⁶³.

Обращение к проектам Фика, в том числе к тексту «Реляции», выводит исследователя на широкую проблематику отношений власти и общества, восприятия службы в России петровского времени, а также на вопрос об общем ходе реформ и процессе адаптации иностранных образцов. В этой связи особый интерес вызывают рассуждения Фика о степени вовлеченности государства в вопросы воспитания и образования, высказанные им в «Реляции» и других проектах.

⁴ Возможно, интерес к вопросам образования был обусловлен обязанностями Фика не только как государственного служащего, но и как педагога. Сохранилось свидетельство, что Фик был воспитателем Ивана Долгорукова, будущего фаворита Петра II: «Воспитатель Ивана, некто Фик, человек очень образованный, не сумел передать своему воспитаннику ни своих знаний, ни культурных привычек» (Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. Из записок князя П.В. Долгорукова. М., 1997. С. 32). К сожалению, других документальных свидетельств, подтверждающих достоверность этих данных, нам обнаружить не удалось. Однако это вполне правдоподобно: Иван родился в 1708 году, а в 1723 году переехал из Варшавы в Петербург. Ему было 15 лет – подходящий возраст, чтобы приискать воспитателя. Его отец А.Г. Долгоруков занимал тогда пост руководителя Главного магистрата, а разработкой регламента для этого учреждения незадолго до этого занимался Фик. Долгорукий-старший мог вполне взять Фика к Ивану в воспитатели, учитывая, что он был знаком с его квалификацией.

В «Реляции» Фик особо отмечает, что в Швеции «никому от правительства не повелеваецца, чтоб он своих детей к военному или морскому делу или гражданскому приводил или в Стокгольм посылал»⁶⁴. Определяющая роль принадлежит не государству, а родителям, самим подданным: «в Швеции и Лифляндии так шляхта, как и другия чины имели издревле свободу детей своих по благоизобретению воспитывать, учить и в чюжестранные земли отпускать». А «ежели молодой шляхтич в воинскую службу вступить имеет, то будет он сперва волонтером при гвардии или при других полках, куды родители сами заблагоразсудят»⁶⁵. Линию независимости от государственной воли в сфере образования Фик доводит вплоть до почти крамольных для России замечаний о необязательности службы для молодых дворян: «Короли шведские ни прежде, ни вовемя самодержавства никогда не требовали, чтоб все молодое шляхетство генерально в действительные службы употреблено было»⁶⁶. Та же мысль проводится им и в другом проекте 1723 года: «В Швеции и других Эвропских государствах никто в гражданскую службу не принуждаецца»⁶⁷. В «Реляции» Фик указывает, что в принуждении к службе нет необходимости, поскольку нет кадрового голода:

Ко всем государственным службам и управлениям всегда искусных людей больше находитца, нежели королю потребно, так что когда какая гражданская или воинская служба или место порожно бывает ко всякой службе, хотя высокой, хотя низкой всегда довольно охотных, которые сами к тому домогаются, которые свои дела и управление с основания разумеют и однакож зело просить принуждены, пока службу получат⁶⁸.

Примечательно, что причина такого изобилия готовых служить кроется не только в достаточном количестве хорошо образованных специалистов, но и в комфортных *условиях службы*, обеспечение которых рассматривается Фиком фактически как *обязательство со стороны государства*. Среди таких условий первое – своевременная выплата положенного и достаточного жалованья: «Нигде такому принуждению быть не надобно, понеже все служители по своему чину надлежащее жалованье получают, и ранг и протекцию имеют, так же уставы весьма сносны, и такое доволство искусных людей имеетца, что об одной вакансии [упалом месте] часто многия вместе просят, и того ради всякой по прошению своему легко от службы уволен бывает»⁶⁹. Фик рассматривал службу не как долг бескорыстного служения, но как труд, за который должно получать соответствующее вознаграждение. Он отмечал это во многих своих высказываниях. Так, в доношении Сенату в 1718 году он настаивал:

Впервое, надлежит каждому государству служителей своих честно и по нужде пропитать, яко мы то видим во всех христианских государствах, також имеет Росия болших прибитков от всевышняго Бога по природе чем служителей пропитать, нежели Швеция; второе, способнее есть давать 100 рублей жалованья, нежели допустить в 200 или в 300 рублей подлога; в третье, нет государству в одном миллионе жалованья ни рубля убыли, ежели все оные денги в государстве паки издержаны будут; в четвертое, никогда искусных подданных сего государства к делам склонить не можем, ежели надежда к тому к жалованью и к повышению чина оных не побуждает⁷⁰.

В «Мнении» Фика, составленном в 1722 году, встречается не менее красноречивое высказывание: «Паки к наупоминанию, что как гражданские дела к службе и ползе всего государства установлены суть, так и всего государства должность в сем есть, как и в протчих государствах потребное пропитание гражданским служителем давать»⁷¹. «Никто не служит в Швеции и в других государствах без жалованья», – писал он и в 1723 году⁷². В России же, где к тому моменту закрепился взгляд на службу как на долг перед государством, вознаграждение воспринималось как милость, оно «не предназначалось для эквивалентной расплаты

за труд: это был дар, его жаловали за верную службу. Для того чтобы получить даже положенное по указу жалованье, его следовало просить, подавая челобитную на царское имя, а размер его определялся не объемом и качеством выполненной работы, а чином по Табели о рангах⁷³.

Во-вторых, в «Реляции» и других проектах Фик обращает внимание на необходимость разрешать дворянам отпуск со службы для управления имениями: «Когда шляхтич в действительной службе обретается и он по смерти отца своего или по каким иным притчинам принужден свою экономию в маетностях сам управлять, то ему по его домогательству отпуск охотно дается», или же «в потребном случае каждый свой абшит⁵ иметь может»⁷⁴. В «Мнении» 1722 года он писал:

В протчих государствах поселенное шляхетство, экономию маетностей своих сами своевольно оставляют, и службы ищут для получения ранга и жалованья, а в сем же государстве принуждены они по указом вотчины и дом оставлять; и часто случаетца в далних местех чины восприимать, и потом малое что или весма ничего от вотчин получить могут, но принуждены ноивящее свое прикащиком оставить⁷⁵.

Более того, «ежели кто в Швеции или в других государствах для своих нужд некоторые месяцы отпущен будет, то однакож получает свое полное жалованье, понеже никто так весма к своему делу не привязан, чтоб он со временем также на свою собственную нужду и на дела смотреть не мог»⁷⁶. Эти замечания Фика являются откликом на ситуацию, сложившуюся в России в результате издания указа о единонаследии от 23 марта 1714 года. По замечанию Анисимова, прямая задача указа состояла в том, чтобы навести такой «порядок» в землевладении, который бы бесперебойно обеспечивал государство военными и гражданскими служащими из дворян, «выживая» их из деревень⁷⁷.

Особого внимания заслуживают четыре причины, побуждающие в Швеции «шляхетство... своих детей изрядно воспитать и часто с великим иждивением в науки отдавать», перечисленные Фиком в самом конце «Реляции». В них вновь проступает мотив обоюдной ответственности дворян и власти друг перед другом: хорошее образование – лишь одно из оснований верной и «качественной» службы, которое само по себе, без выполнения государством особых условий, не может стать залогом успеха. Из приведенных Фиком причин весьма примечательны также третья: «понеже уставы, регулы и учреждения в Швеции тако учреждены, что *способно есть королю служить* (курсив мой. – Я.Л.)», и четвертая: «понеже в потребном случае каждый свой абшит иметь может»⁷⁸.

По мнению Троицкого, «нарисованная Фиком картина дворянских вольностей, существовавших в Швеции „издревле“ и „во время самодержавства“, возможно, независимо от намерений ее составителя, имела полемический подтекст: в ней как бы осуждались действия Петра I, сурово каравшего русских дворян за уклонение от государственной службы и нежелание учиться»⁷⁹. Эти полемические замечания были внесены в «Реляцию» Фиком сознательно, как отклик на явления российской действительности. Сам характер деятельности Фика подразумевал не только составление справочных документов о системе управления в Швеции, но и предполагал введение подобного рода образцов в России⁸⁰. Также не стоит забывать, что проекты использовались как возможность донести до царя и Сената свои чаяния, наблюдения и даже просьбы других людей. В этой связи примечательно обращение Фика к одним и тем же определенным сюжетам и проблемам в различных проектах.

⁵ То есть отставку (нем. *Abschied*). (Примеч. Я.Л.)

Комплексный анализ проектов Г. Фика, включая его «Реляцию, каким образом молодые графы, бароны и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают», позволяют сделать следующие выводы. В рамках представлений о функциях образования в России первой четверти XVIII века Фик рассматривал образование и воспитание как основу не только добродетельной жизни, но и эффективной службы на благо государства. Отталкиваясь от шведских образцов, он предлагал создать сеть городских школ, привлечь иностранцев для обучения русского юношества на дому и в школах, создать академии, наладить систему заграничных образовательных поездок, выстроить систему административного обучения в учреждениях. Однако эта система, представляя собой основание «хорошей» службы на благо государства, не могла, по мнению Фика, функционировать без обеспечения условий службы и гарантий для служащих со стороны государства. К таковым он относил свободный выбор вида и места обучения и службы, своевременную выплату жалованья, отпуск в имения по желанию и возможность получения отставки.

В России в рассматриваемый период закрепился иной взгляд на образование, которое, наряду со службой, и дворяне, и власть представляли как повинность. Со стороны первых это отношение выражалось в нежелании отдавать детей в обучение и на государственную службу, а со стороны второй – в ряде указов, определявших суровые наказания за такое уклонение. Отличались от тех, что сложились в петровской России, и представления Фика о жалованье как об эквивалентном вознаграждении за работу, выплачивавшемся на регулярной основе.

Попытки построения подобной системы обучения, выразившиеся, в частности, в создании школы подьячих в 1721 году, во введении института коллегии юнкеров, в организации обучения русских студентов в зарубежных университетах, не увенчались успехом, поскольку не были или не могли быть решены в комплексе с другими проблемами. В зеркале представлений Г. Фика, выраженных им в «Реляции» и целом ряде других проектов, отражается не только механизм работы над созданием системы образования в России петровского времени, но и ход реформ в целом, соотношение российских реалий с иностранными образцами.

Примечания

¹ Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2008. С. 9.

² Как известно, теоретической основой реформ Петра I послужили труды западноевропейских философов-рационалистов: Гуго Гроция, Самуэля Пуфендорфа, Готфрида Вильгельма Лейбница и юриста Людвиг Сакендорфа, заложивших основы теории о «регулярном государстве». Сторонники этого взгляда уподобляли государство механизму. Отлаженная машина «регулярного государства», в котором согласованно функционируют все детали, должна была обеспечить «общее благо» всему населению. Подробнее см.: Каменский А.Б. Россия в XVIII веке. М., 2006. С. 19–20; Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997. С. 99–101; Фишер К. История Новой философии. Готфрид Вильгельм Лейбниц: его сочинения, жизнь и учение. М., 2005. С. 572–574; Серов Д.О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 144. См. подробный обзор литературы по данному вопросу: Там же. С. 144–146.

³ Данному вопросу посвящена обширная литература. Назовем лишь некоторые работы: Берендтс Э.Н. Барон А. Х. ф. Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб., 1891; Он же. Несколько слов о «коллегиях» Петра Великого. Ярославль, 1898; Peterson C. Peter the Great's administrative and judicial reforms: Swedish antecedents and the process of reception. Lund, 1979; Троицкий С.М. Об использовании опыта Швеции при проведении

административных реформ в России перв. четв. XVIII в. // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 67–75; *Анисимов Е.В.* «Шведская модель» с русской «особостью» // Звезда. 1995. № 1. С. 133–150; *Некрасов Г.А.* Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

С. 334–343; *Водарский Я.Е.* Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 108–112; *Он же.* Проект регламента Главного магистрата и его редакции: (1720 г.) // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. X. С. 195–207; *Маньков А.Г.* Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720–1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России: IX–XX вв. Л., 1970; *Медушевский А.Н.* Развитие аппарата управления России в первой четверти XVIII в. // История СССР. 1983. № 6. С. 136–142; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии) М., 1974. С. 69–70, 98–99; *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра.

⁴ Подробнее о различных группах иноземцев и их правовом статусе в петровское время см.: *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 52–76; *Катин-Ярцев М.Ю.* Балтийсконемецкое дворянство на российской службе. XVII – конец XVIII в. // Вестник Моск. ун-та. 2000. Сер. 8. История. № 2. С. 25–49; *Петрухинцев Н.Н.* Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». М., 2008. С. 66–86; *Шебалдина Г.В.* Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005.

⁵ *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 99; *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах. XVIII – первая половина XIX века. М., 2005. С. 127.

⁶ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль, 1874. С. VI; *Пекарский П.П.* История Императорской академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. XXVII; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 268; *Краснобаев Б.И.* Очерки истории русской культуры. М., 1987. С. 38–42.

⁷ *Богословский М.М.* Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства // Российский XVIII век. М., 2008. С. 32–33; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 269; *Краснобаев Б.И.* Очерки истории русской культуры. С. 42.

⁸ *Hofmann H. v. Heinrich v. Fick und seine Ahnen* // Baltische Hefte. 1958. Н. 4. S. 258; Подробнее о биографии и деятельности Г. Фика см. в моих работах: *Прокопенко Я.И.* Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Под ред. Н.Н. Петрухинцева, Л. Эррена. М., 2013. С. 149–177; *Она же.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб., 2013. С. 323–337.

⁹ Государственный Военный архив, Стокгольм (Krigsarkivet, Stockholm). Rullor–1723, 1702: 2; *Lewenhaupt A.* Karl XII: s officerare. Stockholm, 1920. I. S. 195.

¹⁰ *Jessen W.* Hinrich Fick, ein Eckernfürder Bürgermeister, Ratgeber Peters des Grossen // Jahrbuch der Arbeitsgemeinschaft Schwansen, Amt Hütten und Ddnischer Wohld. 1941. Jg. 6. S. 20; *Slevogt H.* Eckernfürde. Die Geschichte einer deutschen Kaufmannsstadt im Herzogtum Schleswig. Husum, 2005. Bd. 2. S. 171.

¹¹ *Marklund A. Stenbock. Dra och ensamhet i Karl XII: s tid. Borge, 2008. S. 252–258; Slevogt H. Eckernförde. S. 172.*

¹² *Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 42 (далее – 3А).*

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 26. Л. 299; Там же. Кн. 31. Л. 419 об.

¹⁴ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. С. 116–117; Эстонский исторический архив (Eesti Ajalooarhiiv, далее ЕАА). 1429.1.3. Л. 1–2.

¹⁵ Вопрос о причастности Г. Фика к деятельности «верховников» поднимался в целом ряде работ, однако, не подвергался специальному изучению. См.: *Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1; Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880; Hjörne H. Ryska konstitutionsprojekt er 1730 efter svenska förebilder. Stockholm, 1884; Протасов Г.А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Ученые записки Тамбовского педагогического института. 1957. Вып. 15. С. 215–231; Он же. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010. Об обстоятельствах жизни Г. Фика в ссылке и его возвращении см.: Сафронов Ф.Г. Генрих Фик в якутской ссылке // Полярная звезда. 1966. № 4. С. 138–142; Он же. Записки Генриха Фика о якутах и тунгусах пер. пол. XVIII века // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 235–250.*

¹⁶ *Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 195.*

¹⁷ *Писарькова Л.Ф. Российская бюрократия в эпоху Петра I (окончание) // Отечественная история. 2004. № 2. С. 13–19, здесь с. 17.*

¹⁸ Тот самый мемориал, на который Петр I наложил знаменитую собственноручную резолюцию «Зделат Академию, а ныне приискат из русских, хто учен и к тому склонность имеет. Также начат переводит книги юриспруденцию и протчии к тому. Сие учинит сего году начала». См.: 3А. № 269. С. 224.

¹⁹ 3А. № 269. С. 224.

²⁰ Этот документ под названием «Unterthänigstes Memorial, wegen einiger wichtigen und zu Ihro Czaarischen Majtt: und Dehro Reiches Hohen und wahren Interesse gereichenden Sachen» («Всепоподданнейший мемориал касательно некоторых важных и служащих к Его царского величества и его государства интересу дел») сохранился в составе личного архива Г. Фика, находившегося в некогда принадлежавшем ему замке Оберпален (совр. Пыльтсамаа, Эстония). Он был обнаружен и затем опубликован в 1930 г. А.Р. Цедербергом на немецком языке. См.: *Cederberg A.R. Heinrich Fick. Tartu/Dorpat. 1930. Beilage 4. S. 91*–104**. В настоящее время материалы архива Г. Фика хранятся в Эстонском историческом архиве (ЕАА, Тарту).

²¹ См.: *Cederberg A.R. Heinrich Fick. Beilage 4. S. 91*–103**.

²² См.: *Ibid. S. 103**. См. здесь же оригинал на нем. яз.: «Wegen Erziehung der Rußischen vornehmen und geringen Jugendt, was ihren ersten Grund zu Hauße so wohl, als den andern Grund auf Schuelen und Academien, und den Dritten Grund auff ihren Reisen betrifft, und wie Sie solchergestalt, ohne so viel Geld außerhalb Reiches zu verzehren, Stufenweise in der Fähigkeit gebracht werden können, daß Ihro Majtt: in kurtzen Jahren alle Ämbter in allen Ständen, mit geschickten eingebohrnen Landes-Kindern würdigl. Besetzen können, darüber habe schon vor

1^{1/2} Jahren einen kurtzen Entwurff gemacht, und überlaße es Ihro Majtt: gnädigsten Willen, ob Sie künfftig in gnaden geruhen wollen, solches kleine, aber sehr wichtige, und dem Reiche öchstangelegene Werck dehro hohen Einsicht zu würdigen, oder an den Hochwürdigen Vater, den Herrn Archiré von Pleskau zu remittiren» (перевод мой). В дальнейшем мы еще обратим внимание на трехступенчатую систему обучения, которую предлагает ввести

Г. Фик.

²³ См.: Ibid. S. 103*. См. здесь же оригинал на нем. яз.: «Alle Potentaten haben vor ihren Hoff- und Collegien-Bedienten einen eige-nen Priester und kleine Kirche; Da nun Ihro Czaarische Majtt: Außländische Bediente meistentheils von der Evangelischen so genadten Lutherischen Religion seyn; So würde es zu Ihro Majtt: Gloire und Intresse gereichen, wann Sie in Gnaden geruhen wolten, vors erste eine kleine Höltzernekirche auff der Troiza Innsull, nebst einem kleinen Schuel und Pfarr-Hauße aufbauen zu laßen, und zu der Kirchen und Schul-Bedienten bestndigen Unterhalt Jdhr. nur 400 Ro: zu employren; nembl. 200 Ro: vor den Priester, 100 Rubel, vor den Gelehrten Schulmeister, und 100 Ro: vor den Schreibund RechenmeisterDie Rußische Jugend würde in der teütschen Sprache, im Schreiben und Rechnen, in der Buchhalterey und Studien hiebey ein vieles profitiren, und einen guten grund legen können, und solche Kirche solte zum Gedächtnüß des heiligen Apostels, und unseres Gnädigsten Czaaren, die Kleine St: Peters-Kirche zu ewigen Zeiten genandt, und darinnen vor die Wollfarth Ihrer Majtt: und des hohen Czaarischen Haußes, und des gantzen Reiches gebethen werden. Und damit dieser Unterthänigste kleine Vorschlag niemanden frembde vorkommen müge, so beziehe ich mich auff das Exempel des Königes von Preussen, welcher vor die Kirchen und Schulen der franschen refugirten in seinen Ländern Jähr. 25000 Thaler Depensen macht, und vor ihnen eine eigene Obrigkeit, nach franschen Rechten und Process-regeln verordnet hat» (перевод мой).

²⁴ Документ, озаглавленный «Unterschiedliche unterthänigste Vorstellungen und Anmerckungen betreffende die Beforderung des Civil Wesens und guten Ordnungen auch Ihre Keyserl. Mtt und Dehro Reichsinteresse» («Различные всеподданнейшие представления и замечания относительно улучшения гражданских дел и порядков, также служащие к Его величества и его государства высокому интересу»), был также издан А.Р. Цедербергом на немецком языке: Ibid. Beilage 5. S. 105*–113*. По замечанию публикатора, текст представляет собой собственноручно написанный Г. Фиком черновик.

²⁵ Примечательна причина, по которой Г. Фик, очевидно, отказался от этого подзаголовка: обращение к вопросам образования и воспитания молодежи направляет его мысль в дальнейшем к более общим проблемам организации службы в учреждениях (необходимости своевременной выплаты жалованья, увольнения неквалифицированных сотрудников, выдачи челобитчикам разъяснительных справок с указанием основания вынесенных решений и т. д.). Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что образование и воспитание мыслились как инструменты подготовки подданных для службы государству.

²⁶ См.: Cederberg A.R. Heinrich Fick. Beilage 5.

S. 107*–108*. См. здесь оригинал на нем. яз.: «Das allernöthigste ist, alles ersinnliche zu thun umb alle Jugend zu allerhand nützl. Dingen anzuführen, damit Sie in der Jugend den Grund der tugend Gottes Furcht und Wissenschaft legen. Zu welchem Falle in allen Hauptstädten der Provinzen Schulen nötig seyn. Dann so wie der Grund in der Jugend geleet wird, so findet man einen Menschen in der Mannbahrkeit. Zu solcher Ende möchte nöthig seyn, doch ohne ihro Mayt Kosten, eine Anzahl geschickter Studenten ins Reich zu ziehen, welche in den vornehmen und reichen Heusern die Jugend in allerhand Wissenschaften und lebens Regeln unterweisen. Solche Leute würden von selbst genug ins Reich kommen wenn eine Verordnung wegen deren Protection, Sicherheit, Freyheit und Subsistence angefertigt und publiciret würde. Ohne solche

Leute wird die Education der Jugend schon zu erreichen seyn; hingegen stehet nicht zu besorgen, wie die einfaltige meynen möchten dergleichen Studenten der Jugend andere Meynungen in der Religion beybringen wurden, denn meine Meynung ist nicht eigentl. von Studenten in der Theologie auch nicht von Papisten, sondern von solchen die in der Philosophie, in der Morale und in denen Rechten und allerhand feinen gelehrten Wissenschaften erfahren seyn. Und wann ein solcher den Knaben den Hauptgrund aller Ehren bey bringt, nembl. wie er vor allen Dingen Gott fürchten, seiner Hohen Obrigkeit treu und gehorsam seyn, in allen actionen sein gewissen bewahren, zu des Vaterlandes Dienst und dem gemeinen Besten was rechtschaffenes lernen niemanden durch Lügen, Betrügen, Bosheit und Falschheit schaden, sondern sich aller Christl. Tugenden und anstandigkeiten beflüssigen solle etc. so sind solche Lehrsetze keiner Christl. Religion zuwieder. Die erwähnten Studenten könnten so balde Sie die russische Sprache gefasset, zu Schulmeister in den Städten gesetzt werden. Hie bey ist zu bemercken, dass alle Europaeische Völcker durch Academien und Schuelen den Anfang gemacht haben ihre Nachkommen in den glückl. Standt zu setzen, worinnen wir Sie jetzt finden; in Sonderheit ist es bekannt, dass vor 300 Jahren in Engelland, Dennemarck und Schweden [die Gelehrtheit und gute Sitten noch nicht] noch eine halbe Barbarie gewesen und man von Studien und Moral-Wissenschaften darinnen wenig gewusst hat, wozu die Päbste mit ihren Anhangen auffs fleissigste geholffen haben umb den Völckern in der Dumheit, Blindheit und den behinglichen Aberglauben zu unterhalten unterhalten damit selbige die päbstliche Griffe nicht sehen solten. Die teutsche seyn von den Römern vor so wilde Völcker gehalten worden, als wir heutiges Tages die wilden in America halten. Und man findet noch diese Stunde die teutsche nation viel gelehrter und polirter die sich vom Päbste befreyet, als welche noch unter dessen joche leben. Nun ist es zwar bekand, dass die vorige glorwürdige Regenten in Russland schon vor einigen hundert Jahren her grosse Mühe angewand, gute Gesetze und Ordnungen einzuführen, alleine es hat die verlangte Früchte des Volks nicht bringen können, weil die Education der Jugend wegen der damaligen Verbote von Reisen, Studiren frembde Sprachen und Büchern etc. nicht im gange gebracht worden ist; als durch welche Education der Jugend der gantze Natur-Recht wie die gantze Morale ins Hertz gesetzt und selbige zu vollkommene Menschen macht, woraus dann endlich auch gute geschickte, ehr- und Gewissen-liebende Bediente zu wehlen und zu hoffen stehen» (перевод мой).

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 529. Л. 3–27 об.

²⁸ Там же. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 9 об.–10.

³⁰ Там же. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 5–13.

³¹ Там же. Л. 1–24.

³² Там же. Л. 1–4 об. Рукопись на 4 листах в 1° (6 страниц текста).

³³ Там же. Л. 5–13. Рукопись на листах в 1° (17 страниц текста). Филигрань – герб города Амстердама с литерами HS (см.: Дуанова Т.В. Филигрانی XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. № 407. С. 126).

³⁴ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 14–22.

³⁵ Там же. Л. 23–24.

³⁶ Среди документов, обнаруженных А.Р. Цедербергом в замке Оберпален, есть перечень всех привезенных Г. Фиком из Швеции документов. Этот перечень опубликован в приложении к работе: *Cederberg A.R. Heinrich Fick. Beilage 1. S. 1–64* (втор. паг.).

³⁷ Transumpt von der Constitution der Academie zu Upsala. См.: *Cederberg A.R. Heinrich Fick. Beilage 1. S. 56* (втор. паг.).

- ³⁸ Königl: Schreiben wegen des Academischen Wesens. См.: Ibid. S. 59 (втор. паг.).
- ³⁹ Königl: Verordnung wegen Gymnasien und Schulen. См.: Ibid. S. 59 (втор. паг.).
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.
- ⁴¹ Там же. Л. 6 об.
- ⁴² Там же. Л. 7.
- ⁴³ Там же. Л. 7 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 8.
- ⁴⁵ Там же. Л. 8, 10.
- ⁴⁶ Там же. Л. 9 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 10 об.–11.
- ⁴⁸ Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах. С. 127.
- ⁴⁹ Там же. С. 132–134.
- ⁵⁰ Wetterberg G. Arvid Horn. Malmö. S. 31.
- ⁵¹ Gaunt D. Utbildning till statens tjänt // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Historica Upsaliensia. Uppsala, 1975. № 63.
- ⁵² Wetterberg G. Arvid Horn. S. 31–32.
- ⁵³ Peterson C. Op. cit. P. 109–112. В свою очередь, Е.В. Анисимов видит в институте коллегии-юнкеров продолжение традиций приказной системы: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 193.
- ⁵⁴ Эррен Л. Российское дворянство первой половины XVIII века на службе и в поместье // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012. С. 72; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 271.
- ⁵⁵ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 192.
- ⁵⁶ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 98.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 270, 279.
- ⁵⁹ Peterson C. Op. cit. P. 111.
- ⁶⁰ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 62, 64.
- ⁶¹ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 270–272; Peterson C. Op. cit. P. 111.
- ⁶² Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009. С. 287.
- ⁶³ Эррен Л. Указ. соч. С. 72.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.
- ⁶⁵ Там же. Л. 5, 7 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 12.

⁶⁷ Там же. Л. 97 об.

⁶⁸ Там же. Л. 5–5 об.

⁶⁹ Там же. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 97 об.

⁷⁰ Там же. Л. 33.

⁷¹ Там же. Л. 339 об.

⁷² Там же. Л. 97 об. См. об этом подробнее в моей работе: *Прокопенко Я.И.* Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII в. С. 175–176.

⁷³ *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004. С. 270; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 253; *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. М., 2004. С. 236.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 12–13.

⁷⁵ Там же. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 58. Л. 340 об.

⁷⁶ Там же. Л. 97.

⁷⁷ *Анисимов Е.В.* Петр Великий. С. 285.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 18. Л. 12 об.–13.

⁷⁹ *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 99–100.

⁸⁰ Отметим, что Е.В. Анисимов, рассматривая записку Г. Фика о Канцелярии коллегии в Стокгольме, пишет, что ее автор дает весьма подробную характеристику этого учреждения с умыслом: «Из описания Фика следует, что такую Канцелярию-коллегию необходимо организовать и в России» (*Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. С. 192–193).

Список архивных материалов, использованных при подготовке публикации:

РГАДА

Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II.

Кн. 26. Л. 299–300. Письмо генерала А.А. Вейде Петру I (Гюстров, 13 декабря 1716 г.)
Кн. 31. Л. 418–419 об. Письмо генерала А.А. Вейде Петру I (1717)

Ф. 248. Сенат.

Оп. 2. Кн. 58.

Л. 93–98 об. Описание рефлексиям [разсуждениям], которые потентат, а особливо корона швецкая при сочинении штата и расходов имеет (1723)

Л. 32–33. Покорнейшее доношение Г. Фика Сенату (22 ноября 1718 г.)

Л. 339–342. Мнение камор коллегии советника Фика (4 июня 1722 г.) Оп. 9. Кн. 529.

Л. 3–27 об. Подданнейшее представление о исправлении города Санкт Питербурха и размножении во оном жителей (23 ноября 1730 г.)

Ф. 370. Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений

Оп. 1. Д. 18. Разсуждение камер рата Фика о воспитании в Швеции молодых дворянских детей, и о употреблении их в службы, поданное в иностранную коллегию. Л. 1–24 (1721)

Государственный Военный архив Швеции, Стокгольм (Krigsarkivet, Stockholm).
Rullor–1723, 1702:2 (1702).

Эстонский исторический архив, Тарту (Eesti Ajalooarhiiv).

Ф. 1429. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2. Извлечения из текста патента Г. Фика, подписанного Петром I 23 января 1717 г. в Амстердаме (копия).

2.1 Реляция, каким образом молодая графы, бароны, и шляхтичи в Швеции к государственным службам воспитаны и потом употреблены бывают (1721)

2. 1. Relation auf waß Art die junge Grafen, Barons und Edelleute in Schweden zu des Reiches Diensten erzogen und hernacher employret werden

1.

Zu Schweden und Liefland hat so-woll der Adell alß auch die ändern Stände von Alters her die Freyheit gehabt, ihre Kinder nach Gutfinden erziehen, studieren und in frembde Länder reisen zulaßen, umb durch alle mügliche Wege sich geschickt und fähig zu machen; es wird auch niemanden daselbst von der Obrigkeit befohlen, daß er seine Kinder zur Milice oder Seefarth, oder Civil-wesen anführen, oder nach Stockholm senden soll, zumahle sich zu allen Reichsdiensten und Verrichtungen jederzeit mehr geschickte Leute finden, alß der König nötig hat, dergestalt, daß wann Civil– oder Militairdienste ledig werden, so finden sich auch zu jeden Dienst, er sey hoch oder niedrig jederzeit gnugsahme Competenten, die ihre Sachen und Verrichtungen auß dem Grunde verstehen, und dennoch sehr bitten müßen, ehe sie Dienste erlangen.

1.

В Швеции и Лифляндии так шляхта, как и другая чины имели издревле свободу детей своих по благоизобретению воспитать, учить и в чужестранные земли отпускать, чтоб всякими возможными способами себя годными и искусными учинили, також там никому от правительства не повелеваетца, чтоб он своих детей к военному или морскому делу или гражданскому приводил или в Стокгольм посылал, ибо ко всем государственным службам и управлениям всегда искусных людей больше находитца, нежели королю потребно, так что когда какая гражданская или воинская служба или место порожно бывает ко всякой службе, хотя высокой, хотя низкой, всегда довольно охотных, которые сами к тому домогаются, которые свои дела и управление с основания разумеют и однако ж зело просить принуждены, пока службу получат.

2.

Die Ordnung und Manier, wodurch die adeliche Jugend zu des Reiches Diensten und einer aufständigen Aufführung von Jugend auf capable gemacht wird, bestehet haubtfächlich in einer Standes määßigen Erziehung, in guter frühzeitiger Unterrichtung, in Studien und Reisen, wozu die in Schweden eingerichtete und mit erfahrenen Professoribus besetzte Academien, Gymnasien und andere Schulen das meiste bey-tragen.

2.

Порядок и манера, которым молодое шляхетство к государственным службам и к пристойному поступку с молодых лет способно чинитца, состоит главнейшее в воспитании сходном с состоянием, в добром и благовременном обучении, в науках и ездах, к чему в Швеции учрежденные и искусными профессорами снабденные академии, гимназии и иные школы наивяще помогают.

3.

Die vornehme oder reiche Edelleute hatten geschickte und studirte Informatores bey ihren Söhnen von Jugend auf, und haben also eine Privat-Schule bey sich im Hause, und weiln ein solcher Informator insgemein unterschiedliche Wißenshaf-ten zugleich besitzt, so haben die Discipeln Gelegenheit, in vielen Diengen zugleich den Grund zu legen und weit mehr zu erlernen alß wann

sie in den publicquen Schuelen informiret würden, alß in welchen die arme Edelleute auß Noth ihre Kinder halten müßen, welche Schuelen gleichwoll dennoch auch woll eingerichtet und mit trefflichen Lehrmeistern besetzt seyn. Neben solcher Information wird auch bey der Jugend durch den Priester öffentliche Lehren und Predigten und durch den Informatoren täglich Ermahnung und Übung auß dem Cathechismo und auß historischen Exempeln der erste Grund der Chri-stenthumbs und der Tugend geleet und ihnen eingewürtzelt, wie sie sich gegen Gott und ihren König, gegen ihre Ältern und Obern, gegen andere Menschen und gegen sich selbst betragen sollen, so daß der Grund der Redlichkeit und Wollanständig-keit und die Wichtigkeit eines guten Gewißens und Bewahrung der Ehre, denen Kindern von Jugend auf bey-gebracht wird. Dahero man auch in Schweden selten ein Exempel hat, daß ein Edellman ein Verbrechen begehet, so seine Ehre verletzen könnte.

3.

Знатные и богатые шляхтичи держат искусных и ученых учителей при своих детях с младенчества, и имеют приватные школы у себя в доме, и понеже такой учитель обыкновенно разные науки знает, то ученики имеют случай во многих вещах вкупе основание положить и больше научитца, и ежели они в публичных школах учены были, в которых небогатые шляхтичи от нужды своих детей держать принуждены, которые школы однако ж изрядно учреждены, изрядными учител[я]ми снабдены при том учении в молодых людях и чрез публичное учение пасторов и проповедников, и чрез ежедневное написание учителей и обучение из катехизма, и из исторических примеров первое основание христианства и добродетели полагаетца и в них вкореняетца, как им к Богу и королю своему, к родителям и начальником и другим людям и к самим себе поступать надлежит, так что основание честности и пристойности и важность доброй совести и сохранение чести в детях с младенчества вкореняетца, от чего в Швеции редко пример имели, чтоб шляхтич преступление учинил, которое честь его повредить могло.

4.

Wann nun bey dergleichen Information die Lehrlinge ihr n^{tes} oder 13tes Jahr erreicht haben, so beginnen die Väter ihre Natur und Inclination in Erwegung zu ziehen und zu welchen Diensten und Verrichtungen sie künfftig employret werden sollen, nach welcher Resolutions zu Hause eingerichtet und die Discipeln schon zu Nebenstudien und Exercitus nach 2. 3. oder 4. Jahre angehalten werden, alß in Kriegen Exerzitionen, Navigation, Civil oder Militair, Architectur oder in der Historia, in den Rechten, in Staats-Sachen etc. in der Musique, Fechten, Tantzten, Reiten etc.

4.

Когда при таких науках ученики до 12го или 13го году дойдут, тогда начинают отцы натуру и склонность их в разсуждение принимать, и решить, какие науки они предвозприять и к каким службам и управлениям они употреблены быть имеют, по которому решению даже до 15го, 16го или 17го году учение в доме учреждено, и ученики в прочих науках и обучении еще 2, 3 или 4 года содержатся быть имеют, а именно в воинских обучении навигации, гражданской или воинской архитектуре или в истории, в правах, в стацких делах и в прочих, в музыке, в науке на шпаге биться, в танцовании, в науке на лошадях ездить и в прочих;

5.

Vom 16 oder 17 Jahre wird schon würckl. zur Sachen geschritten und woferne der junge Edellman in Militair-Diensten treten soll, so wird er erst Volontaire bey der Garde oder ändern Regimentern, worinnen die Altern auch selbst wehlen können, und solche freye Wahl ist dazu gut, daß die Altern den Sohn bey einem Regiment setzen können, woselbst der Obrister oder ein ander Officier ihr Freund oder Verwandter ist, welcher dann dem jungen Edellman seine Taafel mittheilet, ihm von wie-derlicher Gesellschafft abhält, und zu allen Adel-Exercitus und Kriegen-

Wesen ferner anführen läßt; Da er dann alle Chargen von unten auf durchgeheth, dennoch aber nach seinem Stände und Capacitet weil schleuniger alß gemeiner Leute Kinder, avanciret, und endlich in den Fußsteyfen und Würden seiner Vor-Väter hineintritt. Hiebey ist aber zu erinnern, daß wann der Sohn einen vornehmen oder reichen Vater hat, so reiset er nach einige Jahre in fremb-den Reichen, ehe er in Diensten tritt, und wann außer seinem Vaterlande Krieg ist, so gehet er in alliirter Potentaten Kriegsdiensten, umb durch würckl. Erfahrung der Grund zu der Kriegs-Wissenschaft zu legen und künfftig seinen König mit mehrer Ehre und Effect zu dienen.

5.

От 16 или 17 лет уже действительно самое дело начинается, и ежели молодой шляхтич в воинскую службу вступить имеет, то будет он сперва волонтером при гвардии или при других полках, куды родители сами заблагоразсудят и оное избрание к тому полезно, что родители сына своего в такой полк отдать могут, где полковник или иной офицер их приятелем или сродником есть, которой молодому шляхтичу стол свой дает, от худой кампании его удерживает и ко всем шляхетным обучениям и воинским делам более приводит, и тогда он чины снизу проходит, однакож по его состоянию и достоинству скорее, нежели подлых людей дети, произведен бывает, и напоследи в степень и достоинство своих праотцев вступает. Но при сем напоянуть надлежит, что когда которой сын знатного или богатого отца имеет, то ездит он прежде несколько лет в чужестранные государства, нежели он в службу вступит, и когда вне его отечества война есть, то пойдет он в воинскую службу союзных потентатов, чтоб чрез действительное искусство основание к воинскому знанию положить и впредь своему королю с вящею честью и действием служить;

6.

Die jenige Söhne hingegen welche von den Altern zu Civil-Diensten gewidmet und angeführet worden, treten gleichfalß durch unterschiedene Wege dahin ein, nachdem sie von vornehmen oder geringen, reichen oder armen Adell herkommen, nachdem sie Patronen oder mächtige Anverwandten haben, und nachdem sie lebhaft und geschickt seyn. Diejenige welche also keine Mittell wissen umb auf Academien zu gehen, oder frembde Reiche zu besehen, fangen in ihren 16. biß 17. Jahre an bey den Reichs-Collegien und der Großen Reichs-Cantzley Cantzlisten zu werden und gehen solchergestalt alle Chargen durch; ändern suchen Pagen bey des Königes Hofe, auch bey den Herrn des Senats zu werden, woselbst sie zu adelichen Übungen und Wißenschafften angeführet und hernach bey dem Hoff-Staat, oder bey der Garde befördert werden. Andere suchen alß Pagen oder Hofjunckers mit den schwedischen Gesandtschafften in frembde Länder zu gehen und etwas zu erlernen; Andere werden von reichen Anverwandten oder Patronen, so in Diensten leben, aufgenommen, und zu künfftigen Diensten in den Affairen angeführet. Andere werden, wann sie lebhaft Knaben seyn und gute Hoffnung von sich geben vom Könige selbst aufgenommen und auf des Königes Kosten in frembde Reiche gesandt, umb die Militair- oder Civil-Archi-tectur, die Navigation, die Anatomie, die Peinture, Bildhauerey oder andere Wißenschafften außen Grunde zu erlernen.

6. Насупротив того, те сыновья, которые от родителей в гражданскую службу определены и воспитаны суть, вступают во оную чрез различные способы, потому как они от какого поколения от знатного или мелкого, богатого или бедного шляхетства происходят, каких патронов или сильных сродников они имеют и какой по[н]ятности они суть, оные же, которые никакого способу и то не знают, чтоб в академию вступить или иные государства смотреть, начинают около 16и или 17 лет при государственных коллегиях или большой государственной канцелярии быть канцеляристами и проходят таковым образом все чины, иные ищут при дворе королевском и у господ от сенату пажами быть, где они к шляхетным обучениям и знаниям воспитаны и потом при надворном state или при гвардии произведены бывают, иные ищут пажами или гоф юнкерами с шведскими посольствами в ыные государ-

ства ехать и чему-нибудь обучатся, иные от богатых свойственников или патронов, которые в службе обретаются, приняты и к будущим службам в делах приведены бывают. Иные же ежели они острой природы и доброй надежды о себе подают, то они от самого короля приняты и на королевском иждивении в чужестранные государства посылаются бывают для обучения с основания воинской или гражданской архитектуры, навигации, анатомии, живописного и резного мастерства и иных наук.

7.

Der vornehmen oder reichen Edelleute Söhner gehen in ihrem 15. oder 16. Jahre wenigstens erst 2 biß 3 Jahre auf den schwedischen Academien, und legen den fernem Grund in solchen Studien, wordurch sie vor-meynen künfftig in Civil-Bedinnun-gen befördert zu werden. Hernacher treten sie ihre Reisen an, welche meistentheils auf Teutschland, Holland, Franckreich und Italien gerichtet ist; Auf solchen Reisen sind sie insgemein von einen tüchtigen Hoff-Meister begleitet. Sie continuiren entweder ihre Studien auf den frembden Academien, umb einen wollenkommenen Grund in der Gelehrtheit oder gewissen Wißenschafft-en zu legen, oder sie halten sich auch auf solchen Reisen in den vor-nehmsten Residentien auf, und erkundigen sich wie die Regierung der Hoff-Staat, das Ceremoniel, die Policy und dergleichen eingerichtet ist; Andere informiren sich von allen Rariteten und Antiquiteten, prächtigen Gebäuden, Gärten und Waßer-künsten etc; Andere beobachten die Commerciën, die Zölle, die Navigation und die Reichs Oeconomie, und erforschen durch welche Mittel die Potentaten ihre Flotten und Armeen unterhalten und ihre Schätze füllen, und daneben dennoch die Städte und Provintien in guten Stande erhalten, andere suchen fleißigen Umgang mit Leuten von Affairen und vom Staat, umb die Geheimnü-ße des Hofes und das Interesse eines solchen Reiches zu erforschen etc; Wann nun solche junge Herrn wieder zu Hause kommen, so genießen sie einen großen Vorzug vor dem übrigen jungen Adel, der nicht gnugsam studiret und gereyset hat. Sie haben einen Zutritt bey Hofe, und in allen vornehmen Gesellschaften; Ihr erste Bedinnungbey Hofe ist die Charge eines Hoffjun-ckers oder Cammer-Junckers; die in Affairen dienen wollen, suchen bey der Großen Reichs-Cantzley Cantzley-Junckers zu werden, so lang biß etwas vacant wird, oder biß sie in Verschickungen alß Residenten oder Legations-Secretarien employ-ret werden können, andere werden Assesores bey den Hoffgerichten oder bey den Reichs-Collegien, oder Land Richters in den Provinzen und wozu ein jeder capable ist, welche Bedinnungen sie alle durch Bitten und Flehen, durch Recommenda-tions und Patronen auch oft durch Presenten suchen und erhalten.

7.

Знатных или богатых шляхтичев сыновья ходят будучи около 15и или 16и лет по меньшей мере чрез два или 3 года в шведские академии и полагают дальнейшее основание в таких науках, чрез которые они надеются впредь в гражданских чинах употреблены быть, после того ездят они в ыные государства, а более в Германию, Галандию, во Францию и в Италию, в таких путях имеют они при себе обыкновенно искусного гоф мейстера и продолжают они или свои науки в других академиях, дабы совершенное основание в науках и некоторых знаниях положить или на таких путях пребывают они в знатнейших резиденциях и уведомляются, как управление, надворной стат, церемониалы, полиция и прочие учреждены, иные получают искусство о всяких раритетах и древностях, о богатых строениях, о садах, фонтанах и прочая. Иные присматриваютца х купечеству, пошлинам и навигации и к государственной экономии и проводят, чрез какие способы потентаты свои флоты и армии содержат и свою казну наполняют, и притом однако ж города и провинции в добром состоянии содержат, иные прилежно обходятся с людьми, которые у дел и у стату, дабы тайности двора и интерес онаго государства выведать, и когда оные молодые люди назад возвратились, то имеют они великое предпочтение пред прочими молодыми шляхтичами, которые недовольно обучались и в других государствах довольно не бывали, они имеют приступ при

дворе и во всех знатных компаниях. Их первое услужение при дворе есть чин гоф юнкера или каммер юнкера. Которые в делах служить хотят, ищут при Большой Государственной канцелярии быть канцелярий юнкерами, пока какая ваканция явитца, или пока они в посылках яко резиденты или секретари посольств употреблены быть могут. Иные чинятца ассессорами при надворных судах или при государственных коллегиях, обер лант рихтерами в провинциях и к чему которой годен есть, которые чины они все чрез домогательство, прошение, рекомендации чрез патронов и чрез подарки ищут и получают.

8.

Von dem schwedischen Adell tritt niemand, wann er auch noch so arm ist, zu gemeinen Schreiber-Bedienungen, alß bey den Contoiren, Zöllen, Magistraten, Gerichten und dergleichen, sondern er gehet lieber Lebenslang mit der Musquete hingegen und wann er auß Noth geringe Civil-Dienste suchen muß, so wirdt er alß Cantzeliste bey den Collegien oder der großen Reichs-Cantzley employret, und dazu kann er nicht kommen, woferne er nicht gute Studien und eine unstraffliche Aufführung hat. Die Cantzelisten bey der großen Cantzley seyn lauter Edelleute und werden, obwoll nicht im Staat, dennoch von denen Sollicitanten, alß Secretarii tituliret.

8.

Из шведского шляхетства не вступит никто, хотя б он в какой скудости ни был, в рядовой чин писарей яко в канторы таможни, магистраты судебные и протчие, но он охотнее до смерти пойдет под мушкет насупротив того, и когда он от нужды подлую гражданскую службу искать принужден, то он яко канцелярист при коллегиях или Большой Государственной канцелярии употреблен бывает, чего он получить не может, ежели он добрых наук и непорочного поступка не имеет. Канцеляристы при болшой Канцелярии суть все шляхтичи и дается им хотя не от стата однакож от челобитчиков титул секретаря.

9.

Schließlichen dienet hiebey annoch zu erinnern, daß die Könige in Schweden, weder vor noch in der Souverainitet, jemahls verlangt haben, den gantzen jungen Adell insgesamdt in würckl¹¹. Diensten zu employren, sondern er ist inderzeit auch vor die Conservation der Familien, der adelichen Güter, Bergwercke und andere Fabriquen mitgesorget worden, damit die Privat-Oeconomie im Reiche nicht zurück gehe, dergestalt, daß wann ein Edelmann in würckl¹¹ Diensten stehet, und er durch das Absterben seines Vaters oder auß ändern Ursachen genötiget wird seine Oeconomie auf dem Lande selbst zu vorzustehen, so wird ihm auf sein Anhalten die Dimission willig ertheilet.

9.

Здесь надлежит еще напомнить, что короли шведские ни прежде ни вовемя самодержавства никогда не требовали, чтоб все молодое шляхетство генерально в действительные службы употреблено было, но паче всегда о содержании фамилий шляхетных маетностей, рудокопных заводов и иных фабрик попечение имели, дабы приватная экономия в государстве не убавилась, таковым образом, что когда шляхтич в действительной службе обретается и он по смерти отца своего или по каким иным притчинам принужден свою экономию в маетностях сам управлять, то ему по его домогательству отпуск охотно дается.

10.

Endlich ist auch noch dieses zu erinnern, waß in Schweden den Adell bewegt, deßen Söhne woll erziehen und öffters mit großen Kosten studiren und reysen zu lassen. Nembl.

(1) daß ihre Kinder nicht allein durch die Geburth, sondern auch durch Tugend, gute Sitten, Wißen-schafften wieauch durch Caracteres und Besoldungen von dem übrigen Volcke unterschieden werden sollen.

(2) weiln ein Edelmann in Diensten nimmer am Leibe oder Ehren, oder Gütern gestraffet wird, oder unter des Büttels Länden kombt, es sey dann daß er ein so großes Verbrechen begangen, daß er das Erben würcklich verlieren, oder das geth-ane Unrecht durch sein Eigenthumb erstatten muß. (3) weiln die gesetzte

Regels und Ordnungen in Schweden also eingerichtet seyn, daß es bequem ist, dem Könige zu dienen und (4) weiln im benötigten Fällen ein jeder seinen Abschied haben kann.

St Petersburg d. 6 febr. 1721. Н. Фик

РГАДА. Ф. 370. Он. 1. Д. 18. Л. 1–4 об.

Помета: Реляция о воспитании в Швеции молодых шляхтичей и употреблении их в службы, сообщил в Государственную Коллегию Иностранных дел Камер рат Фик в Сан[кт] Петербурге в 7 де[нь] февраля 1721 г.

10. Напоследи такожде еще о сем напомним надлежит, о причинах, которые в Швеции шляхетство побуждает своих детей изрядно воспитать и часто с великим иждивением в науки отдавать и в иные государства посылать, а имянно: (1) Чтоб их дети не токмо по породе, но такожде по добродетелям, доброму нравоучению и знанием, такожде по карактерам и жалованью от подлаго народу отличены были. (2) Понеже шляхтич в службе никогда телесно лишением чести или маетностей наказан не бывает или в руки палача не впадает, разве что он так великое преступление учинит, живота действительно лишится достоин или за учиненное преступление имением ево конфисковано быть имеет. (3) понеже уставы, регулы и учреждения в Швеции тако учреждены, что способно есть королю служить, и (4) Понеже в потребном случае каждый свой абшит иметь может.

В Санкт Петербурге в 6 день февраля 1721 г.

РГАДА. Ф. 370. Он. 1. Д. 18. Л. 5–13.

«Харьковский коллегиум» / «Харьковская академия»: воплощенный проект белгородского епископа Епифания Тихорского

Людмила Посохова

История коллегиумов, в том числе Харьковского, уже в середине XIX века привлекла внимание краеведов (многие из которых были священниками), а в конце века появились небольшие очерки¹, авторы которых делали акцент на биографиях выдающихся воспитанников и преподавателей этого учебного заведения. Важной вехой стало исследование профессора Харьковского университета Амфиана Степановича Лебедева, посвященное просветительской роли Харьковского коллегиума². Одновременно с очерком Лебедев опубликовал 19 делопроизводственных документов из коллегиумского архива (рапорты, ведомости, аттестаты, расписание занятий, инструкции), 18 из которых датировались от середины XVIII века до 1816 года³. До сегодняшнего дня была актуализирована незначительная часть источниковой базы: кроме этой подборки (отдельные документы из нее перепечатывались⁴), были опубликованы лишь несколько документов, также относящихся ко второй половине XVIII века. Помимо этого на протяжении XIX века в журналах и газетах публиковались воспоминания бывших учеников и учителей коллегиума⁵. Заданные в 1920–1930-е годы крайне негативные характеристики коллегиумов как «церковных» и «архаичных» учебных заведений⁶ так и не были полностью преодолены в течение XX века. Исследование истории Харьковского и других коллегиумов фактически прервалось на много десятилетий⁷ и возобновилось лишь на рубеже XX – XXI веков⁸.

На протяжении всего XX века источниковая база несла серьезные потери. Известно, что архив Харьковского коллегиума сильно пострадал в 1917–1920-е годы, потом в годы Второй мировой войны и последующее время. В частности, в ходе так называемой научно-технической обработки, проводившейся в 1949–1963 годах, из фонда 40 «Харьковская духовная консистория» Государственного архива Харьковской области было уничтожено 48 339 дел и 178 кг неописанной россыпи⁹.

На сегодняшний день источники по истории Харьковского коллегиума сосредоточены в фонде «Харьковский коллегиум» (Ф. 1973) Центрального государственного исторического архива Украины в городе Киеве, фондах духовных консисторий этого архива¹⁰ и Государственного архива Харьковской области. Сохранившийся корпус источников по истории Харьковского коллегиума представлен прежде всего делопроизводственной документацией. В фондах консисторий отложились указы, распоряжения, инструкции и «промемотии» епископов, которые они направляли священнослужителям епархии, руководству и учителям Харьковского коллегиума. В фонде коллегиума сохранилась разнообразная делопроизводственная документация: рапорты и донесения ректоров о получении указов, инструкций и распоряжений епископов (с информацией о ходе учебного процесса, назначениях преподавателей), справки, рапорты, отчеты преподавателей, различного рода реестры, списки студентов, «аттестаты» и т. п. Эти документы отражают учебно-воспитательный процесс, так называемую академическую повседневность как способ существования преподавателей и студентов, а также совокупность ритуалов, коммуникативных практик, сформированных коллегиумским сообществом в сфере «академической жизни». Отдельные документы уда-

лось выявить в архивах и рукописных отделах библиотек и музеев. При этом документальных материалов, относящихся к первой половине XVIII века, а тем более к начальному периоду истории коллегиума, сохранилось крайне мало.

Кроме того, в фонде № 796 «Канцелярия Синода (1721–1918)» РГИА сохранились официальные письма, рапорты и донесения белгородских епископов, в которых речь шла и о жизни коллегиума. Иногда епископы обращались в Синод с предложениями и ходатайствами, касавшимися коллегиумов, в ответ на которые в ряде случаев принимались важные решения. Большой информационной ценностью обладают отчеты епископов, в которых содержатся в том числе сведения, характеризующие развитие коллегиума (количество классов, учителей, учеников).

Вниманию читателей предлагаются прежде всего четыре указа белгородского епископа Епифания Тихорского¹¹, относящиеся к начальному периоду Белгородской/Харьковской духовной школы. Указы епископа отложились в фонде № 2009 «Белгородская духовная консистория (1712–1855 годы)» в ЦГИАУК и публикуются впервые. Отбор материалов для публикации находился в прямой зависимости от физической сохранности (состояния) документов, поскольку почти во всех документах первых десятилетий XVIII века, имеющих отношение к коллегиумам, присутствуют значительные механические повреждения материального носителя (дыры, разрывы, отсутствие части текста), в ряде случаев процессы утраты текста приняли необратимый характер. По этой причине пришлось отказаться от публикации некоторых документов (хотя общий смысл документа понятен, и они продолжают оставаться важными свидетельствами). Указы, отобранные для публикации, являются типическими, воплощают характерные особенности организационной деятельности белгородского епископа Епифания Тихорского, направленной на создание Харьковского коллегиума. Подобные указы повторялись им неоднократно и в последующее время, будучи адресованы разным священникам во все уголки обширной епархии. Поскольку школа первоначально была основана в том же городе, где и епископская кафедра, она называлась Белгородской. Через несколько лет, при переводе ее в Харьков и преобразования на основе местных традиций (об этом речь пойдет ниже), она стала называться Харьковским коллегиумом. Однако, как это было характерно для того времени, в документах параллельно существовали названия «Харьковская школа» или же «Белгородская школа», когда в документации фиксировался факт наличия/создания школы в белгородской епархии.

Публикуемые указы на первый взгляд могут показаться банальными организационно-распорядительными материалами, вышедшими из-под пера архипастыря одной из епархий на южной окраине Российской империи. Это впечатление может усиливаться на фоне грандиозных просветительских проектов, предлагавшихся выдающимися людьми XVIII века. Однако, как известно, большинство масштабных замыслов не воплотилось в реальность, а огромная дистанция, возникшая между декларациями (даже теми, которые обрели силу законодательного акта) и исполнением начертанного, поражает не менее самих проектов. Архиереи, стоявшие во главе епархий (за исключением нескольких из них, влиявших на выработку политики Синода), как правило, не выдвигали каких-либо планов или проектов, в том числе в области просвещения. По крайней мере об этом известно очень мало, что может привести к несправедливому выводу, что они были и безынициативны, и бесправны. Изучение деятельности некоторых епархиальных архиереев (на которых государство в этом веке возложило выполнение важных образовательных задач) позволяет в ряде случаев с уверенностью говорить о четком видении ими процесса создания новых учебных заведений. Однако в силу церковных традиций и культурно-исторических условий архипастыри нередко облакали свои «проекты» не в форму «плана-проспекта», а в распорядительные документы по своей епархии. Именно таким образом некоторым архиереям удалось реализовать свои замыслы создания школ. В Российской империи XVIII века архиерей имел

достаточные полномочия для создания в епархии учебного заведения по своему плану. При этом реализация задуманного зависела от многих факторов, в том числе культурно-исторических, от готовности конкретного местного сообщества к восприятию предложенных идей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.